گو. گاسیاد. کیتابخانه‌سی
С.-А. Г. Б.
گینو. نومیر
Инв. № 160705

Отдел Востоковедения.

ТУРКЕСТАНСКІЙ

СБОРНИКЪ.

С.-А. Г. Б.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

О ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ ВООБЩЕ

и

СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СЪ НИМЪ СТРАНЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

В. И. МЕЖОВЫМЪ.

Томъ 119.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

РОССІЯ И АЗІЯ

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ, ЭТНОГРАФІИ И ГЕОГРАФІИ

НАПИСАННЫХЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ

В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ

орьенталистомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул. д. № 33

1876

РОССІЯ И АЗІЯ

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ, ЭТНОГРАФІИ И ГЕОГРАФІИ

НАПИСАННЫХЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ

В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ

орьенталистомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул. д. № 33

1876

ПАМЯТИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ НАСТАВНИКОВЪ СВОИХЪ

Осипа Ивановича

СЕНКОВСКАГО

и

Николая Герасимовича

УСТРЯЛОВА

посвящаетъ

благодарный имъ

авторъ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ настоящемъ сборникѣ нашли мѣсто изслѣдованія и статьи В. В. Григорьева, напечатанныя имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ исключительно за періодъ съ 1834 по 1852 годъ, да и то далеко не всѣ: не вошли въ составъ этого сборника ни спеціальныя нумизматическія его работы, ни критико-библіографическіе отзывы о трудахъ другихъ русскихъ орьенталистовъ, ни статьи обработанныя имъ для «Энциклопедическаго Словаря» Плюшара, ни многія изъ работъ помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Выборъ статей для Сборника сдѣланъ самимъ авторомъ. Перепечатаны онѣ въ настоящемъ изданіи безъ всякихъ измѣненій, выпусковъ * или прибавленій противу того, въ какомъ видѣ явились онѣ впервые въ печати: измѣнена слегка, для единообразія, только пунктуація. Авторъ не хотѣлъ исправленіемъ прежнихъ своихъ мнѣній или промаховъ выставить себя ученѣе или основательнѣе, чѣмъ былъ за тридцать, за сорокъ лѣтъ передъ симъ, когда писалъ издаваемое въ настоящемъ Сборникѣ. Не счелъ онъ нужнымъ дѣлать и дополненій, такъ-какъ бо́льшая часть предметовъ о которыхъ писалъ онъ, мало или и совсѣмъ

---

* За исключеніемъ выпусковъ о коихъ упоминается на стрн. 6, и конца статьи о Волжскихъ Булгарахъ, не соотвѣтствующаго этому заглавію.

не обогатилась съ тѣхъ поръ новою разработкою *. Это последнее обстоятельство и было причиною, по которой орьенталистъ нашъ счелъ небезполезнымъ дать новое изданіе нѣкоторыхъ трудовъ своей молодости (три первые изъ нихъ появились на свѣтъ когда авторъ ихъ былъ осьмнадцатилѣтнимъ юношею), сдѣлавшихся малодоступными по рѣдкости нынѣ тѣхъ періодическихъ изданій въ которыхъ были они впервые помѣщены. Печатая настоящій сборникъ, мы, относительно каждой помѣщенной въ немъ статьи, сочли нужнымъ указать гдѣ напечатана она первоначально Тѣмъ и ограничивается наше участіе въ изданіи.

П. Лерхъ

---

* За исключеніемъ только-что вышедшей въ свѣтъ на-дняхъ превосходной монографіи академика Дорна: «О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ» и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ . . . . . 1—44
II. Обзоръ политической исторіи Хазаровъ. . . . . 45—65
III. О двойственности верховной власти у Хазаровъ. . . . . 66—78
IV. Волжскіе Булгары . . . . . 79—106
V. О куфическихъ монетахъ находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи . . . . . 107—169
VI. О достовѣрности ярлыковъ данныхъ ханами Золотой-Орды русскому духовенству . . . . . 170—258
VII. О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой-Орды . . . . 259—321
VIII. Цари Воспора-Киммерійскаго, преимущественно по современнымъ имъ памятникамъ и монетамъ . . . . . 322—417
IX. Еврейскія религіозныя секты въ Россіи . . . . . 418—550
X. Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. . . . . 551—575

О ДРЕВНИХЪ ПОХОДАХЪ РУССОВЪ НА ВОСТОКЪ*.

Ни одинъ народъ древняго или новаго міра не отличался такою предпріимчивостію и отважностію, какъ Норманны. Природа образовала сихъ дикихъ дѣтей снѣговъ и морей суровыми и неукротимыми, а обстоятельства, еще болѣе развивъ ихъ характеръ, сдѣлали Норманновъ хищными и кровожадными. Нерѣдко гонимые изъ отечества голодомъ и уставами родины, сначала они принуждены были необходимостію предпринимать набѣги на сосѣднія страны; но въ послѣдствіи привычка къ походамъ и прелесть добычи сдѣлали хищничество какъ бы врожденною ихъ склонностію, ихъ отличительнымъ признакомъ. Никто не могъ сравниться съ норманномъ безпредѣльною, дикою отвагою, презрѣніемъ къ опасностямъ, предпріимчивостію и искусствомъ въ набѣгахъ, отчаянною яростію въ бояхъ. Любовь къ отечеству воодушевляла грека, слава окрыляла легіоны Римлянъ, Аравитянами водилъ фанатизмъ, Славяне сражались за независимость, Монголы жаждали крови: Норманны-же воспламенялись единственно духомъ удальства и разбоя. Рожденные на угрюмыхъ скалахъ и въ мрачныхъ дебряхъ Скандинавіи, подъ туманнымъ и снѣжнымъ сѣвернымъ небомъ, взлелѣянные бурями, вскормленные нуждами, чего еще могли страшиться они? Всякая страна, богатѣйшая ихъ собственной, привлекала къ себѣ сихъ дикихъ витязей

---

* Изслѣдованіе это напечатано впервые въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 годъ, ч. V, стр. 229—287. *Изд.*

Сѣвера. На легкихъ ладьяхъ переплывая моря и океанъ, какъ стаи голодной саранчи, опустошали они и богатыя земли Италіи, и плодородную Францію, и суровыя климатомъ, но обильныя произведеніями лѣсовъ, Сѣверовосточную Россію и Пермію. Самыя отдаленныя земли Новаго Свѣта не укрылись отъ сихъ хищниковъ.

Тотъ же самый духъ видимъ мы и въ Норманнахъ, призванныхъ въ Россію Славянами и Финнами. Едва успѣвъ утвердить власть свою на сѣверѣ, они уже двинулись на югъ, привлекаемые сокровищами Греціи, — и гордая Византія затрепетала передъ безстрашными пришлецами. Едва узнали они о цвѣтущихъ торговлею прибрежныхъ областяхъ Моря Каспійскаго — и два отважные похода остались на Востокѣ памятниками ихъ предпріимчивости.

Походы сіи принадлежатъ къ числу самыхъ темныхъ происшествій Русской Исторіи, и хотя извѣстія, доставляемыя объ оныхъ восточными писателями, давно уже сообщены были Европѣ [1], однако наши историки или не знали объ нихъ, или принимали ихъ съ нѣкоторымъ родомъ сомнѣнія. Къ первымъ относятся: Татищевъ, Болтинъ, Щербатовъ и другіе отечественные и иноземные писатели прошедшаго столѣтія; Карамзинъ въ короткихъ словахъ изложилъ сущность повѣствованія арабскихъ историковъ объ отважныхъ вторженіяхъ Руссовъ въ Грузію и Персію [2], но колебался еще признать ихъ достовѣрными; а Полевой, сказавъ о сихъ походахъ немного подробнѣе Карамзина, называетъ ихъ увеличенными разсказами восточныхъ писателей [3].

Откуда-же происходитъ это сомнѣніе, можно сказать, даже невѣріе въ дѣйствительность походовъ Руссовъ на

---

[1] *Chronicon Syriacum* Абуль-Фараджа, и *Annales Moslemici* Абуль-Феды, въ которыхъ находятся два таковыя извѣстія, изданы были: первый—въ 1789, а вторыя—въ 1790 году.

[2] Исторія Государства Россійскаго. Изд. 3. Т. I, стр. 184.

[3] Исторія Русскаго Народа. Т. I, стр. 138.

Востокъ, походовъ запечатлѣнныхъ всѣми признаками норманнскаго духа, и столь же естественныхъ и вѣроподобныхъ какъ ихъ набѣги на Царьградъ? Во-первыхъ — отъ того, что извѣстія о сихъ походахъ сообщаютъ восточные писатели; у насъ-же, какъ и въ бо̀льшей части остальной Европы, привыкли думать, что на Востокѣ пишутъ только басни да сказки, и что къ азіятскимъ историкамъ нельзя имѣть никакой вѣры; во-вторыхъ — что византійскіе лѣтописцы ничего не упоминаютъ объ оныхъ, а многимъ ученымъ кажется, что все не освященное печатію грецизма подвержено величайшему сомнѣнію; наконецъ, въ-третьихъ — отъ того, что Несторъ, единственный историкъ древней Руси, молчитъ объ нихъ.

Съ перваго взгляда, эти причины могутъ показаться важными; но основательный разборъ ихъ докажетъ противное. Разсмотримъ: 1) вѣроподобны ли извѣстія сообщаемыя о сихъ походахъ восточными писателями; 2) почему византійскіе историки, а за ними и Несторъ, не упоминаютъ объ оныхъ.

I.

Какъ ни странно мнѣніе, что извѣстіямъ восточныхъ историковъ нельзя довѣрять (ибо въ повѣствованіяхъ ихъ гораздо менѣе находится басней, чѣмъ у современниковъ ихъ, лѣтописцевъ европейскихъ Среднихъ Вѣковъ), но оно, какъ и бо̀льшая часть ложныхъ мнѣній, все-же на чемъ-нибудь основывается. Постараемся объяснить его происхожденіе. Съ самыхъ Крестовыхъ Походовъ, когда Европейцы впервые познакомились съ Востокомъ, онъ остался для нихъ какою-то страною мечтательною, страною очарованій, которую они представляли себѣ не иначе какъ родиною фей, добрыхъ и злыхъ духовъ, талисмановъ, заклинаній и вообще всѣхъ частностей жизни и вѣрованій Азіатцевъ, заимствованныхъ отъ нихъ Европейцами въ-продолженіе Среднихъ Вѣковъ. Такая идея о Востокѣ, укоренившись

однажды, не могла скоро исчезнуть и при обстоятельствахъ ей неблагопріятныхъ, ибо людямъ всегда нравится чудесное; тѣмъ менѣе, когда эти обстоятельства еще способствовали ея утвержденію. Извѣстія путешественниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кои по какимъ либо причинамъ посѣщали Индію по открытіи въ нее новаго пути кругомъ Африки, не только не охладили прежнихъ понятій, но еще дали новую пищу воображенію, представляя тотъ край чѣмъ-то волшебнымъ — не потому, чтобы эти извѣстія были ложны, но потому, что страны тѣ, по характеру своему, не имѣвшему ничего общаго съ жизнію народовъ западныхъ, казались имъ таковыми. Наконецъ переводъ арабскихъ сказокъ, по справедливости удивившій Европейцевъ чрезвычайною живостію и роскошью картинъ, всего болѣе утвердилъ ихъ въ томъ мнѣніи, что обитатели Востока живутъ совершенно въ мірѣ фантазіи. Въ-продолженіе долгаго времени, изъ всѣхъ произведеній азіятскихъ литературъ, читая только однѣ сказки, Европейцы до того проникнулись мыслію, что на Востокѣ нѣтъ ничего кромѣ сказокъ, что наконецъ стали считать сказками и историческія произведенія Азіятцевъ. И какъ сказки, будучи произведеніемъ воображенія, бо̀льшею частію основывались на вымыслѣ, то, въ слѣдствіе этого подумали, что и исторіи восточныя такъ же наполнены вымыслами. Таково, кажется мнѣ, было происхожденіе общепринятаго мнѣнія о недостовѣрности азіятскихъ историковъ. Съ Крестовыхъ-же Походовъ стали заниматься въ Европѣ и изученіемъ восточныхъ языковъ; но изученіе это, хотя подкрѣпленное Реформаціею, двинувшею впередъ всѣ отрасли знаній богословскихъ, было вяло, холодно, односторонне, ибо ограничивалось, бо̀льшею частію, языками еврейскимъ и арабскимъ, которыхъ знаніе было необходимо для хорошаго богослова. Ни исторія, ни поэзія Востока не обращали на себя вниманія, и единственная цѣль, къ которой стремились занимавшіеся сими языками, была — яснѣйшее уразумѣніе

Св. Писанія. Будучи удѣломъ немногихъ ученыхъ, трудившихся въ тишинѣ кабинета, занятія сіи не имѣли никакого вліянія на остальныхъ членовъ общества, образующихъ общественное мнѣніе; и чѣмъ менѣе знали восточные языки, тѣмъ болѣе почитали ихъ чѣмъ-то особенно мудренымъ. Труды Казири, Ассемани, Эрбело, достойно оцѣниваемые только малымъ числомъ избранныхъ, были не извѣстны бо̀льшей части ученыхъ, которые, слѣдуя господствующему мнѣнію, обвинявшему восточныхъ историковъ въ баснословіи, не любили ихъ еще и за то, что они часто противорѣчили писателямъ греческимъ — предмету ихъ благоговѣйнаго удивленія и поклоненія. Примѣромъ сему можетъ служить Моисей Хоренскій, терпѣвшій величайшія гоненія отъ Фрерѐ и другихъ, подобныхъ ему и славныхъ въ свое время ученыхъ.

Съ конца-же прошедшаго столѣтія — когда изученіе восточныхъ языковъ приняло оборотъ несравненно благопріятнѣйшій, когда ими стали заниматься какъ необходимою частію филологіи, какъ единственнымъ средствомъ поднять таинственную завѣсу, покрывающую начало народовъ — усиленію упомянутаго нами мнѣнія споспѣшествовали переводы восточныхъ поэтовъ, которые, будучи читаемы всѣми людьми образованными, могли дѣйствовать на всю массу; тогда какъ сочиненія историческія и филологическія оставались извѣстными только небольшому числу любителей и знатоковъ языковъ азіятскихъ. Вотъ почему восточнымъ историкамъ не отдаютъ еще и доселѣ должной справедливости. Другая причина этого — худые переводы сихъ историковъ, дѣлавшіеся часто учеными едва понимавшими языкъ, съ котораго переводили; такъ что люди самые благоразумные, судя по симъ переводамъ, точно могли подумать, что у азіятскихъ писателей мало смысла. Особенно несчастна участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, касавшихся иногда Россіи. Стоитъ только вспомнить, сколько безтолковыхъ предположеній настроено было на

основаніи одного дурно переведеннаго и непонятаго мѣста Ибнъ-Хаукала, чтобъ отбить всякую охоту пользоваться извѣстіями сего писателя. Но это вина переводчиковъ, а не писателей, которая впрочемъ не относится къ сказаніямъ историковъ упоминавшихъ о набѣгахъ Руссовъ на берега Каспійскаго-Моря, переведеннымъ какъ нельзя лучше извѣстными оріенталистами: гг. Френомъ, д'Охсономъ и Шармуа; притомъ, къ бо́льшей части сихъ переводовъ приложены тексты. Но достовѣрность восточныхъ писателей лучше всего докажетъ строгій разборъ ихъ извѣстій о предметѣ нашего разсужденія, походахъ Руссовъ на Востокъ.

По свидѣтельству сихъ писателей, Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода, чрезъ тридцать лѣтъ одинъ послѣ другаго. Важнѣйшее извѣстіе о первомъ изъ нихъ доставляетъ имамъ Абуль-Хасанъ Али, извѣстный подъ именемъ Масуди, одинъ изъ славнѣйшихъ историковъ Востока, жившій въ X столѣтіи. Извѣстіе сіе заключается въ XV главѣ сочиненія его: *Муруджъ-уз-Загабъ уа Маадинъ-уль-Джавагиръ* (т. е. «Золотые луга и рудники драгоцѣнныхъ камней»), написаннаго въ Египтѣ, въ 332 году геджры = 943-4 по Р. Х. Вотъ слова Масуди [4]:

«Послѣ 300 года геджры пришло къ нимъ около 500 русскихъ судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по сту че-

---

[4] Переводъ Масудіева извѣстія я сдѣлалъ съ арабскаго текста, напечатаннаго г. академикомъ Френомъ въ концѣ книги его Ibn-Foszlan's Berichte, стр. 242, сравнивъ его съ двумя манускриптами упомянутаго творенія Масуди, находящимися въ библіотекѣ Института Восточныхъ Языковъ, которыми я пользовался по благосклонности директора онаго, Ф. П. Аделунга. Третій, находящійся тамъ же, манускриптъ сего творенія не имѣетъ большой цѣны, и содержитъ это извѣстіе въ такомъ точно видѣ, какъ оно напечатано въ 329-мъ примѣчаніи II-го тома изданныхъ Рейске Annales Moslemici. Важнѣйшіе варіанты перваго изъ сихъ манускриптовъ, писаннаго въ 1148 г. геджры, я означалъ буквою A, варіанты втораго—буквою B, текстъ напечатанный Френомъ—буквою C.

За безполезностію этихъ варіантовъ въ настоящее время, и дороговизною набора арабскимъ шрифтомъ, онѣ здѣсь выпущены. *Изд.*

ловѣкъ. Вошедъ въ проливъ Нейтуса [5], который соединяется съ Рѣкою Хазарскою [6], они встрѣтили тамъ сильный гарнизонъ царя хазарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который могъ бы притти съ того моря, или изъ земли отдѣляемой рукавомъ Моря Хазарскаго [7], соединяющимся съ Рѣкою Нейтуса [8]; ибо въ сію сторону приходятъ для зимовки кочующіе орды Турокъ Гузовъ [9]; и такъ какъ вода, текущая изъ Рѣки Хазарской въ проливъ Нейтуса, иногда замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ чрезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но она не ломается подъ ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ Землю Хазаровъ. Если гарнизонъ, поставленный здѣсь для стереженія ихъ, слабъ, то царь хазарскій самъ иногда выходитъ противъ нихъ, и заграждая переправу черезъ рѣку по льду, не допускаетъ ихъ вторгаться въ свое государство. Лѣтомъ-же Туркамъ невозможно переходить рѣку».

«Приплывъ на судахъ своихъ къ хазарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю хазарскому просить позволенія пройти чрезъ его владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ Море Хазарское, называемое также, какъ мы выше упомянули, Моремъ Джорджан

---

5 *Нейтусъ*, по другимъ спискамъ *Понтусъ*, отъ Pontus Euxinus, есть названіе даваемое восточными географами Черному, а иногда и Азовскому морю; впрочемъ послѣднее они называютъ также *Майтусъ* или *Мантусъ*, отъ Palus Maeotides; «но, какъ оба моря соединяются проливомъ» говоритъ Масуди «то ихъ не для чего и различать особенными именами». См. Voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828, p. 7.

6 Такъ называется Волга у восточныхъ географовъ.

7 Каспійское море получило названіе Хазарскаго, не отъ того, чтобы Хазары плавали по оному и купечествовали—ибо Масуди рѣшительно говоритъ, что они не имѣютъ судовъ; но потому, что они были извѣстнѣйшимъ изъ народовъ обитавшихъ на его берегахъ.

8 Какъ «Рѣкою Хазарскою» Масуди называетъ здѣсь Волгу, такъ «Рѣкою Нейтуса» называетъ Донъ, который почиталъ рукавомъ Волги.

9 Гузы вѣроятно есть тотъ народъ, который Русскія лѣтописи называютъ Торками. См. Ист. Гос. Рос. Т. I, прим. 396, и Т. II, стр. 78.

скимъ, Табарестанскимъ и именами другихъ персидскихъ областей, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ обитающихъ у сего моря. Получивъ на то позволеніе, они вошли въ проливъ, дошли до устья рѣки [10], и стали подыматься ею вверхъ до Рѣки Хазарской, которою и прибыли къ городу Итилю [11]. Отъ него, по теченію этой рѣки, достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ Море Хазарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами къ Джилѣ [12], Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абисекунѣ (прибрежной области Джорджанской) и Нефтяной-Землѣ [13], до самой Области Адербайджанской; ибо отъ Ардебиля [14], города находящагося въ Адербайджанѣ, до моря—только три дня пути. Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства, производили набѣги, и предавали все огню и опустошенію».

«Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи; ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцевъ и рыболововъ. Руссы имѣли частыя битвы съ обитателями Джиля и Дейлема, съ прибрежными жителями Джорджана, и съ войсками изъ Бердаи, Аррана, Бейлекана [15] и Адербайджана, бывшими

---

[10] Т. е. Дона.

[11] Имя столицы хакана хазарскаго. См. Френа De Chazaris, p. 13.

[12] *Джиль* есть арабское названіе Гиланской Области.

[13] نفاط значитъ по Менинскому «земля изобилующая нефтью»; посему я и перевелъ بلاد النفاط *Нефтяною-Землею*, а не *Областью Нефата;* Нефтяною-Землею называется владѣніе Бакинское по причинѣ изобилія своего въ ключахъ горной нефти. См. *Извѣстія о Кавказѣ* Броневскаго, 1823, ч. II, стр. 404.

[14] Вмѣсто *Ардебиль*, какъ находится въ текстѣ С, въ манускр. А и В поставлено *Ардширъ*.

[15] *Бейлеканъ*, городъ Области Арранской лежитъ, по географу Бакуви, подъ 83° 30′ долготы и 30° 50′ широты. См. Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes, vol. I, p. 135 и 136.

подъ предводительствомъ одного изъ военачальниковъ Ибнъ-Абу эс-Саджа, и доходили до Нефтянаго-Берега, находящагося въ Области Ширванской и извѣстнаго подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоящихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной-Земли. Государемъ ширванскимъ былъ тогда Али Бенъ эль-Гайсемъ. Наконецъ жители тѣхъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи [16] и купеческія суда, отправились къ симъ островамъ; но Руссы ударили на нихъ, и нѣсколько тысячь Мусульманъ пало въ битвѣ, или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семъ морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать. Опасаясь ихъ нападенія, все народонаселеніе тѣхъ странъ было на стражѣ; ибо это море кругомъ заселено разными народами».

«Награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Рѣки Хазарской, и отсюда послали къ царю хазарскому условленную часть сокровищъ и добычи. Этотъ государь не имѣетъ судовъ, и подданные его въ мореплаваніи не опытны; въ противномъ случаѣ, они могли бы нанести Мусульманамъ великій вредъ. Аларесія [17] и другіе Мусульмане, жившіе въ Землѣ-Хазарской, узнавъ о томъ что сдѣлали Руссы, обратились къ государю хазарскому. «Позволь намъ» — говорили они — «раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, Мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, и поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Царь не въ силахъ былъ удержать ихъ; по крайней мѣрѣ онъ извѣстилъ Руссовъ о враждеб-

---

[16] Ладьею перевожу я арабское слово *карибъ*, которое, какъ и греческое Καραβιον и французское caravelle, вѣроятно, происходитъ отъ русскаго: *корабль*.

[17] Такъ называлась гвардія хакана хазарскаго, состоявшая изъ Мусульманъ, выходцевъ хорезмскихъ. См. Magaz. Asiat. par Klaproth, T. 1, № 2, p. 268.

ныхъ намѣреніяхъ Мусульманъ. Сіи-послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища непріятеля. Завидѣвъ ихъ, Руссы сошли съ судовъ своихъ и стали въ боевой порядокъ противъ Мусульманъ, къ которымъ присоединилось также множество Христіянъ, жителей города Итиля. Число Мусульманъ простиралось да 15,000 вооруженныхъ и на коняхъ [18]. Бой длился три дня сряду; наконецъ Господь ниспослалъ Мусульманамъ побѣду. Одни изъ враговъ были побиты мечемъ, другіе потонули [19]. Только около 3000 изъ нихъ спаслось, переправившись на судахъ на противную сторону рѣки, смежную съ Землею Буртасовъ [20]; здѣсь, оставивъ свои суда, они сошли на сушу; но частію были перебиты Буртасами, частію Булгарами-Мусульманами [21], въ странѣ коихъ искали убѣжища. Число убитыхъ Мусульманами на берегахъ Рѣки Хазарской простиралось до 30,000. Съ сего времени Руссы не дѣлали болѣе подобныхъ вторженій».

Разберемъ теперь извѣстіе Масудіево, о которомъ г. профессоръ Эрдманъ [22] отзывается такъ: «Всякій, со вниманіемъ прочитавшій Масуди, который не слегка и не мимоходомъ говоритъ о сихъ происшествіяхъ, согласится, что

---

[18] Г. Френъ переводитъ, что Мусульманъ и Христіянъ вмѣстѣ было 15,000; но кажется, если только мнѣ позволено быть противнаго мнѣнія съ симъ славнымъ академикомъ, что число это относится къ однимъ Мусульманамъ. И Масуди, и Ибнъ-Фодланъ, во всѣхъ своихъ извѣстіяхъ о народахъ живущихъ къ сѣверу отъ Горъ Кавказскихъ, всегда о Мусульманахъ говорятъ отдѣльно; ибо они, какъ единовѣрцы, болѣе раждали въ нихъ участія, чѣмъ народы другихъ религій.

[19] По другому списку: «побитыхъ и утонувшихъ было великое множество».

[20] Народъ сей, упоминаемый и въ русскихъ лѣтописяхъ, обиталъ, по словамъ Масуди, на рѣкѣ сего же имени, которая, выходя изъ Земли-Булгарской, впадала въ Волгу. Voyage d'Abou-el-Cassim, p. 72.

[21] Такъ называютъ восточные писатели Камскихъ Булгаръ, для отличія отъ Дунайскихъ.

[22] De Expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio, disseruit Franciscus Erdmann. Casani, 1826. Ч. I, стр. 67.

онъ исполненъ нелѣпостей и самыхъ грубыхъ басенъ (nugis absurdis et fabulis insulsis ineptiisve) [23].

А. Что могло побудить Руссовъ предпринять сей затруднительный походъ?

Не говоря уже что Руссы, или лучше Норманны, издавна посѣщавшіе Пермію, куда пріѣзжали для торговли мѣхами купцы мусульманскіе, могли еще тамъ узнать о торговой Хазаріи и богатствахъ привозимыхъ въ нее съ Востока,—вспомнимъ только, что однѣхъ побѣдъ ихъ надъ славянскими поколѣніями Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей, платившими прежде дань Хазарамъ, довольно было чтобы познакомить ихъ съ симъ народомъ, славнымъ своею торговлею и образованностію. Руссы вѣроятно еще въ IX вѣкѣ посѣщали Хазарію; ибо мы видимъ что въ X они уже служили въ гвардіи хакановъ хазарскихъ [24], которая, какъ и войско императоровъ византійскихъ, состояла изъ сброда разныхъ народовъ. Тамъ, въ столицѣ Хазаріи, Итилѣ, складочномъ мѣстѣ всей торговли сѣверо-востока Европы съ отдаленнѣйшими странами Азіи: Индіею, Персіею и Аравіею [25], они видѣли богатства привозимыя изъ странъ закаспійскихъ, и узнали какимъ путемъ приходили они оттуда. Возвращаясь въ Россію, они, какъ очевидцы, могли разсказывать своимъ единоземцамъ о сокровищахъ Востока, и такимъ образомъ воспламенять жадныя къ добычѣ души Норманновъ. Кромѣ того, Руссы могли слышать о богатствахъ привозимыхъ изъ Персіи, отъ купцевъ греческихъ,

---

[23] Замѣчательно, что и Рейске, одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ оріенталистовъ, чрезвычайно не любилъ Масуди, одного изъ самыхъ достовѣрныхъ и образованныхъ историковъ Востока. Онъ тоже говоритъ о Масуди: vulgo celebratus historicus qui tamen fabulis scatet. См. Abulfedae Annales Moslemici, t. I, p. XII.

[24] См. у Френа въ Ibn-Foszlan's Berichte, ст. 71 и 248.

[25] Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 186 и 241; Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 15.

которые вели съ Хазарами обширную торговлю тканями, мѣхами и рыбою [26], и посѣщали также и Кіевъ. Надежда обильной добычи и слава труднаго похода воспламенила удалыхъ Норманновъ, и они рѣшились на походъ въ Море Каспійское. Вотъ какія причины могли побудить Руссовъ предпринять грабительскій набѣгъ на прибрежныя области Каспійскаго-Моря. Развѣ онѣ не вѣроподобны, не въ духѣ Норманновъ, и противорѣчатъ Исторіи?

Б. Вѣроподобны и естественны ли обстоятельства сего похода, описанныя у Масуди?

Походъ сей носитъ всѣ качества и признаки другихъ норманнскихъ походовъ. Масуди говоритъ, что Руссы приплыли почти на 500 судахъ, по 100 человѣкъ на каждомъ: слѣдственно ихъ было около 50,000. Число это, можетъ быть, нѣсколько увеличено, но оно очень вѣроятно. Олегъ, по словамъ Нестора [27], ходилъ на Царьградъ съ 80,000 войска морскаго, кромѣ сухопутнаго, которое слѣдовало берегомъ; притомъ, въ дружинахъ Руссовъ находилось множество Славянъ. Что-же, послѣ этого, будетъ удивительнаго, если въ походъ на Востокъ собралось до 50,000 ратниковъ; но гораздо замѣчательнѣе то, что, по извѣстію Масуди, на каждомъ суднѣ было по 100 человѣкъ; ибо рѣдко видно, чтобы лодки Руссовъ поднимали такое количество народа [28]. Во флотѣ Олеговомъ, на каждомъ суднѣ

---

[26] Chrestomathie Arabe, par S. de Sacy, vol. II, p. 17; Voyage d'Abou-el-Cassim, p. 206.

[27] Несторовъ Временникъ, изданный по кенигсберг. списку, стр. 24.

[28] Вильгельмъ, архіепископъ тирскій, одинъ изъ важнѣйшихъ писателей о Крестовыхъ Походахъ, въ сочиненіи своемъ: Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorum Mahumet usque ad annum Domini MCLXXXVI, lib. III, cap. 7, описывая осаду Никеи, говоритъ: Copulatis ad invicem tribus aut quatuor plaustris, prout navium longitudo deposcebat, eisque desuper impositis unius noctis spatio ter milliaria, septem vei amplius funibus, humeris et cervicibus hominum et equorum impositis,

было только по 40 человѣкъ [29]; суда Казаковъ Запорожскихъ, предпринимавшихъ въ XVI и XVII вѣкахъ подобные набѣги на Малую-Азію, по сказанію Боплана, также подымали не болѣе 70 человѣкъ [30]. Но если положить, что на каждомъ суднѣ Руссовъ было хотя по 80 человѣкъ, то все число ихъ будетъ весьма значительно. Послѣдующія извѣстія Масуди о числѣ Руссовъ погибшихъ въ битвахъ съ Хазарами и другими обитателями береговъ Моря Каспійскаго, и побитыхъ Булгарами и Буртасами, столь хорошо согласуются съ означеннымъ имъ здѣсь числомъ ратниковъ, что его никакъ нельзя уменьшить безъ нарушенія соразмѣрности въ сихъ извѣстіяхъ.

Вошедши изъ Чернаго-Моря въ Проливъ Таврическій, Руссы встрѣтили здѣсь хазарскій гарнизонъ. Масуди не называетъ по имени мѣста гдѣ онъ стоялъ, но изъ византійскихъ писателей видно, что въ означенномъ мѣстѣ находился городъ Таматарха, принадлежавшій Хазарамъ. Подобный гарнизонъ, для отраженія набѣговъ кочующихъ Печенѣговъ, содержался и въ крѣпости Саркелѣ на Дону [31]. Прибывъ къ мѣсту, гдѣ расположена была стража хазарская, Руссы просили у хакана позволенія пройти чрезъ его владѣнія. Это доказываетъ, что Руссы уже хорошо были знакомы съ Хазарами, которые, въ свою очередь, не зная ихъ, также не пропустили бы чрезъ свои зѐмли. Такимъ же образомъ ходили прежде Норманны чрезъ зѐмли

---

usque ad praedictum pertraxerunt locum. Erant autem et inter eos quaedam non ita modicae, sed duae *centum* aut quinquaginta pugnatorum numerum possent recipere.» Если при осадѣ Никеи могли переволакивать столь большія суда, отчего же не могли имѣть подобныхъ Руссы во время описываемаго нами набѣга? Что у Норманновъ, а слѣдственно и у Руссовъ, были суда которыя могли вмѣщать по сту человѣкъ, видно изъ того, что на обыкновенныхъ судахъ ихъ было по 12 и 20 человѣкъ однихъ гребцовъ. См. Depping, Histoire des expéditions maritimes des Normands, T. I, p. 71.

[29] Несторъ, loco citato.

[30] Боплана, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, стр. 64.

[31] Константинъ Багрянородный, въ Memoriae populorum, T. III, p. 566.

Славянъ, чтобы служить въ войскахъ греческихъ императоровъ.

Далѣе Масуди говоритъ, что Руссы, поднявшись Дономъ, спустились изъ него въ Волгу. Онъ думалъ, что Донъ есть рукавъ Волги, и что изъ одной рѣки можно свободно войти въ другую; но какъ Донъ не соединяется съ Волгою, то какимъ образомъ Руссы, съ судами своими, попали изъ одной рѣки въ другую? — Волокомъ, перетаскивая легкія суда свои черезъ сушу. Это былъ ихъ обыкновенный образъ переправъ изъ рѣки въ рѣку, столь извѣстный, что объ немъ не нужно болѣе распространяться [32]. Карамзинъ полагаетъ, что эта переправа могла произойти въ нынѣшней Качалинской Станицѣ, гдѣ Донъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо сближается съ Волгою [33]. Г.-же Полевой, кажется, не вѣритъ тому чтобы Руссы вошли въ Волгу чрезъ Черное-Море и Донъ, и полагаетъ, что походы на Востокъ предпринимали Руссы новгородскіе и ростовскіе просто по теченію Волги, изъ внутреннихъ областей Россіи [34]. — Путь Руссовъ по Волгѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Вошедши въ Каспійское-Море, они не всѣ сдѣлали высадку въ одномъ мѣстѣ. И точно, Норманны никогда не нападали большимъ числомъ, но часто десятками и сотнями покоряли цѣлыя области. Другое дѣло былъ походъ къ Царюграду: тогда одна эта столица составляла предметъ похода; здѣсь-же вблизи не находилось городовъ на которые нужно бы было нападать большими силами.

Послѣ опустошительныхъ разбоевъ своихъ, Руссы, говоритъ Масуди, удалялись на острова, находившіеся недалеко отъ Баку. И точно, островъ Наргенъ отстоитъ отъ бакинскаго берега верстъ на пять, а острова Дуванной и Була —

---

[32] О легкости лодокъ норманнскихъ и о переволакиваньи ихъ, можно видѣть въ сочиненіяхъ славнаго академика нашего Круга: Kritischer Versuch zur Aufklaerung der Byzantischen Chronologie, стр. 203—210, и *Критическія розысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ*, стр. 93.

[33] Ист. Гос. Россійск. Т. I, стр. 184.

[34] Ист. Русск. Народа. Т. I, стр. 138.

верстъ на пятнадцать, или на двадцать. Обыкновенно Норманны въ грабимыхъ ими земляхъ срубали засѣки, чтобы свозить туда добычу и защищаться отъ нападенія жителей; но здѣсь этого невозможно было сдѣлать, и Руссы, надѣясь на свое искусство на морѣ, уходили къ тѣмъ островамъ, гдѣ были, болѣе чѣмъ на сушѣ, безопасны отъ мщенія прибрежныхъ обитателей, которые, за дерзкую попытку свою сразиться съ ними на морѣ, и заплатили жизнію. Наконецъ Руссы пошли въ обратный путь.

Скажутъ, можетъ быть: для чего Руссы, вышедъ изъ Волги, не грабили западныхъ береговъ Моря Каспійскаго, которые были къ нимъ ближе, а шли до Баку, и только оттуда простерли набѣги свои по всему южному берегу до Хорезма? Потому, что зѐмли отъ устья Волги до Дагестана принадлежали хакану хазарскому, а народы населявшіе Дагестанъ были или данниками его, или союзниками; слѣдственно, находясь подъ его покровительствомъ, пощажены были Руссами, коимъ невыгодно было раздражить хакана, могшаго отмстить имъ на возвратномъ пути. Притомъ, эти земли не были такъ богаты, какъ тѣ которыя они грабили.

Прибывъ къ устью Волги, и исполняя заключенное условіе, Руссы отослали хакану обѣщанную часть добычи — и все кончилось бы хорошо, но хакановская гвардія и Мусульмане возстаютъ: ихъ вооружаетъ месть за кровь единовѣрцевъ. Это очень естественно; но какимъ образомъ хаканъ не могъ имъ воспрепятствовать въ ихъ намѣреніи? Пототу что 1) Мусульмане были очень сильны въ его владѣніяхъ, и главнѣйшія отрасли торговли находились въ ихъ рукахъ; 2) Аларесія составляла главную часть постояннаго войска, а она вся была изъ Мусульманъ. Чтобы удержать бунтующихъ, надобно было употребить другое войско, а его не было. Притомъ въ Хазаріи народъ имѣлъ право свергать хакановъ, когда они ему не нравились [35]; слѣдо-

---

[35] Масуди, въ Magaz. Aziat. T. I, № 2, p. 270.

вательно, хаканъ невольно долженъ былъ повиноваться желанію народа, и въ настоящемъ случаѣ не имѣлъ никакой власти удержать Мусульманъ отъ нападенія на Руссовъ.

Теперь разсмотримъ обстоятельства битвы. Около 30,000 Руссовъ погибли въ сраженіи и потонули въ Волгѣ, да 5,000 ихъ истреблено на лѣвомъ берегу сей рѣки — всего 35,000. Слѣдовательно, изъ 50,000 отправившихся въ походъ, 15,000 перебиты уже были въ разныхъ сраженіяхъ съ прибрежными обитателями Моря Каспійскаго. Всѣ эти числа очень вѣроподобны, и не противорѣчатъ другъ другу. Итакъ на бой съ Мусульманами хазарскими выступило до 35,000 человѣкъ. Масуди говоритъ, что Мусульманъ было только 15,000, но что съ ними находилось множество Христіянъ итильскихъ. Слѣдуя-же переводу Френа, 15,000 было не однихъ Мусульманъ, а вмѣстѣ съ Христіянами; но вспомнимъ, что одной Аларесіи было 12,000 [36], и что Мусульманъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, жило въ Итилѣ болѣе 10,000 [37]. Слѣдовательно, можно основательно полагать, что 15,000 было однихъ Мусульманъ. Христіянъ также могло находится въ Итилѣ большое количество, ибо вѣра христіанская проповѣдуема была тамъ уже около 60 лѣтъ [38]. Такимъ образомъ число ратниковъ, по всей вѣроятности, было равно съ обѣихъ сторонъ. Но, какимъ образомъ отважные, воинственные до безумія Руссы разбиты были Мусульманами? Не приписалъ ли Масуди побѣду своимъ единовѣрцамъ, движимый ревностію къ религіи? Нѣтъ; Мусульмане имѣли много выгодъ на своей сторонѣ, и дѣйствительно могли разбить Руссовъ: во-первыхъ — они на ровномъ мѣстѣ сражались на коняхъ противъ пѣшихъ Руссовъ, а извѣстно, что въ такомъ случаѣ конница имѣетъ большое преимущество; во-вторыхъ — Мусульмане воспла-

---

[36] Масуди, ibid. p. 268.

[37] De Chazaris, p. 7.

[38] Въ 857 году.

менялись фанатизмомъ и жаждою мести; Руссы-же, пресыщенные добычею, дрались уже не такъ отважно, какъ идя на бой полунагіе и голодные; въ-третьихъ — Мусульмане превосходили Руссовъ вооруженіемъ, ибо Аларесія имѣла латы, кольчуги и шишаки; наступательнымъ оружіемъ — копья и луки [39]. Зная хорошо мѣстоположеніе, Мусульмане могли прижать Руссовъ къ берегу, и заставляли бросаться въ рѣку, какъ на единственный путь остававшійся къ спасенію. Руссы, привыкшіе къ морю и заботившіеся болѣе о сохраненіи награбленныхъ богатствъ, чѣмъ объ успѣхѣ битвы, надѣясь доплыть до судовъ, гдѣ хранилась добыча, избирали, можетъ быть, это средство, и гибли въ волнахъ широкой Волги. Такимъ образомъ, вѣроятно, что большая часть Руссовъ могла погибнуть въ водахъ быстрой рѣки, а не отъ меча непріятельскаго. Притомъ, если предположить, что число убитыхъ Руссовъ и увеличено, это не измѣнитъ достовѣрности событія. Булгаре мохаммеданской вѣры и Буртасы потому истребляли Руссовъ, что были единовѣрцами и союзниками Хазаровъ. Слова̀ Масуди: «Съ сего времене Руссы не дѣлали болѣе подобныхъ вторженій» — между тѣмъ какъ они совершили послѣ сего похода другой, еще славнѣйшій — объяснимъ мы далѣе. Разобравъ извѣстіе Масудіево, теперь, кажется, рѣшительно можемъ сказать, что въ немъ нѣтъ ни басень, ни нелѣпостей.

В. Не имѣлъ ли Масуди какого нибудь повода выдумать это извѣстіе?

Важнымъ доказательствомъ истины сего похода служитъ вѣроподобность разобранныхъ нами обстоятельствъ онаго; но еще болѣе удостовѣряетъ въ ней характеръ самаго извѣстія. Описывая вторженіе Руссовъ, Масуди не былъ водимъ ни ревностію къ религіи, ни любовію къ отечеству; не имѣлъ въ виду ни увеличить славы Мусульманъ, ни

[39] Масуди, loco citato.

воспѣть своего героя, какъ Низами. Онъ упоминаетъ объ немъ мимоходомъ, только для опроверженія мнѣнія утверждавшихъ что Черное-Море соединяется съ Каспійскимъ посредствомъ Азовскаго: «Ибо, если бы это было такъ» — говоритъ онъ — «то Руссы, господствующіе на морѣ Понтусъ, могли бы прямо войти въ Море Хазарское. Слѣдовательно, вѣрно что это море не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ другимъ: оно есть небольшое море, запертое со всѣхъ сторонъ. Что-же касается до морскаго похода Руссовъ, о которомъ мы упомянули, то это происшествіе весьма хорошо извѣстно всѣмъ жителямъ тѣхъ мѣстъ. Въ которомъ году оно случилось, я не могу точно припомнить, но только это было послѣ 300 геджры [40]». Предметъ сей чрезвычайно занималъ Масуди, какъ географа; стараясь собрать объ ономъ сколько можно болѣе свѣдѣній, онъ приводитъ также въ доказательство и походъ Руссовъ: слѣдовательно, странно бы было предполагать, что онъ выдумалъ столь необыкновенное средство для доказательства своего мнѣнія. Притомъ, это извѣстіе не такого рода чтобъ его можно было выдумать изъ головы: Масуди былъ современникъ онаго, писалъ исторію, а не поэму, писалъ тогда, когда еще тысячи свидѣтелей могли обнаружить его ложь. Посему, съ его стороны, странно бы было столь нагло морочить своихъ читателей. Еще: мусульманинъ, родомъ египтянинъ, откуда бы могъ онъ узнать о бытѣ Норманновъ столь обстоятельно, чтобы составить подобное описаніе похода, носящаго всѣ признаки норманскаго духа? Какимъ бы образомъ пришла ему въ голову мысль выдумать происшествіе столь необыкновенное, и столь трудно исполнимое, что оно удивляетъ еще въ наше время, когда уже столь извѣстны предпріимчивость и удальство Норманновъ? Какимъ бы образомъ, наконецъ, послѣдовавшіе за Масуди писатели стали повторять нелѣпыя басни его?

---

[40] Les peuples du Caucase, par d'Ohsson, p. 244.

Всѣ извѣстія Масуди чрезвычайно положительны; объ одномъ только онъ говоритъ неопредѣленно — о времени вторженія Руссовъ. По словамъ его оно произошло послѣ 300 года геджры. Это, по нашему лѣтосчисленію, приходится послѣ 912 года по Р. Х., слѣдовательно въ княженіе Игоря. Далѣе Масуди говоритъ, что Руссы сражались съ полководцемъ Ибнъ-Абу-эс-Саджа. Это обстоятельство даетъ возможность точнѣе опредѣлить время нападенія. Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, или полнѣе Абуль-Касемъ Юсуфъ Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, прозванный *Дивдадомъ*, былъ сдѣланъ правителемъ Адербайджана въ 296 году геджры = 908-9 по Р. Х.; правилъ сею областію до 307 года = 919, когда былъ смѣненъ за бунтъ; потомъ въ 310 = 922 снова возстановленъ въ своей должности, которую и исполнялъ по 314 = 926-7. Слѣдовательно, набѣгъ Руссовъ долженъ былъ произойти въ одинъ изъ сихъ промежутковъ. Этимъ разысканіемъ обязаны мы г. д'Охсону [41]; нашъ-же академикъ, г. Френъ, на основаніи одного мѣста изъ Исторіи Табарестана и Мазандерана (сочиненія Миръ Зегиръ-эд-Дина Мераши) опредѣлилъ время сего похода еще точнѣе, именно въ первомъ промежуткѣ правленія Ибнъ-Абу-эс-Саджа, въ первыхъ шести мѣсяцахъ 301 года геджры, или въ концѣ 913 года по Р. Х. [42]. Итакъ Масуди не угадалъ только однимъ годомъ.

Достовѣрность Масудіева сказанія подтверждаетъ еще другой историкъ — вышеупомянутый нами Миръ Зегиръ-эд-Динъ Мераши, который въ своей Исторіи говоритъ:

«Между тѣмъ *(предъ 914 годомъ, когда Саманиды лишились Табарестана)* толпы Руссовъ прибыли на корабляхъ въ Табарестанъ, сдѣлали тамъ высадку, и произвели большія опустошенія. Саманиды употребили всѣ усилія къ ихъ истребленію, и успѣли совершенно уничтожить этого непріятеля» [43].

---

[41] Ibidem, p. 242.

[42] Nouv. Journal Asiatique, T. II, p. 452—455.

[43] Переводъ этого мѣста Исторіи Миръ Зегиръ-эд-Дина, сдѣланный г. Фре-

Это извѣстіе, незначительное само по себѣ, служитъ важнымъ подтвержденіемъ Масудіеву. Зегиръ-эд Динъ упоминаетъ объ одномъ Табарестанѣ потому, что писалъ исторію только этой страны; Руссовъ совершенно истребленными почелъ онъ или потому, что они уѣхали на своихъ судахъ, и объ нихъ въ тѣхъ странахъ не было уже болѣе слуху, или по той причинѣ, что тотъ отрядъ ихъ, который вышелъ на берегъ въ Табарестанѣ, точно былъ тамъ истребленъ Саманидами.

Таковы извѣстія, доставляемыя восточными писателями о первомъ походѣ Руссовъ въ земли закаспійскія. Теперь посмотримъ что̀ они пишутъ о второмъ, болѣе запутанномъ и послѣдовавшемъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ перваго, съ которымъ смѣшивали его Рейске и Эрдманъ.

Объ немъ упоминаютъ:

1) Шегабъ-эд-Динъ Абу-Абдъ-ул-Лахъ Якутъ (родившійся въ 575 (=1179) и умершій въ 626 (=1229) году геджры) въ своемъ *Моджемъ-улъ-Больданъ*, Географическомъ Словарѣ:

«Русь есть тотъ народъ, который въ.....году, овладѣвъ Бердаою, разорялъ ее, доколѣ Господь не воздалъ имъ за то, и не истребилъ ихъ» [44].

2) Григорій Абуль-Фараджъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Баръ-Гебрея (род. въ 1226, умеръ въ 1286 по Р. Х.), въ своей *Сирійской Хроникѣ*:

номъ, отличается нѣсколько отъ перевода того же мѣста г-номъ Шармуа. Вотъ какъ перевелъ Френъ: Pendant ce temps une foule des Russes qui s'étaient mis sur des vaisseaux, arrivèrent par mer dans le Tabaristan, pays qu'ils dévastèrent dans toutes les directions. Les Samanides firent tous leurs efforts pous detruire cet ennemi redoutable et parvinreut enfin à le chasser (См. Nouv. Journ. Asiat. T. II, p. 453). А вотъ переводъ Шармуа: Sur ces entrefaites, une foule de Russes arrivèrent, à bord de leurs vaisseaux, dans le Thabèristân, où ils débarquèrent et causèrent de grands ravages. Les Samanides firent tous leurs efforts pour les exterminer, et détruisirent entièrement ce corps (См. Dissertation sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie).

[44] Ibn-Foszlan's Berichte, s. 2.

«Въ первое лѣто царствованія Мостакфи, 335 (=944) геджры, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лазги; они опустошили всю землю до Адербайджана, взяли городъ Бердау, и, убивъ въ немъ 20,000 человѣкъ, ушли назадъ» [45].

3) Исмаилъ Ибнъ-Али Абуль-Феда (род. въ 762 (=1273), умерш. въ 732 (1332) году геджры), въ своихъ *Мусульманскихъ Лѣтописяхъ:*

«Въ семъ году (332 = 943) одно изъ поколѣній Руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по Морю-Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникнуло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу, и наконецъ прежнимъ путемъ возвратились во свояси» [46].

Но важнѣйшія извѣстія доставляютъ Ибнъ-эль-Эсиръ и Низами.

4) Иззъ-эд-Динъ Али Ибнъ-Мохаммедъ, называемый вообще Ибнъ-эль-Эсиръ Джезери (ум. въ 630 (=1253) геджры) — историкъ, уважаемый на Востокѣ столько же какъ и Масуди, въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ *Камильут-Тарихъ*, «Полная Лѣтопись», доставляетъ самое обстоятельное описаніе сего похода. По неимѣнію текста, котораго единственный извѣстный экземпляръ находится въ библіотекѣ Упсальскаго Университета, мы извлечемъ извѣстіе Ибнъ-эль-Эсира изъ сочиненія д'Охсона: Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim, который приводитъ оное въ французскомъ переводѣ, и разберемъ его такимъ же образомъ, какъ и Масудіево. Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ:

«Въ 332 году снова увидѣли Руссовъ въ Хазарскомъ-Морѣ; они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру, и внезапно появились предъ Бердаою, столицею Аррана, отстоящею около трехъ фарсанговъ [47] къ югу отъ сей рѣки. Градо-

---

[45] Chronicon Syriacum, p. 189.

[46] Annales Moslemici, T. II, p. 126.

[47] *Фарсахъ* или *фарсангъ*, такъ же какъ и европейская миля, въ раз-

начальникъ, управлявшій столицею отъ имени правителя адербайджанскаго, выступилъ противъ нихъ съ отрядомъ войскъ дейлемитскихъ и волонтерами, всего числомъ болѣе 5,000; но Руссы разбили ихъ въ одну минуту. Дейлемиты были переколоты, а бѣжавшіе съ поля сраженія преслѣдованы до города, изъ котораго спѣшили спасаться всѣ, которые только могли достать вьючный скотъ. Вступивъ въ городъ, Руссы тотчасъ же объявили, что жизнь обитателей будетъ пощажена. Они сдержали свое слово, и, должно отдать имъ справедливость, они вели себя воздержно».

«Между тѣмъ войска̀ мусульманскія собрались со всѣхъ сторонъ; но бывъ атакованы Руссами, они предались бѣгству. Во время сраженія, чернь Бердаи, вышедъ вонъ изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями, и ругать ихъ во всю мочь. Руссы убѣждали народъ прекратить непріязненныя дѣйствія; но онъ не слушался, и удалились только благоразумнѣйшіе. Городская сволочь, особенно пастухи, никакъ не могли удержаться. Наконецъ Руссы, вышедъ изъ терпѣнія, объявили чтобы въ теченіе недѣли всѣ жители Бердаи вышли изъ города. Тѣ, которые имѣли вьючный скотъ, отправились; но послѣ назначеннаго срока довольное число жителей еще оставалось въ городѣ. Многихъ изъ нихъ лишивъ жизни, 19,000 человѣкъ, избѣжавшихъ смерти, Руссы взяли въ плѣнъ. Потомъ, собравъ въ мечеть остальныхъ жителей, отъ коихъ можно было надѣяться получить хорошій выкупъ, они объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти. Одинъ частный человѣкъ, Христіанской Вѣры, принялъ участіе въ сихъ несчастныхъ, и сталъ договариваться съ Руссами объ ихъ освобожденіи, назначая за каждую голову по 20

ныхъ странахъ имѣетъ разную длину. Географическій фарсахъ заключаетъ 3 мили, всякую по 4000 персидскихъ гёзовъ, содержащихъ въ себѣ по 24 дюйма (*Исторія Монголовъ*, С.-Петербургъ, 1834; примѣч. 58).

драхмъ; но заключенные, кромѣ нѣкоторыхъ благоразумнѣйшихъ, отказались заплатить этотъ выкупъ. Руссы, видя, что имъ тутъ ничего нельзя получить, предали ихъ смерти, исключая немногихъ, успѣвшихъ спастись. Потомъ сіи чужеземцы разграбили городъ, взяли въ рабство дѣтей, и выбрали женщинъ, которыя имъ понравились».

«Бѣдственная участь Бердаи возбудила въ сердцахъ мусульманскихъ сожалѣніе и негодованіе; повелѣно было сдѣлать всеобщее ополченіе. Правитель Адербайджана, Мохаммедъ Ибнъ-Мусаффиръ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Эль-мерзебана [48], успѣвъ собрать 30,000 войска, выступилъ противъ Руссовъ; но, бывъ разбитъ, принужденъ былъ отступить. Послѣ сей побѣды Руссы оставались уже спокойными, и въ продолженіе довольно долгаго пребыванія своего въ Бердаѣ, только разъ сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги [49]; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, жертвою которой погибло большое число ихъ».

«Наконецъ Мерзебанъ, стараясь всѣми мѣрами избавиться отъ сихъ безпокойныхъ гостей, рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Часть войскъ своихъ поставивъ въ засаду, съ остальными онъ пошелъ противъ непріятеля, съ намѣреніемъ обратить тылъ, для того чтобы, когда Руссы станутъ его преслѣдовать, находившіеся въ засадѣ, по условленному знаку, ударили на нихъ сзади. Дѣйствительно Мерзебанъ напалъ на Руссовъ, и, бившись нѣсколько времени, обратился въ бѣгство; но войска̀ его, перешедши за мѣсто гдѣ находилась засада, вмѣсто того чтобы снова обратиться на непріятеля, продолжали бѣжать, заботясь только о собственномъ спасеніи. Мерзебанъ самъ разсказывалъ одному изъ друзей моихъ всѣ обстоятельства

---

[48] *Мерзебанъ*—тоже что маркграфъ, охранитель границъ, пограничный воевода.

[49] *Мерага*—городъ недалеко отъ Тебриза, въ-послѣдствіи славный своею обсерваторіею.

сего происшествія. «Я кричалъ моимъ войскамъ»—говорилъ онъ—«чтобы они обратились на непріятеля; но меня никто не слушалъ: такъ всѣ боялись Руссовъ. Видя, что если мои войска будутъ продолжать бѣжать, то всѣ погибнутъ отъ меча враговъ, и что Руссы, напавъ потомъ на находившихся въ засадѣ, и ихъ такимъ же образомъ переколятъ, я рѣшился въ эту минуту противостать невѣрнымъ, хотя при мнѣ былъ только братъ мой и одинъ изъ офицеровъ, и приготовился къ мученической смерти [50]. Дейлемиты, пристыженные моимъ примѣромъ, возвратились, и мы ударили на Руссовъ, подавъ нашей засадѣ условленный сигналъ. Она приняла ихъ сзади, мы дрались храбро, и убили у нихъ много народу, между прочими и ихъ предводителя». Остатки Руссовъ удалились въ цитатель Бердаи, называемую Шегристанъ [51]. Снабдивъ ее хорошо съѣстными припасами, они перевели туда своихъ плѣнниковъ, и перевезли пожитки. Правитель Адербайджана обложилъ сначала эту крѣпость; но во время осады получилъ извѣстіе, что отрядъ войскъ, посланный правителемъ областей Мосула и Джезирэ, вступилъ въ Адербайджанъ для покоренія сей области. Извѣстно что Халифатъ сталъ жертвою безначалія, что каждый правитель сдѣлался независимымъ владѣльцемъ въ своей области, и что халифъ царствуетъ только въ Иракъ-Араби. Насиръ-эд-Доуле, внукъ Хамдановъ, наслѣдовавшій послѣ отца своего управленіе Мосуломъ и Джезирэ (Месопотаміею), вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ состояніемъ своего сосѣда, чтобы отнять у него Адербайджанъ. Двоюродный братъ его, Абу-Абдъ-ул-Лахъ Хусейнъ, назначенный имъ для исполненія сего предпріятія, приближался уже къ Сельмасу, когда Мохаммедъ Ибнъ-Мусаф-

---

50 Смерть въ бою съ невѣрными Мусульмане почитаютъ мученическою смертію.

51 Такія цитадели, называемыя *диглиз*'ами и *шегристан*'ами находятся во всѣхъ древнихъ городахъ персидскихъ.

фиръ, извѣстясь о его походѣ, оставилъ часть войскъ передъ Шегристаномъ, съ остальными-же пошелъ противъ Хусейна. Вступивъ съ нимъ въ битву, онъ разбилъ его войско, состоявшее, по бо́льшей части, изъ Арабовъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Хусейнъ получилъ письмо отъ Насиръ-эд-Доуле, который, извѣщая его о смерти главнокомандующаго, Тузуна, и о намѣреніи своемъ итти къ Багдаду, повелѣвалъ соединиться съ нимъ для сопутствованія въ семъ предпріятіи».

«Тузунъ въ продолженіе 28 мѣсяцевъ былъ полновластнымъ правителемъ Багдада. Въ предшествовавшемъ году (332 =944), низложивъ халифа Моттаки, онъ возвелъ на престолъ Мостакфи-Биллаха. Теперь, съ одной стороны Насиръ-эд-Доуле, съ другой Ахмедъ Ибнъ-Буѣ, обладатель Иракъ-Аджеми, хотѣли овладѣть браздами правленія. По отправленіи Хусейна для соединенія съ братомъ, Мерзебану можно было снова обратиться на Руссовъ; но въ этомъ не было уже нужды. Болѣзни между сими иноземцами усилились еще болѣе съ того времени какъ они заперлись въ Шегристанѣ. Ослабленные симъ, они рѣшились ночью вытти изъ крѣпости, унося на плечахъ лучшее свое имущество. Достигнувъ берега рѣки Кура, безъ всякаго нападенія со стороны осаждающихъ, которые не смѣли ихъ преслѣдовать, они сѣли на свои суда и отправились. Такимъ образомъ Господь очистилъ страны мусульманскія отъ сей толпы невѣрныхъ».

Таково сказаніе Ибнъ-эль-Эсира. По своей подробности оно превосходитъ самое извѣстіе Масуди, по духу-же безпристрастія и какой-то откровенности, по естественности и вѣроподобности описываемыхъ въ немъ обстоятельствъ, удаляетъ всякое подозрѣніе о подлогѣ. Объяснимъ причины и обстоятельства сего похода.

1) *Причины похода*. Поводомъ къ предпринятію этого, втораго, похода могли служить тѣ же самыя обстоятельства, которыя произвели и первый, т. е. жажда добычи.

Еще въ первый походъ, громя берега Моря Каспійскаго, Руссы могли узнать о богатствахъ Бердаи; во второй рѣшились овладѣть ими. Бердаа въ X столѣтіи была не то, что нынѣ — деревушка Берде [52]. Она, по описанію Ибнъ-Хаукала, посѣщавшаго ее черезъ четыре года по разореніи Руссами, простиралась на фарсантъ отъ С. къ Ю. и нѣсколько менѣе отъ В. къ З; лежала на почвѣ самой плодородной и производила большую торговлю шелкомъ, плодами и другими произведеніями земли. «Теперь», говоритъ Ибнъ-Хаукалъ, «этотъ городъ уже не такъ цвѣтущъ; однако въ немъ все еще много рынковъ, караван-сараевъ и публичныхъ бань, несмотря на всѣ бѣдствія, претерпѣнныя имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ подпалъ власти Руссовъ» [53]. Въ VIII столѣтіи Бердаа была столицею государей албанскихъ и мѣстопребываніемъ патріарховъ сего народа; слѣдовательно, издревле будучи славною и богатою, могла привлечь къ себѣ жадные взоры Руссовъ. Но что̀ побудило ихъ, испытавъ однажды ужасное пораженіе, предпринимать въ другой разъ походъ, въ которомъ снова могли они подвергнуться подобной опасности? Отвѣчаемъ: ихъ мужество безпредѣльное, ихъ презрѣніе къ жизни. Не разъ разбивали ихъ Греки, но Руссы не переставали дѣлать набѣги на Византію. Отъ чего-же имъ и здѣсь не испытать было счастья и не пуститься снова на грабежъ въ страны прикаспійскія. Впрочемъ надобно согласиться, что тутъ еще много темнаго, которое объяснится тогда, когда лучше узнаются отношенія древней Россіи къ странамъ прилежащимъ къ ней съ юго-востока. До тѣхъ же поръ будемъ довольствоваться одними предположеніями, какія можно извлечь при нынѣшнемъ состояніи Исторіи.

2) *Обстоятельства похода.* Не упоминая, какимъ образомъ Руссы вошли въ Каспійское-Море (о чемъ будемъ

---

[52] Klaproth, Russland's Vergroesserungen. Berlin, 1814, s. 108.

[53] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 109.

говорить ниже), Ибнъ-эль-Эсиръ начинаетъ тѣмъ, что они, поднявшись рѣкою Куромъ, подступили къ Бердаѣ. Одинъ этотъ образъ дѣйствія уже показываетъ Норманновъ, которые всегда вторгались по теченію рѣкъ, ибо въ такомъ случаѣ на своихъ лодкахъ имѣли безопасное убѣжище какъ для самихъ себя, такъ и для храненія добычи. Всѣ послѣдовавшія за симъ обстоятельства носятъ признаки величайшей достовѣрности. Руссы, разграбивъ городъ, взяли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей: то же видимъ мы и въ извѣстіи Масудіевомъ. Взрослыхъ мущинъ вѣроятно они не брали для того, что за ними нужно было имѣть строгій присмотръ, чтобы удержать отъ возмущенія. Женщины-же были лакомою добычею для Руссовъ, коихъ жены оставались въ отдаленномъ отечествѣ [54]. Болѣзнь, происшедшая отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ, есть явленіе, безпрестанно повторяющееся въ Грузіи и другихъ южныхъ странахъ со всѣми сѣверными уроженцами. Извѣстно, также, что войска европейскія всегда гибли въ Азіи болѣе отъ климата, нежели отъ оружія враговъ. Примѣры сего безчисленны, и въ древнія, и въ новѣйшія времена. Хитрость Мерзебана, состоявшая въ засадѣ — какъ нельзя болѣе въ духѣ Востока, гдѣ все умѣнье, весь верхъ военнаго искуства, заключается въ томъ чтобы заставить непріятеля попасть въ засаду. Наконецъ и въ самомъ удаленіи видѣнъ отважный духъ Руссовъ. Вспомнимъ, какъ воины Свято-

---

[54] «Il n'était pas nécessaire» говоритъ о Норманнахъ Депингъ «de se choisir une compagne et de chercher à lui plaire; les habitudes de pirates dispensaient de ces soins; on enlevait des femmes comme du butin.» Hist. des expéd. marit. des Normands, vol. I, p. 48. Извѣстія Мусуди и Ибнъ-эль-Эсира объясняютъ также одно важное обстоятельство въ Русской Исторіи— торговлю невольниками. Описывая выгоды Булгаріи, Святославъ говорилъ что изъ Россіи везутъ туда медъ, воскъ и невольниковъ. Откуда брали Руссы невольниковъ? спрашивали многіе историки. Они доставали ихъ въ набѣгахъ подобныхъ тѣмъ, кои они совершали на земли прикаспійскія. Вѣроятно также, что *ходя на дань* къ подвластнымъ имъ дикимъ поколѣніямъ славянскимъ и финскимъ, Руссы поступали съ ними не лучше какъ съ врагами, особенно если тѣ еще иногда возмущались.

слава, закинувъ на спину щиты свои, въ виду цѣлаго греческаго войска, смѣло удалялись въ осажденный Доростолъ — и ничего не будетъ удивительнаго, если Мусульмане, опасаясь отчаяннаго отпора Руссовъ, дозволили имъ свободно пройти къ судамъ; но странно то, какъ Мусульмане не сожгли прежде сихъ судовъ. Вѣроятно, стоя посреди рѣки, суда охраняемы были сильною стражею; или Мусульмане, полагая что голодъ и болѣзни заставятъ наконецъ Руссовъ сдаться, надѣялись тогда овладѣть судами безъ кровопролитія, и употребить ихъ въ свою пользу; но какъ бы то ни было, довольно того что Руссы ушли.

Одно только недоразумѣніе встрѣчается въ извѣстіи Ибнъ-эль-Эсира; но и въ немъ, по нашему мнѣнію, виноватъ не онъ, а французскій переводчикъ сего извѣстія — г. д'Охсонъ. Именно, по переводу д'Охсона, Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ: «Мерзебанъ самъ разсказывалъ одному изъ друзъ *моихъ* (à un de mes amis) обстоятельства сего происшествія». Этого никакъ не могло случиться, ибо отъ того времени когда происходило сраженіе (943 г.) до того когда родился Ибнъ-эль-Эсиръ (1160 г.) прошло 217 лѣтъ. Положимъ, что Мерзебану, когда онъ сражался съ Руссами, было 30 лѣтъ, и что онъ разсказывалъ о томъ другу Ибнъ-эль-Эсира черезъ 50 лѣтъ послѣ сей битвы, въ 993 году. Другъ этотъ (положимъ что ему было 20 лѣтъ, когда онъ слышалъ разсказъ Мерзебана), чтобы пересказать Ибнъ-эль-Эсиру слышанное имъ въ 993 г., долженъ былъ прожить послѣ этого до рожденія Ибнъ-эль-Эсира 167 лѣтъ; но какъ онъ не могъ разсказывать нашему историку, когда тотъ былъ еще въ колыбели, то для этого долженъ былъ дожидаться еще лѣтъ 20: явно, что это невозможно, и что тутъ должна быть ошибка, и ошибка самая простая. Въ подлинникѣ вѣроятно было написано لاحد من اصدقائه *(одному изъ друзей своихъ);* а д'Охсонъ, прочитавъ ошибкою, или, можетъ быть, по неисправности рукописи, لاحد من اصدقائى *(одному изъ друзей моихъ)*, и

не обративъ вниманіе на происшедшій отъ сего анахронизмъ, перевелъ *à un de mes amis* вмѣсто *à un de ses amis*. Такая ошибка можетъ случиться со всякимъ. Этимъ весьма естественнымъ предположеніемъ объясняется все недоразумѣніе; изъ него можно также заключить, что Ибнъ-эль-Эсиръ, описывая это происшествіе, пользовался сочиненіемъ какого нибудь другаго писателя, современника вторженію Руссовъ, который, можетъ статься, былъ другомъ Мерзебана и слышалъ описаніе этого происшествія отъ него самого. Въ послѣднемъ предположеніи удостовѣряютъ также и многочисленныя подробности Ибнъ-эль-Эсирова извѣстія, которыя врядъ ли могли быть собраны въ такой связи болѣе чѣмъ черезъ два столѣтія послѣ того какъ случилось описанное нами событіе.

Обратимся теперь къ Низами.

Низами, уроженецъ города Генджи, нынѣ Елисаветполя (ум. въ 576 (=1108-1) году геджры), почитается однимъ изъ славнѣйшихъ эпическихъ поэтовъ Персіи. Онъ написалъ, кромѣ множества другихъ произведеній, пять огромныхъ поэтическихъ романовъ, и былъ ученѣйшимъ и славнѣйшимъ мужемъ своего времени.

Въ числѣ романовъ его, одинъ, извѣстный подъ именемъ *Эскендеръ-Намэ* или Александреиды, заключаетъ въ себѣ описаніе разныхъ подвиговъ Александра, этого безсмертнаго миѳическаго символа побѣдителя на Востокѣ, какъ называетъ его одинъ изъ современныхъ намъ историковъ. Воспѣвъ славныя дѣла совершенныя героемъ македонскимъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра, Низами увѣнчиваетъ всѣ подвиги Александра побѣдою одержанною имъ надъ Руссами. Отдѣленіе Александреиды, содержащее въ себѣ описаніе битвъ съ Руссами, имѣетъ такое заглавіе: *Достони лешкеръ кешидени Эскендери зеферъ-маънусъ беръ хиласи Бердаа у дефъи Русъ* («Описаніе похода побѣдоноснаго Александра для освобожденія Бердаи и отраженія Руссовъ»). Вотъ вкратцѣ содержаніе онаго:

Александръ, пресыщенный побѣдами, занимается устройствомъ своихъ владѣній и намѣревается возвратиться на родину, какъ вдругъ получаетъ извѣстіе о вторженіи Руссовъ. Дювали, предводитель Абхазовъ [55], говоритъ Александру: «Отмсти, великій государь, отмсти Руссамъ за ихъ притѣсненія: они похитили съ брачныхъ постелей юныхъ дѣвъ Абхазіи и разграбили всѣ богатства цвѣтущей земли нашей. Браннолюбивые Руссы, явясь изъ земель Герковъ [56] и Алановъ, напали на насъ ночью, какъ градъ. Не успѣвъ пробить себѣ дороги чрезъ Дербентъ и его окрестности, они, сѣвъ на корабли, устремились въ море, и произвели безчисленныя опустошенія. Возобновивъ въ странѣ нашей *древнюю вражду свою*, разграбили и опустошили ее совершенно. Проклятый народъ этотъ разорилъ все государство Бердаи, расхитилъ сей городъ, исполненный сокровищъ, и увлекъ въ плѣнъ Нушабэ [57]. Руссы похитили всѣхъ красавицъ нашихъ, разрушили города, предали пламени села и деревни. Если ты не отмстишь за насъ, то скоро увидишь, что они разнесутъ ужасъ опустошеній своихъ по Греціи и Арменіи. Они разбойники, подобные волкамъ и львамъ, не знаютъ веселыхъ пиршествъ, жадны къ пролитію крови, и только и дѣлаютъ что берутъ города и завоевываютъ цѣлыя страны. Скоро Хорасанъ и Греція испытаютъ ихъ корыстолюбіе». Александръ, тронутый сею рѣчью, клянется отмстить Руссамъ, и отправляется

---

[55] Низами называетъ Абхазами не жителей нынѣшней Абхазіи, но народъ населявшій земли Дагестана и Ширвана, и извѣстный Древнимъ подъ именемъ Албанцевъ.

[56] Не знаю, какой народъ разумѣетъ Низами подъ симъ названіемъ. Профессоръ Шармуа весьма основательно полагаетъ, что كرك есть то же самое, что كرج *Georg-ia*, Грузія. Пространныя разсужденія объ этомъ имени можно видѣть въ сочиненіи Эрдмана: De Expeditione Russorum Berdaam versus. Casani, 1827, Pars II, p. XIX—XXX.

[57] Такъ называлась царица Бердаи, у которой прежде пировалъ Александръ-Великій. Низами соединилъ въ лицѣ ея и Ѳалестрису, царицу Амазонокъ, и ту государыню индійскую къ которой Александръ явился подъ видомъ Эфестіона.

противъ нихъ въ походъ. Узнавъ объ этомъ, Кинталъ, предводитель Руссовъ, собираетъ огромнѣйшее войско изъ Пертасовъ, Алановъ, Хазаровъ и Руссовъ, и устремляется на встрѣчу Александру, который, предъ сраженіемъ, обращаясь къ войскамъ своимъ и указывая на непріятеля, говоритъ: «Враги наши не привыкли биться со львами: они храбры и неукротимы только для разбоя и грабежа; они не видывали длинныхъ мечей нашихъ, и не знаютъ другаго оружія кромѣ топоровъ и копій; у нихъ нѣтъ ни оружія, ни снарядовъ: какимъ же образомъ возмогутъ они противостать намъ? Никакого труда не будетъ для насъ разрубить отъ головы до пояса этихъ голыхъ воиновъ».

На другой день послѣ встрѣчи оба войска стали въ строй. Правое крыло русской арміи составляли войска хазарскія, лѣвое Пертасы; въ передовомъ отрядѣ были воины Ису [58], въ резервѣ Аланы; самый-же центръ занимали *краснолицые* Руссы. Крики воиновъ, блескъ оружія, ржаніе коней были столь ужасны, что, по словамъ Низами, самъ премудрый Платонъ, взглянувъ на Руссовъ, со страху бѣжалъ бы. Въ первомъ сраженіи отличаются силою и храбростію богатырь пертасскій, и молодой князь индійскій; во второмъ—всадникъ изъ Ирака, и одинъ румяный и голубоглазый руссъ, который убитъ Зеривендомъ изъ Мазандерана. Этотъ Зеривендъ поражаетъ всѣхъ безъ милосердія, такъ что самъ Кинталъ принужденъ вступить съ нимъ въ битву. Наконецъ Зеривендъ палъ, и второй бой кончился. Такимъ образомъ происходитъ семь битвъ, въ которыхъ ни та, ни другая сторона не одерживаетъ поверхности; наконецъ Александръ самъ устремляется на Руссовъ — и, послѣ кровопролитнаго боя, одерживаетъ надъ ними побѣду. «10,000 воиновъ русскихъ и пертасскихъ,

---

[58] Вѣроятно симъ именемъ Низами означаетъ народъ извѣстный у восточныхъ географовъ подъ названіемъ *Вису*, т. е. Несторову *Весь*.

храбрыхъ какъ львы, сдѣлались добычею плѣна; прочіе погибли отъ меча и стрѣлъ непріятельскихъ; только часть изъ нихъ, безоружные и безъ припасовъ, предавшись бѣгству, возвратились на Русь». Послѣ сей знаменитой побѣды, Александръ освободилъ изъ плѣна Нушабэ, и, отпустивъ въ отечество взятаго въ плѣнъ Кинтала, принялся праздновать и веселиться [59].

Какъ ни баснословна кажется сначала повѣсть Низами, изъ нея можно извлечь много историческаго. Разсмотримъ ее.

Что имѣлъ въ виду Низами, заставляя Александра-Великаго сражаться съ Руссами, и такимъ образомъ дѣлая ужаснѣйшій анахронизмъ?

Низами родился въ Генджѣ, отстоящей отъ Бердаи только около 70 верстъ, и жилъ только чрезъ 200 лѣтъ послѣ вторженія Руссовъ въ сію страну. Слѣды ихъ опустошеній были видны еще и въ его время; а преданія объ ихъ храбрости и неустрашимости и при немъ еще ходили въ народѣ, ибо преданія на Востокѣ сохраняются чрезвычайно долго. Воспѣвая подвиги Александра и заставляя его побѣждать храбрѣйшіе въ свѣтѣ народы, Низами, для увеличенія славы греческаго завоевателя, и для того чтобы сдѣлать ее, такъ сказать, осязательнѣе для своихъ единоземцевъ, не слишкомъ знакомыхъ съ этнографіею, вздумалъ доставить ему также побѣду и надъ Руссами, народомъ самымъ ужаснымъ и воинственнымъ въ глазахъ его соотечественниковъ, съ именемъ котораго у нихъ неразлучно соединялась мысль о грабежахъ, пожарахъ, разрушеніяхъ, насиліи и всѣхъ бѣдствіяхъ, сопутствовавшихъ

---

[59] Содержаніе Низамієвой поэмы я взялъ изъ прекраснаго сочиненія г. Шармуа: Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes, котораго первая часть, содержащая персидскій текстъ и отличный французскій переводъ поэмы Низамія, вышла въ С.-Петербургѣ въ 1828 году, а вторая, заключающая филологическія, географическія и историческія примѣчанія, хранится еще у автора въ рукописи.

войнѣ Среднихъ Вѣковъ: *елико же ратніи творятъ*, какъ говоритъ Несторъ. Побѣда надъ такимъ народомъ казалась для Низами верхомъ славы и могущества, и онъ рѣшился соединить на одной сценѣ и Руссовъ, и сына Филиппова, во-первыхъ — потому, что онъ писалъ для народа, а на Востокѣ, какъ и вездѣ, простой народъ не слишкомъ заботится о соблюденіи вѣрности въ хронологіи: событія остаются въ его памяти, но онъ легко позабываетъ о томъ, когда они случились; въ Турціи еще и теперь спрашиваютъ у Европейцевъ что́ подѣлываетъ Дели-Петрунъ (Петръ Великій), и въ какомъ состояніи обрѣтается Налъ-Кыранъ (Августъ II); во-вторыхъ — потому, что имѣлъ на это нѣкотораго рода историческое основаніе въ походѣ Александра Великаго черезъ Кавказъ въ Скиѳію[60]; ибо Низами заставляетъ Александра сражаться съ Руссами въ Кипчакѣ, а не въ Грузіи, куда вторгались они.

Изъ сего видно, что все баснословіе остается на сторонѣ Александра; Исторія-же узнаетъ только, что Руссы точно вторгались въ Бердау и разорили ее; ибо если бы этого въ самомъ дѣлѣ не было, то для чего бы Низами заставлялъ Александра сражаться съ народомъ никому неизвѣстнымъ; да и откуда бы узналъ о немъ самъ Низами? Въ XII столѣтіи уже не было Руссовъ-разбойниковъ IX и X вѣковъ. Прочитайте только со вниманіемъ рѣчь Дювали, и увидите, что едва ли возможно найти другой народъ къ которому бы вы могли приложить сказанное имъ о Руссахъ; но изъ поэмы Низами можно извлечь и много другихъ важныхъ свѣдѣній, именно: какимъ путемъ Руссы прибыли въ Бердау. Дювали говоритъ, что не могши пробиться черезъ Дербентъ, они сѣли на суда и моремъ вторглись въ область Бердаи. Это обстоятельство, не противорѣча извѣстію Ибнъ-эль-

---

[60] Объ этомъ небываломъ походѣ упоминаетъ Квинтъ-Курцій въ книгѣ VII, главѣ VI.

Эсира, весьма важно; ибо показываетъ, что Руссы, испытавъ въ первомъ походѣ коварство Хазаровъ, не хотѣли уже другой разъ ѣхать Волгою, а избрали другой путь. Чтобы проникнуть симъ путемъ въ Грузію, имъ надобно было свести дружбу съ нѣкоторыми изъ горскихъ народовъ; и точно, мы видимъ изъ словъ Низами, что Руссы пришли изъ земли Алановъ, и что этотъ народъ составлялъ часть ихъ войска. Абуль-Фараджъ, какъ мы видѣли, также говоритъ, что въ Грузію вторгались Аланы, Славяне и Лазги. Всѣхъ этихъ народовъ кавказскихъ Руссы могли привлечь на свою сторону, прельстивъ ихъ надеждою добычи. Не успѣвъ пробиться черезъ Дербентъ, гдѣ, для воспрепятствованія вторженіямъ Хазаровъ и другихъ народовъ, еще издревле были сдѣланы сильныя укрѣпленія и всегда содержался болѣе или менѣе многочисленный гарнизонъ, Руссы на Дагестанскомъ Берегу сѣли на суда и Куромъ проникли до Бердаи. Говоря неопредѣлительно о прибытіи Руссовъ, объ уходѣ ихъ всѣ повѣствуютъ согласно, и Ибнъ-эль-Эсиръ, и Абуль-Феда, и Низами. О вторженіяхъ и грабежахъ Лазговъ и другихъ горскихъ народовъ Ибнъ-эль-Эсиръ не упомянулъ, вѣроятно потому, что это было явленіе весьма обыкновенное въ тѣхъ странахъ.

Вотъ сказанія восточныхъ писателей о набѣгахъ Руссовъ. Не такъ, какъ мы, смотрѣлъ на нихъ г. Эрдманнъ. Принявъ оба похода за одинъ, онъ, предполагаетъ, что всѣ извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о сихъ набѣгахъ суть только парафразисъ Игорева похода противъ Константинополя; что они, слышавъ объ этомъ походѣ, воспользовались имъ и описали на свой ладъ, и что наконецъ изъ греческаго полководца Бардоса, разбившаго Руссовъ, сдѣлали городъ Бердау [61].

Но 1) если бы восточные писатели слышали о походахъ Руссовъ на Византію отъ Грековъ, и потомъ сами

---

[61] De Expeditione Russorum Berdaam versus. T. I, p. 72.

передѣлывали ихъ на свой образецъ, то извѣстія ихъ были бы несогласны и сбивчивы. Каждый назначалъ бы особенное мѣсто дѣйствія и придумалъ бы множество разнорѣчащихъ обстоятельствъ; мы, напротивъ, видимъ, что всѣ они, несмотря на различіе своего происхожденія, званія и мѣсторожденія, согласно говорятъ, что Руссы грабили западные берега Моря Каспійскаго, и во второй походъ разрушили Бердау, но, бывъ разбиты, въ маломъ числѣ возвратились въ отечество. 2) Лица, о коихъ упоминаютъ Масуди и Ибнъ-эль-Эсиръ, слишкомъ извѣстны на Востокѣ, чтобы объ нихъ можно было разсказывать небылицы. Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, Али Бенъ-эль-Хайсемъ, Мохаммедъ Ибнъ-Мусаффиръ совсѣмъ не имѣютъ ничего баснословнаго, и ни чуть не похожи на миѳы, столь любимые нынѣшними историками-критиками. Наконецъ 3) о превращеніи Бардоса въ Бердау и говорить нечего.

Основываясь на томъ, что походы Руссовъ на Востокъ, особенно второй, въ 943 году, совершены были почти въ то же время какъ и набѣги единоземцевъ ихъ на Византію, можетъ быть иные подумаютъ, что они предприняты были въ одно время, и что когда одна часть Руссовъ обратилась на западный берегъ Чернаго-Моря для осады Константинополя, другая, вышедъ на восточный берегъ того же моря, черезъ Горы Кавказскія сдѣлала вторженіе въ Грузію, и разграбила Бердау. Въ опроверженіе сего предположенія, хотя доселѣ его никто еще не дѣлалъ, можно замѣтить: 1) что въ такомъ случаѣ, вѣроятно, и византійскіе лѣтописцы упомянули бы объ этомъ вторженіи; сказалъ бы объ немъ и Несторъ, переписывавшій Грековъ; 2) что если бы Руссы вторгнулись съ Чернаго-Моря, то имъ, чтобы достигнуть Бердаи, надлежало бы совершить черезъ непроходимыя горы и ненаселенныя степи походъ гораздо труднѣйшій совершеннаго имъ по Каспійскому-Морю: въ ущеліяхъ Горъ Кавказскихъ они могли быть истреблены одними дикими обитателями ихъ. Да и кого

имъ было грабить на восточномъ берегу Чернаго-Моря? Золотое руно увезли Греки, а дикіе Абхазы и Мингрельцы не были находкой для Руссовъ. 3) Притомъ всѣ восточные писатели, упоминающіе о сихъ вторженіяхъ, не говорятъ ни слова о томъ, чтобы Руссы разорили земли къ западу отъ Бердаи, а все толкуютъ о Табарестанѣ, Ширванѣ и другихъ областяхъ прибрежныхъ Морю Каспійскому. Короче сказать, всѣ такія предположенія не имѣютъ никакого основанія.

Изъ приведенныхъ извѣстій разныхъ восточныхъ писателей можно видѣть, что Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода: одинъ—въ 913, другой—въ 943 году. Это мнѣніе, принятое извѣстными оріенталистами, гг. д'Охсономъ и Шармуа [62], и само по себѣ вытекающее изъ разсмотрѣнія различныхъ сказаній о сихъ походахъ, подтверждается также слѣдующимъ стихомъ Низами, изъ рѣчи Дювали:

در ان بقعه کین کهن تازه کرد

«*Возобновили въ сей странѣ древнюю вражду свою* [63].

О какой «древней враждѣ» могъ говорить Низами, какъ не о первомъ вторженіи Руссовъ и произведенныхъ ими тогда грабежахъ? Но, можетъ быть, что, основываясь на словахъ Масуди: «послѣ сего Руссы не предпринимали болѣе подобныхъ набѣговъ» — нѣкоторые подумаютъ, что извѣстіе Ибнъ-эль-Эсира также относится къ первому походу, описанному у Масуди; ибо Масуди, еще въ 345 (=956-7) году геджры передѣлывавшій свое сочиненіе «*Золотые Луга*», не упоминаетъ о семъ нападеніи, слу-

---

[62] Les peuples du Caucase, p. 241 и 249. Discours sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, p. 15.

[63] Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes. T. I, p. 5 перевода и 9 текста.

чившемся въ 332 году геджры; но, согласно съ гг. Френомъ и Шармуа [64], это можно объяснить тѣмъ, что первое изданіе «Золотыхъ Луговъ» сдѣлано было прежде втораго похода Руссовъ; при второмъ-же изданіи, въ 345 году геджры, онъ не перемѣнилъ этого потому, что жилъ въ то время въ Египтѣ, въ городѣ Фустатѣ, куда или не достигло извѣстіе о второмъ вторженіи Руссовъ въ Грузію (ибо оно было уже не такъ удивительно какъ первое, почему не такъ и возбуждало любопытство сосѣдей, занятыхъ собственными дѣлами и бѣдствіями междоусобной войны); или Масуди, слышавъ, можетъ быть, объ немъ мелькомъ, позабылъ помѣстить оное при новомъ изданіи своего творенія; ибо писалъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ втораго вторженія Руссовъ, когда ужасныя смятенія и безпорядки, происходившіе въ земляхъ мусульманскихъ, привлекали все вниманіе Масуди, и заставили его позабыть о томъ что́ случилось въ отдаленномъ краю владѣній мохаммеданскихъ.

Разсмотрѣвъ и оцѣнивъ сказанія всѣхъ доселѣ извѣстныхъ писателей, упоминающихъ о походахъ Руссовъ, кажется, можно теперь рѣшительно сказать, что въ нихъ не только нѣтъ ни басенъ, ни нелѣпостей, но что еще, напротивъ, они отличаются какою-то особенною достовѣрностію. Не знаю, найдутъ ли послѣ сего эти походы болѣе видное мѣсто въ Исторіи Русской: по крайней мѣрѣ, всякій безпристрастный изслѣдователь согласится, что извѣстія объ нихъ не есть выдумка, и что семь знаменитыхъ восточныхъ историковъ, географовъ и поэтовъ не рѣшились бы выдумать эти походы единственно для того, чтобы чрезъ 800 лѣтъ заставить европейскихъ критиковъ ломать надъ ними свои головы.

---

[64] Nouv. Journ. Asiat. 1828, № XII, p. 456. Disc. sur l'utilité des langues orient. p. 10—11.

II.

Но отъ чего-же ни Греки, ни Несторъ, не говорятъ ни слова о сихъ походахъ?

Если принять, что чего нѣтъ у византійскихъ лѣтописцевъ, того не было и на свѣтѣ, то сколькими событіями надлежало бы уменьшить Исторію Среднихъ Вѣковъ? Византійцы, какъ и древніе Греки и Римляне, почитали себя центромъ всемірной дѣятельности, и потому записывали въ свои лѣтописи только то, что касалось до ихъ самихъ, и всѣ народы иноземные, о коихъ упоминаютъ сіи лѣтописи, являются въ нихъ тѣмъ въ бо́льшемъ свѣтѣ, чѣмъ болѣе имѣли они вліянія на судьбу Византіи. Это очень естественно. Кому нужда заниматься тѣмъ, что его не занимаетъ, не возбуждаетъ его любопытства? О дѣлахъ-же сосѣдей своихъ съ другими народами, и о происшествіяхъ случившихся въ землѣ ихъ, Византійцы упоминаютъ чрезвычайно рѣдко, только о самыхъ важныхъ, да и то мимоходомъ, въ двухъ словахъ. Обращая особенное вниманіе на дѣла вѣры и происшествія въ церкви, византійцы тѣмъ менѣе заботились о народахъ восточныхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ религіею, языкомъ и нравами, и едва ли не имѣли объ Азіатцахъ понятій худшихъ, чѣмъ тѣ объ Европейцахъ. Весьма немногое число событій происшедшихъ на Востокѣ, и не имѣвшихъ связи съ судьбою Греческой Имперіи, упоминается у ея историковъ; посему, если Византійцы и слышали о нападеніи Руссовъ на прибрежныя области Каспійскаго-Моря, и произведенныхъ ими тамъ опустошеніяхъ, то слышали мелькомъ. Притомъ грабительства Норманновъ были столь обыкновенны, что имъ уже никто не удивлялся, а происшествія слишкомъ обыкновенныя, особенно если они случались въ странахъ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ Грекамъ, не вносились въ ихъ лѣтописи. Слѣдовательно, нисколько не удивительно, что византійскіе лѣто-

писцы не упоминаютъ о грабительскихъ набѣгахъ Руссовъ на страны съ которыми они имѣли весьма мало сношеній. Въ какихъ тѣсныхъ связяхъ были Византійцы съ Хазарами, а между тѣмъ, какъ говорятъ они о паденіи сего могущественнаго государства?

И такъ молчаніе писателей византійскихъ можно объяснить безъ большаго труда; но это нѣкоторымъ образомъ не нужно; ибо Греки не совсѣмъ молчатъ о томъ, что Руссы посѣщали Страны Прикаспійскія. По крайней мѣрѣ Константинъ Багрянородный, родившійся въ 905 и умершій въ 959, слѣдовательно современникъ описанныхъ походовъ, въ сочиненіи своемъ «Объ управленіи Имперіею» говоритъ: «Πρὸς ἀρκτῷον τῆς Μαιώτιδος Θαλάσσης μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρός τε τὴν μαυρὴν Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν [65]». Сими словами ученый императоръ цареградскій безъ сомнѣнія хотѣлъ означить, что въ его время Руссы ѣздили въ Булгарію, Хазарію и Сирію по Волгѣ и Дону, въ который вплывали изъ Азовскаго-Моря; но по какой причинѣ ѣздили бы Руссы въ Азовское-Море, чтобъ попасть въ Сирію, которая лежитъ при Средиземномъ? Ясно, что или тутъ должна быть ошибка, и вмѣсто Сиріи надлежитъ поставить другое имя, или за Хазаріей находилась какая нибудь другая Сирія. Извѣстный заслугами, оказанными Русской Исторіи, славный академикъ нашъ г. Френъ полагалъ, что Συρίαν есть испорченное названіе Ширвана, той области, гдѣ Руссы болѣе всего произвели опустошеній. Это предположеніе казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Греки, не имѣя въ своемъ алфавитѣ буквы *ш*, и будучи принуждены замѣнить ее сигмою во всѣхъ словахъ чуждыхъ ихъ языку, не могли написать Ширванъ иначе, какъ Сирванъ; но приведенныя выше слова Константина можно объяснить гораздо проще посредствомъ втораго предположенія, что кромѣ Сиріи при Средизем-

---

[65] De administrando Imperio, p. 113.

номъ-Морѣ, была еще другая. И точно Шаффарикъ свидѣтельствомъ множества писателей доказалъ, что юго-западные берега Каспійскаго-Моря назывались Сиріей [66]. Принявъ это мнѣніе за достовѣрное, изъ словъ Константина можно заключить, что Руссы не разъ бывали въ земляхъ омываемыхъ Моремъ Каспійскимъ, и что дорога туда была имъ знакома.

Раздѣлавшись съ Греками, обратимся теперь къ важнѣйшему пункту — молчанію Нестора о сихъ походахъ, и постараемся сколько можно объяснить оное.

Для разрѣшенія сего, надо знать источники его лѣтописи. Доселѣ извѣстными почитаются три: 1) лѣтописцы греческіе; 2) письменные договоры разныхъ временъ, дошедшіе до него на русскомъ, или переведенные имъ съ греческаго языка; 3) изустное преданіе.

I. Изъ перваго источника Несторъ не могъ заимствовать извѣстій о сихъ походахъ, потому что кромѣ Константина-Багрянороднаго, сколько извѣстно, никто изъ византійскихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ; а Константина Багрянороднаго, по всѣмъ примѣтамъ, Несторъ не читалъ; въ противномъ случаѣ заимствовалъ бы отъ него много хорошаго, чего у него нѣтъ.

II. Письменныхъ свидѣтельствъ, подобныхъ Олегову или Игореву договору, отъ походовъ Руссовъ на Востокъ не осталось; ибо изъ восточныхъ писателей видно, что такихъ договоровъ имъ некогда и не къ чему было заключать. Слѣдовательно, и изъ этого источника Несторъ не могъ ничего узнать.

III. Несторъ родился въ 1056 году, 143 года послѣ перваго, и 113 лѣтъ послѣ втораго похода. Слѣдовательно отдѣленъ былъ отъ сихъ событій значительнымъ промежуткомъ времени, въ продолженіе котораго преданіе объ оныхъ могло ослабѣть въ народѣ, тѣмъ болѣе, что въ памяти народной

---

[66] Ueber die Abkunft der Slawen, von Paul Joseff Schaffarik. Offen. 1828; и разборъ сего сочиненія въ Wiener Jahrbücher, T. XLIII, стр. 127.

остаются преимущественно событія счастливыя для отечества. Гордясь своими подвигами, дѣды стараются передать внукамъ славу дѣлъ своихъ, чтобы воспламенить ихъ храбрость, и такимъ образомъ преданіе о какой нибудь славной побѣдѣ передается однимъ поколѣніемъ другому, какъ священное достояніе народа, какъ завѣтъ сохранить и возвеличить славу предковъ. Но кто любитъ говорить о пораженіи своемъ? кто изъ Руссовъ, участвовавшихъ въ сихъ походахъ и возвратившихся на родину, сталъ бы разсказывать охотно, что его товарищамъ и единоземцамъ не удалось (слово ужасное для норманна) совершить своего предпріятія; что они были побѣждены и пали, спасаясь постыднымъ бѣгствомъ? Поэты не воспѣли подвиговъ Руссовъ на Востокѣ; не сложено было сагъ о ихъ отважныхъ походахъ; и воспоминаніе о сихъ событіяхъ, не подкрѣпляемое народною гордостію, тускнѣло, тускнѣло — и наконецъ совершенно затмилось. Такъ откуда-же и могъ заимствовать Несторъ извѣстія о сихъ походахъ? Все время княженія Игоря онъ наполнилъ только извѣстіями о войнахъ Булгаръ и Печенѣговъ съ Греками: это показываетъ, что не имѣя народныхъ преданій о правленіи сего князя, слабаго и малодушнаго, всѣ извѣстія сіи заимствовалъ онъ отъ Византійцевъ.

Можетъ быть также, что во время Несторово преданія о сихъ походахъ еще живы были въ памяти народной; но онъ не зналъ объ нихъ, потому что жилъ въ Кіевѣ, тогда какъ они сохранялись въ сѣверной или восточной части Россіи, откуда могли быть предприняты сіи набѣги. Сѣверъ и югъ Россіи были двѣ различныя страны. Положимъ даже, что инокъ печерскій и слышалъ мелькомъ о сихъ походахъ въ земли ему неизвѣстныя, но, не находя въ лѣтописцахъ греческихъ никакого подтвержденія сему извѣстію, и не зная вѣрно времени когда оно произошло, вѣроятно, почелъ его не важнымъ — и пропустилъ.

Скажутъ, что всѣ эти предположенія основаны на од-

нѣхъ вѣроятностяхъ, или даже не имѣютъ никакого основанія. Такъ; но все это могло быть, и пока нѣтъ положительныхъ доказательствъ, надо по необходимости довольствоваться вѣроятностями.

Вообще замѣчательно, что о всѣхъ походахъ Руссовъ, даже въ восточныя страны нынѣшней Европейской-Россіи, Несторъ говоритъ весьма мало. Походъ Святослава на Хазаровъ, походъ несравненно важнѣйшій его войнъ съ Греками, когда, по извѣстію Ибнъ-Хаукала, онъ опустошилъ всѣ страны по Окѣ, Дону и Волгѣ до Семендера (нынѣшняго города Тарху въ Дагестанѣ) и Горъ Кавказскихъ; когда онъ нанесъ сильное пораженіе Булгарамъ, потрясъ до основанія державу Хазаровъ, и покорилъ многіе сильные народы горскіе, походъ этотъ — можетъ быть важнѣйшее событіе въ древнѣйшей Русской Исторіи—Несторъ описываетъ въ пяти строкахъ.

Но и самый походъ Святославовъ служитъ важнымъ доказательствомъ предыдущимъ походамъ Руссовъ на Востокъ. Что побудило Святослава идти войною на Хазаровъ? Несторъ молчитъ. По моему мнѣнію, причиною похода его, въ продолженіе котораго онъ совершалъ ужаснѣйшія опустошенія, была — жажда мщенія. Извѣстно, сколь сильно владычествовало право кровной мести у Славянъ и у Норманновъ. Безъ всякаго повода, огнемъ и мечемъ опустошали Норманны цѣлыя страны; здѣсь-же кровь единоплеменниковъ, погибшихъ отъ вѣроломства Хазаровъ, требовала мести. Слабый Игорь не рѣшался напасть на могущественныхъ враговъ; но воинственный Святославъ почелъ первою обязанностію отмстить Хазарамъ за гибель единоземцевъ—и отмстилъ ужасно. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Святославъ громилъ не однихъ Хазаровъ, но также Булгаровъ и Буртасовъ — два народа участвовавшіе въ истребленіи малаго отряда Руссовъ, спасшихся въ землю ихъ отъ меча Хазаровъ.

Вотъ предположенія, коими я объясняю молчаніе Нестора. Когда разрѣдѣетъ мракъ покрывающій древнюю Русь и ея историка, можетъ быть, бóльшая часть ихъ окажется ложными, и откроется, что совершенно другія причины произвели описанныя нами событія; по крайней мѣрѣ теперь удовольствуемся и этимъ.

Остается только рѣшить: какіе Руссы предпринимали сіи походы — кіевскіе ли, подъ предводительствомъ Игоря, или новгородскіе и ростовскіе, какъ полагаетъ г. Полевой [67], предводительствуемые какими нибудь удальцами, подобными Оскольду и Диру? — Объ этомъ нельзя сказать ничего вѣрнаго, и разрѣшеніе сего вопроса мы оставляемъ на будущее время. Цѣль наша была — доказать, что Руссы, какіе бы то ни были, точно совершили два грабительскіе набѣга на берега Каспійскаго-Моря; и если наше изслѣдованіе не увѣритъ любителей сомнѣнія въ дѣйствительности упомянутыхъ набѣговъ, то, по крайней мѣрѣ, заставитъ ихъ обратить больше вниманія на этотъ предметъ, и разсмотрѣть его строже, чтó безъ сомнѣнія поведетъ ко многимъ другимъ важнымъ открытіямъ. Въ-заключеніе представимъ важнѣйшіе результаты нашихъ разысканій:

1) Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода: одинъ въ 913, другой въ 943 году.

2) Въ первый походъ они вторглись въ Море Каспійское по теченію Дона и Волги; во второй — съ береговъ Дагестана, до котораго достигли сухимъ путемъ.

3) Всѣ обстоятельства перваго и втораго походовъ, описанныя Масуди и Ибнъ-эль-Эсиромъ, естественны и вѣроподобны.

---

[67] Истор. Русск. Народа. Т. I, стр. 138.

4) Поэма Низами, несмотря на множество вымысловъ, заключаетъ въ себѣ много историческаго.

5) Греки не упоминаютъ о сихъ походахъ, потому что обращали мало вниманія на дѣла своихъ сосѣдей, когда они не касались ихъ самихъ.

6) Несторъ молчитъ о нихъ, потому что не могъ узнать о томъ ни изъ византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ письменныхъ источниковъ, ни изъ преданія народнаго.

ОБЗОРЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ХАЗАРОВЪ *.

Хазары, по соображенію всѣхъ оставшихся объ нихъ извѣстій, обитали издревле между берегами Чернаго и Каспійскаго моря, и, вѣроятно, принадлежали къ какимъ-нибудь изъ многочисленныхъ племенъ разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ земель отъ Инда до береговъ Дуная, и извѣстныхъ Древнимъ подъ именемъ Скиѳовъ. Они могли существовать въ древности подъ другими именами, подъ коими, можетъ быть, знали ихъ и Греки; но какъ на это не находится никакихъ ясныхъ доказательствъ, и разысканія о семъ предметѣ, по отдаленности времени и недостатку положительныхъ свѣдѣній, были бы невозможны и произвели бы только множество безполезныхъ предположеній, то мы и начнемъ исторію Хазаровъ съ того времени, какъ они появляются въ лѣтописяхъ подъ симъ именемъ.

Самое древнѣйшее извѣстіе о Хазарахъ находится въ лѣтописяхъ грузинскихъ. Въ Хроникѣ Вахтанга упоминается, что въ 2302 году отъ сотворенія міра, вторгнувшись въ тѣснины Дербента и Даріеля, они опустошили Грузію и Арменію, на жителей ихъ наложили дань, и на возвратномъ пути увлекли съ собою все народонаселеніе цѣлыхъ областей [1]. Въ другой разъ имя Хазаровъ встрѣчается, за 450 лѣтъ до Р. Х., въ *Шахъ-Намэ* Фирдоуси [2]. Тутъ по-

---

* Статья эта напечатана впервые въ журналѣ «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» за 1835 годъ, томъ XLVIII, стр. 566—595. *Изд.*

[1] Klaproth, Voyage au Caucase, T. II, p. 437.

[2] Фирдоуси родился въ Тусѣ, въ 916 г. по Р. Х., и умеръ тамъ же 104-хъ

вѣствуется, что Гуштаспъ, сынъ персидскаго государя Логораспа, будучи оклеветанъ передъ отцемъ своимъ, удалился ко двору владѣтеля Рума (Малой Азіи). Во время его пребыванія у сего кайсара [3], на предѣлахъ Рума появилось войско хазарское, подъ предводительствомъ государя своего, Эльяса сына Миграсова. Владѣтель малоазійскій, по совѣту гостившаго у него царевича персидскаго, рѣшился сразиться съ врагами. Войска сошлись, и, въ происшедшемъ между ими сраженіи, Гуштаспъ плѣнилъ Эльяса и разбилъ его войско [4].

Оба эти извѣстія весьма недостовѣрны; по крайней мѣрѣ они показываютъ позднѣйшее могущество Хазаровъ. Вторженіе ихъ, описанное Вахтангомъ, слишкомъ отдаленно и слишкомъ важно, чтобы Моисей Хоренскій не упомянулъ объ немъ въ своей Исторіи, и если оно не есть просто сказка, а имѣетъ историческое основаніе, то, по моему мнѣнію, на него можно смотрѣть такимъ образомъ: въ древней лѣтописи, гдѣ упоминалось о семъ вторженіи, вѣроятно сказано было только, что въ 2302 году отъ сотворенія міра, приходилъ изъ-за Горъ Кавказскихъ какой-то народъ, который опустошилъ Грузію; позднѣйшіе-же переписчики лѣтописи, жившіе уже во времена могущества Хазаровъ, не находя въ оной имени народа произведшаго вторженіе, и зная, что за Горами Кавказскими живутъ сильные Хазары, часто вторгающіеся въ ихъ земли, подумали, что они же сдѣлали и то нападеніе, о коемъ говорится въ лѣто-

---

лѣтъ отъ роду. По порученію султана Махмуда онъ написалъ *Шахъ-Намэ* „Книгу Царей", которая содержитъ 60,000 стиховъ, и которую онъ сочинялъ 30 лѣтъ. Поэма эта нынѣ вполнѣ напечатана въ Калькуттѣ г. Мэкэномъ.

[3] Этотъ титулъ магометанскіе писатели даютъ всѣмъ владѣтелямъ малоазійскимъ, не различая времени ихъ жизни.

[4] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 190. Я не могъ достать Шахъ-Намэ и повѣрить это извѣстіе самъ; д'Охсонъ говоритъ, что оно заключается въ отдѣленіи сей поэмы, имѣющемъ такое заглавіе: *Феристадени кейсери Гиштаспъ бе джени Эльясъ*, т. е. «Какъ кесарь отправилъ Гуштаспа на войну противъ Эльяса».

писи, и въ слѣдствіе сего назвали Хазарами тотъ народъ, имени коего вовсе въ ней и не упоминалось. Примѣры подобныхъ вставокъ, встрѣчаемые не рѣдко и въ лѣтописяхъ другихъ народовъ, находятся также и въ нашей отечественной исторіи [5]. Народъ, коему приписывается это вторженіе, могъ быть совершенно другой, нежели Хазары; если же это были они, то сіе событіе должно было произойти гораздо позже, во времена не столь отдаленныя. Можетъ быть также, что это вторженіе, описанное у Вахтанга, есть тотъ самый набѣгъ Алановъ о коемъ упоминаетъ Моисей Хоренскій, описывая царствованіе Артаса, или нападеніе Хазаровъ случившееся въ правленіе Валарсака, о коемъ мы немедленно будемъ говорить [6]. Извѣстіе Фирдоуси, если оно не есть вымыселъ воображенія, вѣроятно имѣетъ тотъ же источникъ, какъ и Вахтангово, ибо онъ жилъ въ такое время когда имя Хазаровъ еще гремѣло въ Азіи. Желая прославить храбрость Гуштаспа, поэтъ могъ, для достиженія цѣли своей, доставить ему побѣду надъ народомъ, уважаемымъ его современниками [7].

---

[5] Такъ и въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1223 годомъ сказано только, что приходилъ на Русь врагъ ужасный изъ земли Половцевъ; а что народъ этотъ были Монголы, покорившіе чрезъ 20 лѣтъ послѣ сего Россію, мы заключаемъ уже изъ соображенія обстоятельствъ упоминаемыхъ лѣтописью съ извѣстіями историковъ персидскихъ и арабскихъ. Такъ могли поступить и переписчики лѣтописей грузинскихъ.

[6] Самое сомнительное для меня изъ всего, что находится въ семъ извѣстіи, есть то, что его приводитъ г. Клапротъ, такой оріенталистъ, котораго знаніе грузинскаго языка болѣе нежели подвержено сомнѣнію. Не случилось ли здѣсь съ нимъ того же, что съ Гаммеромъ, который, переводя Мотенебби, принялъ за Хазаровъ *особенной родъ глазной болѣзни у лошадей.* См. Lettre de Tutundju-oglou Moustafa-aga, à M. Th. Bulgarin. St.-P. 1828, p. 42. Желающіе удостовѣриться въ глубокомъ невѣдѣніи грузинскаго языка г. Клапротомъ, могутъ прочитать критику Броссе на грузинскій словарь изданный этимъ всеобъемлющимъ геніемъ лингвистики.

[7] Поэты Востока не очень заботятся о соблюденіи хронологіи въ своихъ произведеніяхъ. Низами вздумалось заставить Александра-Великаго воевать съ Русскими чрезъ 1300 лѣтъ по смерти его; отъ чего же и Фирдоуси, чтобы Гуштаспъ побѣдилъ Хазаровъ, не могъ придать имъ нѣсколько столѣтій древности.

Первыя достовѣрныя извѣстія о Хазарахъ находятся въ лѣтописяхъ армянскихъ. Моисей Хоренскій говоритъ, что въ послѣднее время царствованія Валарсака, сѣверные Хазирскіе и Базилійскіе народы ворвались въ ворота Зурскія [8], подъ предводительствомъ царя своего Венасепа Сургака, и проникли даже за рѣку Куръ; здѣсь встрѣчены они были многочисленнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Валарсака, который разбилъ ихъ и гналъ обратно до помянутыхъ воротъ; но здѣсь Хазары, соединившись, снова вступили въ битву, и убили Валарсака въ 198 г. по Р. Х. Сынъ и наслѣдникъ сего государя, Хозрой, рѣшившись отмстить за смерть отца, вторгнулся въ земли сихъ народовъ, побѣдилъ ихъ, и взявъ въ заложники по одному человѣку со ста, возвратился въ Арменію [9].

Это пораженіе, вѣроятно, сильно ослабило Хазаровъ и заставило ихъ на нѣсколько времени прекратить свои набѣги, ибо въ продолженіе ста лѣтъ послѣ сего лѣтописи армянскія не говорятъ ничего о семъ народѣ; но когда силы его возстановились—пораженіе было забыто, и въ тѣхъ же лѣтописяхъ опять упоминается, что въ 310 году по Р. Х., въ царствованіе Тиридата, Хазары снова вторглись въ Арменію, но были разбиты симъ государемъ, который преслѣдовалъ ихъ до владѣній Гунновъ, и также, какъ и Хозрой, взялъ съ нихъ заложниковъ [10].

Но всѣ усилія государей армянскихъ прекратить набѣги сего народа на подвластныя имъ земли, были безполезны. Хазары, воспламеняемые жаждою и надеждою богатой добычи въ странахъ щедро надѣленныхъ всѣми дарами природы, въ продолженіе восьми вѣковъ постоянно стремились на югъ. Окруженные съ запада, сѣвера и востока глубо-

---

[8] Это были однѣ изъ воротъ каспійскихъ, которыя у магометанскихъ писателей извѣстны подъ именемъ *Бабу-Суль*. См. Прокопія, De bello Gothico, IV, 3, стр. 570, и Эдриси въ Magasin Asiatique, T. I, № 2, p. 260.

[9] Historia Armeniaca. Londoni, 1736, p. 183.

[10] Армянская Исторія, Спб. 1809, ч. I, стр. 526.

кими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами и голыми степями, обитатели коихъ, живя охотою или скотоводствомъ, дикостію и грубостію своею не уступали окружающей ихъ природѣ, куда могли устремить Хазары возраставшія силы свои, какъ не на югъ Горъ Кавказскихъ, куда манила ихъ и роскошь климата, и изобиліе произведеній природы, и удобства образованности. Это стремленіе есть постоянный характеръ исторіи Хазаровъ. Пользуясь распрями и войнами опустошавшими Арменію, они принимали то сторону Персовъ, стремившихся овладѣть симъ государствомъ, то дрались протилъ нихъ, будучи союзниками Армянъ и Грековъ. Такимъ образомъ раздоры народовъ, жившихъ на югѣ, еще болѣе способствовали желанію Хазаровъ утвердиться за Кавказомъ. Въ царствованіе Хозроя младшаго, по словамъ Моисея Хоренскаго, жившіе за Кавказомъ сѣверные народы, въ числѣ 30,000, вторглись въ Арменію и разбили выступившее противъ нихъ войско; но новыя, двинувшіяся съ запада и востока войскà обратили ихъ въ бѣгство. Далѣе тотъ же самый писатель повѣствуетъ, что Сапоръ, государь персидскій, соединясь съ Тиграномъ, царствовавшимъ въ Арменіи, защитилъ его отъ набѣговъ сѣверныхъ народовъ, которые, пройдя чрезъ ворота Зурскія, стояли четыре года въ предѣлахъ Албаніи[11]; арабскій-же историкъ Табари [12] говоритъ, что Хазары находились въ числѣ войскъ римскаго императора Юліана (Отступника), воевавшаго съ Сапоромъ [13].

---

[11] Ibid. ч. II, стр. 15 и 22.

[12] Абу-Джафаръ Мохаммедъ этъ-Табари, умершій въ 310 (922-3) году геджры, есть одинъ изъ древнѣйшихъ, славнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ историковъ магометанскихъ. Покойный канцлеръ графъ Румянцовъ поручилъ бывшему іенскому, а нынѣ грейфсвальдскому профессору Козегартену изданіе огромнаго творенія Табари, извѣстнаго подъ именемъ *Тарихъ-улъ-Мулукъ*, «лѣтописи Государей», и одинъ томъ этой лѣтописи (начинающейся отъ сотворенія міра и продолжающейся до 309 г. геджры) уже вышелъ въ свѣтъ въ 1833 году.

[13] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 47.

Послѣ сего, въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ, лѣтописи армянскія молчатъ о семъ народѣ, но эта тишина на югѣ была слѣдствіемъ грозной бури, разразившейся на сѣверъ отъ Моря Каспійскаго. Въ IV столѣтіи нахлынули изъ-за Волги ужасные Гунны, и въ бурномъ стремленіи своемъ поглотили и Хазаръ, обитавшихъ тогда между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Хазары вступили сначала въ союзъ съ Гуннами, но потомъ, отдѣлившись отъ нихъ, были покорены Аттилою [14]. Событіе сіе, случившееся въ 448 году по Р. Х., Прискъ описываетъ такимъ образомъ: «Аказиры (Хазары)», говоритъ онъ, «состояли въ это время изъ многихъ племенъ и управлялись множествомъ малыхъ владѣтелей. Утвердивъ между ими согласіе, императоръ Ѳеодосій, посредствомъ даровъ, отвратилъ ихъ отъ союза съ Аттилою и склонилъ жить въ мирѣ и союзѣ съ Римлянами; но тотъ, кто привезъ сіи дары, раздавалъ ихъ князьямъ не по степени ихъ и достоинству. Отъ сего Куридахъ, старѣйшій изъ нихъ, будучи недоволенъ доставшимися на его долю дарами, и почитая себя обиженнымъ и обманутымъ, призвалъ Аттилу разсудить его съ другими князьями (correges). Сей, ни мало не медля, съ многочисленнымъ войскомъ вторгся въ землю Хазаровъ, и однихъ изъ владѣтелей перебилъ, другихъ принудилъ покориться. Одинъ только Куридахъ успѣлъ сохранить свой удѣлъ неприкосновеннымъ; вся-же остальная земля Хазаровъ признала власть Аттилы, который для управленія новопокоренною страною назначилъ старшаго сына своего Эллака» [15].

Смерть Аттилы возвратила Хазарамъ свободу, но скоро они снова лишились ея, ибо въ 462 году были покорены Сарагурами, Урогами и Оногурами, которые сами, будучи вытѣснены изъ занимаемыхъ ими земель, стали искать себѣ новыхъ жилищъ, устремились на Хазаровъ, и послѣ

---

[14] Jornandes, De rebus Gethicis, cap. V.

[15] Stritter, Memoriae populorum, t. I, p. 489.

многихъ битвъ покорили сей народъ [16]. Потомъ побѣдители, соединясь съ побѣжденными Хазарами, отправились вмѣстѣ войною на Персовъ, двинулись къ Воротамъ Каспійскимъ, но встрѣтивъ тамъ персидскій гарнизонъ, избрали другую дорогу, которою проникнувъ въ Грузію, опустошили сію страну, и простерли набѣги свои даже на земли армянскія [17].

Освободившись отъ ига Гунновъ, Хазары съ востока граничили съ кочевыми племенами народовъ турецкихъ, коихъ они, можетъ быть, признавали себя данниками [18], съ сѣвера съ финскими племенами Угровъ, увлеченныхъ Гуннами изъ древнихъ жилищъ своихъ, съ запада съ Булгарами, а съ юга съ народами кавказскими. Съ VI столѣтія могущество Хазаровъ начало быстро увеличиваться, и къ этому времени владѣнія ихъ на югѣ простирались уже до рѣки Аракса. Для воспрепятствованія симъ завоевателямъ, вторгавшимся уже въ Малую-Азію [19], еще далѣе простирать свои набѣги, Кобадъ сынъ Фирузовъ, персидскій государь династіи Сассанидовъ, послалъ противъ нихъ 12,000 войска, которое и овладѣло странами находящимися между Куромъ и Араксомъ. Завоевавъ также и Ширванъ, Кобадъ, на сѣверныхъ границахъ сей области построилъ огромный валъ съ 300 башенъ [20]; а сынъ его, Нуширванъ-Справедливый, построеніемъ крѣпости Дербендъ, совершенно

---

[16] Ibid. p. 570.

[17] Ibid. p. 572.

[18] См. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1834, мѣсяцъ августъ, статью: О образѣ правленія у Хазаровъ.

[19] S. Martin, Mémoires sur l'Armenie, t. II, p. 330.

[20] Memor. popul. t. I, p. 106; D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 48; Fraehn, De Chazaris, p. 43. Описаніе этой стѣны можно видѣть у Байера: De muro Caucaseo, въ Commentarii Acad. Scient. Petrop. 1728, t. I, и у д'Охсона: Les peuples du Caucase, p. 160—164. Въ одной рукописи, переведенной съ арабскаго, которою пользовался Карамзинъ, сказано, что Нуширванъ былъ женатъ на дочери хазарскаго хакана, съ дозволенія котораго Кобадъ и построилъ стѣну Дербентскую. См. Истор. Гос. Росс. т. III, прим. 292.

лишилъ сѣверные народы возможности вторгаться симъ путемъ съ его владѣнія: однакоже, въ царствованіе сына его Гормузда, когда Персія съ одной стороны опустошаема была Турками, а съ другой Византійцами, Хазары, пользуясь благопріятными обстоятельствами, прорвавшись черезъ Дербентъ, вторгнулись въ Персію, и предали все огню и мечу [21].

Вторженіе это произошло въ 626 году, и здѣсь въ первый разъ имя Хазаровъ упоминается византійскими историками, которые, описывая это событіе, говорятъ, что императоръ Гераклій, вознамѣрившись вести съ Персами войну, почелъ за нужное вступить въ союзъ съ Хазарами, для чего и отправилъ къ нимъ пословъ и дары. Хазары обѣщали ему помогать, и подъ предводительствомъ вождя своего Зибела или Зигебиля, который по достоинству своему былъ вторымъ по хаганѣ (такъ называется государь хазарскій), прорвавшись сквозь Ворота Каспійскія, вторгнулись во владѣнія Персовъ, и опустошая всѣ встрѣчавшіеся имъ на пути города и села, проникли до Адербайджана. Между тѣмъ Гераклій шелъ соединиться съ новыми союзниками своими, и предводитель Хазаровъ, услышавъ о приближеніи его, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, и, увидѣвъ Императора, по обычаю Хазаровъ, повергся предъ нимъ ницъ со всѣми спутниками своими. Гераклій обнялъ Зибела, назвалъ его сыномъ своимъ и возложилъ на него собственную свою корону. Потомъ позвавъ его на пиръ, подарилъ ему дорогіе сосуды, царскую одежду и серьги, украшенныя драгоцѣнными камнями; прочихъ-же, находившихся съ Зибеломъ, начальниковъ хазарскихъ также одарилъ серьгами. Желая еще болѣе утвердить союзъ съ симъ народомъ, Гераклій показалъ Зибелу портретъ дочери своей Евдокіи, и обѣщалъ женить его на ней, если онъ поможетъ ему противъ непріятелей. Оставивъ императору сына своего и 40,000 отборнаго войска, Зибелъ съ осталь-

---

[21] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 49.

ными возвратился въ свою землю, а Гераклій, съ присоединившимися къ нему Хазарами, отправился противъ Персовъ, одержалъ многія побѣды, и взялъ много городовъ. Съ приближеніемъ зимы Хазары удалились въ свои жилища [22].

Но между тѣмъ, какъ они торжествовали побѣду свою надъ ослабѣвшими уже государями сассанидскими, новый врагъ готовился имъ въ отдаленной части юго-западной Азіи. Въ Аравіи совершился въ это время великій переворотъ, слѣдствія коего не замедлили обнаружиться и для отдаленныхъ обитателей странъ приволжскихъ. Воспламененные фанатизмомъ, Аравитяне готовы были, во славу своего пророка, завоевать цѣлый міръ; оружіе ихъ гремѣло повсюду, и въ халифатство Омара, наложивъ дань на Адербайджанъ и Арменію, они проникли даже въ Ширванъ. Хабибъ Ибнъ-Муслимэ, полководецъ Османа, преемника Омарова, на берегахъ Эвфрата, разбилъ соединенныя войска Алановъ, Абхазовъ и Хазаровъ, находившіяся подъ предводительствомъ патриція Арминакуса, и, продолжая свои дѣйствія вдоль по рѣкѣ Араксу, овладѣлъ Тифлисомъ и многими другими городами, и на жителей ихъ наложилъ подать [23]. Въ сіе же самое время другой полководецъ Османовъ, Сулейманъ Ибнъ-Рабіатъ эль-Багели, завоевалъ Арранъ, взялъ Бейлеканъ и Бердау, перешелъ черезъ Куръ и, направляя путь свой къ сѣверу, дошелъ до Дербента и наложилъ дань на жителей сего города; но здѣсь счастіе оставило его. Перейдя черезъ Дербентъ, онъ встрѣтилъ при Беленджерѣ войско хазарское, подъ предводительствомъ своего хагана, и вступивъ съ нимъ въ бой палъ съ 4000 Мусульманъ. Сіе пораженіе Аравитянъ произошло въ 31 году геджры (651-2 по Р. Х.) [24].

---

[22] Никифоръ, Θеофанъ, Анастасій, Кедринъ; см. Memor. popul. t. III, p. 549—552; Elmacini, Hist. Saracenica. 1625. p. 13.

[23] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 47—54.

[24] Ibid. p. 55; De Chazaris, p. 37.

Разбитіе Сулеймана снова возвратило Хазарамъ часть земель завоеванныхъ Аравитянами, и въ армянскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ 683 году, Хазары, вторгнувшись въ Арменію, убили въ сраженіи правившаго оною, отъ имени халифовъ, армянина Григорія [25]. Занятые внутренними междоусобіями, Аравитяне не обращали вниманія на Хазаровъ, но лишь только водворилось у нихъ спокойствіе какъ оружіе ихъ тотчасъ же было направлено противъ сихъ смѣлыхъ завоевателей. Начались битвы кровопролитныя, ибо сколь рѣшительно стремились Аравитяне къ владычеству по ту сторону Кавказа, столь же постоянно старались и Хазары удерживать оное за собою; слѣдствіемъ сего были безпрерывныя войны, опустошавшія Грузію и Арменію въ продолженіе 80 лѣтъ. Побѣда часто увѣнчивала какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ 714 году, Муслиме, братъ халифа Валида, управлявшій Арменіею и Адербайджаномъ, опять овладѣлъ Дербентомъ, а въ 717-мъ году, двадцатитысячное хазарское войско вторгнулось въ Ширванъ и Адербайджанъ, но было разбито Мусульманами, которые, въ 722 году, сами проникли въ Землю Хазарскую, но, въ свою очередь, также претерпѣли жестокое пораженіе. Въ семъ же году сдѣланный правителемъ Арменіи, Абу-Обейда Джаррахъ, горя желаніемъ отмстить за пораженіе своихъ единовѣрцевъ, вторгнулся въ собственныя земли Хазаровъ, и недалеко отъ Дербента одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Преслѣдуя непріятелей въ глубь страны, Джаррахъ взялъ многіе города хазарскіе, и съ богатою добычею возвратился назадъ [26]. На слѣдующій годъ онъ предпринималъ также весьма удачный походъ въ Хазарію, но въ 726 году, Хазары вторгнулись опять въ Адербайджанъ, подъ предводительствомъ сына хакана своего, и, по словамъ магометанскихъ историковъ, были разбиты и обра-

---

[25] S. Martin, Mémoires sur l'Armenie, t. II, p. 338.

[26] Les peuples du Caucase p. 54—57.

щены въ бѣгство Харисомъ, намѣстникомъ Муслиме, бывшаго правителемъ Адербайджана и Арменіи [27]. По извѣстію-же византійскихъ писателей, Θеофана и Анастасія, они одержали побѣду и разбили сего военачальника арабскаго [28]. Въ 728 году, самъ Муслиме, съ многочисленнымъ войскомъ, вступилъ во владѣнія Хазаровъ [29], взялъ многіе города и разбилъ вышедшаго противъ него хакана хазарскаго. Въ слѣдующемъ году Джаррахъ, сдѣланный снова правителемъ Адербайджана, также ходилъ въ Землю Хазарскую, но возвратился безъ большаго успѣха. Съ 730 года дѣйствія сдѣлались рѣшительнѣе. Собственный сынъ хакановъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ Хазаровъ, прошедъ чрезъ Дербентъ, вторгнулся въ Адербайджанъ, и побилъ на голову спѣшившее противъ него довольно сильное войско Мусульманъ. Начальствовавшій онымъ Джаррахъ былъ убитъ, и все семейство его впало въ руки побѣдителей. Не находя нигдѣ сопротивленія, Хазары опустошили Адербайджанъ, взяли Ардебиль и разъѣзды ихъ появились уже въ окрестностяхъ Мосула. Устрашенный быстрыми успѣхами непріятелей, халифъ Гешамъ отправилъ противъ нихъ Саида Ибнъ-Амру эль-Хареши съ 30,000 войска. Сей полководецъ, разбивъ Хазаровъ въ четырехъ сраженіяхъ сряду, отнялъ награбленныя ими богатства, и заставилъ ихъ отступить. Муслиме, братъ Гешама, принявшій послѣ его начачальство надъ войскомъ, преслѣдовалъ удалявшихся враговъ до Дербента, и овладѣвъ симъ городомъ, поселилъ въ немъ колонію изъ 14,000 Сирійцевъ, и такимъ образомъ на нѣкоторое время лишилъ Хазаровъ

---

[27] Ibid. p. 58.

[28] Hoc anno (728) filius Chagani Chazariae principis, Mediam et Armeniam infestis armis vexavit, et Carachum, Arabum ducem, in Armenia obvium factum, uno cum adjuncto exercitu delevit: tum vero Armeniorum et Medorum provincias depopulatus, magno sui nominis terrore Arabibus relicto, domum rediit (Mem. pop. t. III, p. 564).

[29] Ibid.

возможности вторгаться чрезъ сію крѣпость во владѣнія Мусульманъ[30].

Въ 732 году, Муслиме снова предпринялъ походъ въ Землю Хазарскую, но бывъ принужденъ оставить непріятелямъ весь багажъ свой, едва, на легкѣ, могъ достигнуть до Дербента. Неудача сего предпріятія возбудила противъ него неудовольствіе при дворѣ, и Мерванъ, дядя Гешамовъ, сдѣланный на мѣстѣ его правителемъ Месопотаміи, Арменіи и Адербайджана, со 120,000 войскомъ отправился для наказанія Хазаровъ. Нѣсколько разъ вторгался онъ въ ихъ владѣнія, и въ 737 году нанесши имъ рѣшительное пораженіе, заставилъ хакана просить мира, и торжественно принять магометанскую религію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ сего, онъ безпрестанно воевалъ съ разными горскими народами, доколѣ въ 742 г., по смерти Валида, сына Езидова, вступилъ на престолъ халифовъ[31].

Съ паденіемъ династіи Омайядовъ, когда воинственный духъ Аравитянъ уже охладѣлъ, войны съ Хазарами сдѣлались гораздо рѣже. Изъ вторженій ихъ во времена Аббасидовъ извѣстны наиболѣе два: одно въ 764 году, когда они взяли Тифлисъ и опустошили Арменію, и другое въ 799 году, когда подъ предводительствомъ самого хагана, въ числѣ ста тысячъ, они ворвались въ Арменію, совершили тамъ неслыханныя жестокости и увели множество плѣнниковъ; но наконецъ полководецъ Езидъ, посланный Гарунъ-эр-Рашидомъ, успѣлъ изгнать ихъ изъ земель магометанскихъ[32]. Такъ кончилась эта кровопролитная, долговременная борьба двухъ воинственныхъ народовъ Ев-

---

[30] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 58—63; Klaproth, Tableau du Caucase, p. 13. Къ сѣверу отъ Дербента еще и донынѣ существуетъ небольшое поколѣніе Аравитянъ, состоящее изъ 800 семействъ, которые, какъ говорятъ, происходятъ отъ поселенцевъ посланныхъ сюда халифами въ половинѣ VIII столѣтія. Caspari, Neue Erdebeschreibung, t. XII, p. 516.

[31] Les peuples du Caucase, p. 63—69; Истор. Гос. Росс. Карамзина, т. III, прим. 248.

[32] Les peuples du Caucase, p. 70.

ропы и Азіи; Аравитяне остались спокойными обладателями странъ закавказскихъ; ибо съ сего времени въ лѣтописяхъ мусульманскихъ не упоминается уже болѣе о войнахъ между Аравитянами и Хазарами.

Такимъ образомъ, будучи удерживаемы на югѣ Горъ Кавказскихъ сопротивленіемъ Аравитянъ, Хазары обратили оружіе на своихъ сосѣдей съ запада и сѣвера. Въ царствованіе греческаго императора Константина II (642-668), они покорили Болгаръ Черноморскихъ и наложили на нихъ дань [33]; двинули далѣе къ западу финскія племена Угровъ, и распространили завоеванія свои по ту сторону Моря Каспійскаго. Война Юстиніана Ринотмета съ Херсонесцами доставила имъ случай овладѣть частію Тавриды [34] и, вѣроятно въ это же время, простирая оружіе свое на сѣверъ, Хазары сдѣлали данниками своими славянскія поколѣнія Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей [35]. Вообще VIII столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ періодомъ державы Хазаровъ. Они владѣли отъ Моря Каспійскаго до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго-Моря до береговъ Оки и Камы. Императоры византійскіе, страшась за свои владѣнія въ Херсонесѣ, всѣми мѣрами старались войти въ тѣснѣйшую связь съ Хазарами. «Цари греческіе», говоритъ Карамзинъ, «искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ хаганами [36]; въ знакъ своего къ

---

[33] Cum quinque Crobati, Bulgarorum principis, filii, post patris obitum, principatum inter se divisissent, et quatuor eorum, novas quaesituri sedes, emigrassent, uno Batbaia in avito solo remanente, numerosa Chazarorum gens, ex interiore Berzeliae, quae est primae Sarmatiae, recessu prorupit; omnibusque usque ad mare Ponticum trans flumen positis provinciis, sub ditionem suam redactis, a Batbaia, primae Bulgariae principe (is erat fratrum primus) vectigali sibi reddito, tributum ab eo in huc usque diem exigit. Θеофанъ, Анастасій, Никифоръ. См. Mem. popul. III, 553 и II, 505.

[34] Memor. popul. III, 557—563.

[35] Несторъ по кенигсбергскому списку, стр. 15; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. I, стр. 47.

[36] Юстиніанъ Ринотметъ, въ 702 году, женился на дочери хагана хазарскаго, именемъ Θеофаніи; а въ 732 году, Константинъ Копронимъ вступилъ

нимъ почтенія[37] украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою хазарскою[38] и стражу свою составляли изъ сихъ храбрыхъ Азіятцевъ[39]. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; они не только оставляли въ покоѣ Константинополь, но еще и служили слабымъ государямъ его союзниками противъ Булгаровъ, опустошавшихъ Имперію»[40].

Въ концѣ сего столѣтія, въ царствованіе Гарунъ-эр-Рашида (786—809), Евреи, притѣсняемые въ Греціи, удалились къ Хазарамъ, и, видя простоту этого народа, предложили ему свою вѣру, а Хазары, находя ее лучшею собственной, приняли охотно[41]; Магометанская-же религія, принятая въ 737 г. насильно и въ слѣдствіе необходимости, не могла сдѣлать успѣховъ между Хазарами, и кажется, что Исламизмъ ихъ исчезъ вмѣстѣ съ удаленіемъ Аравитянъ; по крайней мѣрѣ Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ, что Хазары приняли Магометанскую вѣру въ 254 г. геджры = 868 по Р. Х., слѣдовательно черезъ сто лѣтъ послѣ по-

---

въ бракъ съ дочерью государя хазарскаго, славною въ лѣтописяхъ византійскихъ, Ириною. См. Mem. popul. III, 556 и 565; Greg. Abulfaradji Chronicon Syriacum, p. 120.

[37] Хаганъ хазарскій почитался могущественнѣйшимъ изъ государей съ которыми былъ въ сношеніяхъ Дворъ Византійскій; посылаемыя къ нему граматы надписывались: «Славнѣйшему и благороднѣйшему Хагану Хазарскому», и запечатывались золотою буллою въ три солида, тогда какъ письма отправляемыя къ Папѣ и Королю Французскому, запечатывались буллою только въ два солида. См. Mem. pop. III, p. 576.

[38] Она называлась «цицакіею», и введена въ употребленіе Ириною. Ibid. III, 550.

[39] См. Константина Багрянороднаго: De Caeremoniis aulae Bizantinae, edit. Reiskii, Lipsiae, 1752, lib. II, cap. XLIV, p. 381, и cap XVIX p. 400; Ист. Гос. Росс. т. I, стр. 46.

[40] Левъ Грамматикъ. См. Mem. pop. III, 570.

[41] Ибнъ-эль-Эсиръ Джезери родился 555 г. геджры = 1160 по Р. Х., а умеръ въ 630 геджры = 1233 по Р. Х. См. De Chazaris, p. 21. Такъ повѣствуетъ историкъ магометанскій; въ книгѣ-же, извѣстной подъ именемъ *Сеферъ-Хозри*, говорится, что Іудейская Вѣра принята была въ 740 году, царемъ Буланомъ, но утвердилась только при внукѣ его Обадіи, что совершенно согласно съ хронологіею Ибнъ-эль-Эсира.

раженія ихъ Мерваномъ. Причина сего была та, что Хазары, утѣсняемые напавшими на земли ихъ Турками, просили помощи у Хорезмійцевъ, которые отвѣчали имъ на это: «вы невѣрные, и мы поможемъ вамъ только съ тѣмъ условіемъ, что вы сдѣлаетесь Мусульманами». Хазары согласились, и весь народъ, исключая государя, принялъ Исламизмъ; Хорезмійцы подали имъ помощь, и Турки были прогнаны [42]; съ этого времени вѣра Магометанская утвердилась въ Хазаріи; нравы народа должны были смягчиться отъ сего, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была исчезнуть и дикая храбрость, доселѣ его поддерживавшая. Такъ и случилось. Хазары утратили свой воинственный духъ, и съ IX столѣтія могущество ихъ мало по малу стало ослабѣвать. Съ востока отъ рѣки Урала начали напирать на нихъ дикія поколѣнія Печенѣговъ и другихъ народовъ турецкихъ, а съ сѣверо-запада начали отнимать у нихъ владѣнія князья русскіе. Оскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, лишили ихъ дани, платившейся жителями сего города, а Олегъ взялъ себѣ и ту, которую давали имъ Сѣверяне и Радимичи [43]. Набѣги Печенѣговъ безпрестанно подвигавшихся къ западу, заставили Хазаровъ отправить въ 834 г. къ греческому императору Ѳеофилу посольство съ просьбою прислать имъ искусныхъ людей для построенія на берегу Дона крѣпости, которая защищала бы восточныя границы ихъ владѣній отъ вторженій этихъ дикарей. Ѳеофилъ, исполняя ихъ просьбу, прислалъ имъ ученаго инженера именемъ Петрону, который и построилъ крѣпость, названную Саркеломъ [44]. Въ нее назначенъ былъ

---

[42] De Chazaris, p. 21.

[43] Несторъ по кенигсберскому списку, стр. 17 и 19.

[44] Константинъ Багрянородный: см. Мет. рор. III, 566. О положеніи этого города ученые не согласны: Делиль, а вслѣдъ за нимъ Байеръ и Данвиль, полагали, что Саркелъ есть нынѣшній Бѣлгородъ, находящійся на Донцѣ, а не на Донѣ; но Карамзинъ и Эверсъ опровергаютъ ихъ мнѣніе многими рѣшительными доказательствами. Послѣдній говоритъ, что онъ не знаетъ настоящаго положенія этого города, а первый, основываясь на словахъ митро-

гарнизонъ, который ежегодно смѣнялся [45]. Въ 858 году, если вѣрить одной легендѣ, въ Константинополь, къ императору Михаилу прибыло новое посольство отъ Хазаровъ съ просьбою прислать имъ кого нибудь для наставленія въ Религіи Христіанской. Дѣло обращенія Хазаровъ поручено было Константину Өессалоникскому, который, научившись въ Херсонесѣ хазарскому языку, отправился въ ихъ землю и обратилъ въ Христіанскую Вѣру бо́льшую часть народа, даже тѣхъ, которые приняли уже Коранъ, или Пятикнижіе [46]. Въ 894 г., по извѣстію Константина Багрянороднаго, Хазары, соединившись съ Узами, которые вслѣдъ за Печенѣгами также подвигались на западъ, напали на сихъ-послѣднихъ и изгнали ихъ изъ занимаемыхъ ими земель. Печенѣги, двинувшись далѣе на западъ, въ свою очередь вытѣснили съ береговъ Дона Мадьяровъ, отодвинули ихъ въ Молдавію и Бессарабію, а сами заняли страну ихъ, называвшуюся Лебедіею [47]. Изъ словъ Константина видно также, что Мадьяры, живя на Дону, были

полита Пимена, въ XIV вѣкѣ путешествовавшаго въ Царьградъ, что на Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медвѣдицы, находятся развалины древняго города Серклiи, полагаетъ, что и это было настоящее мѣсто Саркела. См. Ист. Гос. Росс. Т. I, прим. 87, и Еверса Критич. Розыск. о древ. Русск. Исторіи, стр. 180.

[45] Эверсъ думаетъ, что причина ежегодной смѣны гарнизона заключалась въ отвращеніи Хазаровъ къ суровому климату. См. Критич. Розыск. ч. II, стр. 175.

[46] Acta sanctorum, II, 12—25. Неизвѣстно, что̀ побудило Хазаровъ отправить это посольство. Причиною сего, вѣроятно, было близкое знакомство съ Греками и нужда въ ихъ помощи, которую они надѣялись скорѣе получить отъ народа связаннаго съ ними узами вѣры. Можетъ быть также, что Хазары, равно покровительствовавшіе всѣ религіи, слыша отъ пріѣзжавшихъ къ нимъ Христіанъ о превосходствѣ ихъ вѣры надъ всѣми прочими, захотѣли основательно узнать ея сущность, и для того отправили посольство, прося прислать имъ человѣка могущаго наставить ихъ въ этой вѣрѣ, чего, въ тогдашнія времена, не могли сдѣлать люди свѣтскіе, купцы и воины, посѣщавшіе Хазарію: и такъ необходимо было просить, чтобъ имъ прислали монаха.

[47] Memor. popul. III, 572 и 609.

въ тѣсныхъ связяхъ съ Хазарами, и что даже и по удаленіи ихъ хаганъ хазарскій сохранилъ надъ ними нѣкоторое вліяніе; ибо, по желанію его, они провозгласили королемъ Арпада, до тѣхъ-же поръ управлялись воеводами [48]. Вскорѣ за симъ, около 899 года, у Хазаровъ произошли смятенія, возгорѣлась междоусобная война, и Хабары, одно изъ храбрѣйшихъ поколѣній, которое было побѣждено, удалилось въ землю Венгровъ и слилось съ ними впослѣдствіи въ одинъ народъ [49]. Константинъ Багрянородный, описывая окружающіе Имперію народы, говоритъ также и о Хазарахъ; изъ словъ его видно, что они въ первой половинѣ X вѣка граничили къ югу съ Моремъ Каспійскимъ и Горами Кавказскими, къ западу съ Дономъ, который отдѣлялъ ихъ отъ Печенѣговъ и Узовъ, и Азовскимъ Моремъ; къ сѣверу съ Волжскими или Камскими Булгарами, а къ востоку съ Башкирцами и другими кочевыми поколѣніями турецкими. Этотъ государь совѣтовалъ также своему сыну, для обузданія могущества Хазаровъ, жить въ союзѣ съ Узами и Аланами [50]. Изъ сего видно въ какой зависимости находилось тогда это государство отъ сосѣднихъ ему дикихъ народовъ.

Побѣды Руссовъ надъ славянскими поколѣніями, дан-

---

[48] Turcorum (i. e. Madjarorum) gens olim prope Chazariam habitabat, in loco cui nomen Lebedias. Habitarunt autem cum Chazaris annos tres omnibus eorum in bellos adjutores. Mem. pop. III, 571, и потомъ далѣе: Paulo post Chaganus ille Chazariae princeps per legatos petiit a Turcis ut ad se Chelandiam mittant primum eorum Boebodum. Lebedias itaque ad eum profectus cum causam cur se advocasset rogaret; Chaganus, se, ipsum gentis Turcorum principem constituere, decrevisse, respondit. Lebedias vero, cum se tali principatui parum non esse significasset; Chagano ut alium Turcorum Boebodum Salmutzem, vel hujus filium Arpadem, ad hanc dignitatem eveheret, auctor fuit. Legatis denuo ad Turcos missis, Chaganus suum ipsis significavit consilium, qui Arpadem, quem patre etiam digniorem indicabant, solemni Chazarorum more ac consvetudine in scuto erectum principem fecerunt (Ibid. p. 572).

[49] Ibidem.

[50] Ibidem. p. 574.

никами Хазаровъ, познакомили оба народа; и Руссы, посѣщавшіе уже, можетъ быть, Хазарію, ибо знаемъ, что они въ послѣдствіи служили въ гвардіи хакановъ, и видѣвшіе тамъ богатства привозимыя съ Востока, задумали, по обычаю своему, пуститься на грабежъ въ персидскія области, прилежащія Каспійскому-Морю. Въ числѣ 50,000 на 500 судахъ, они вышли въ Черное-Море, и просили у хакана позволенія пройти черезъ его владѣнія въ Каспійское-Море, обѣщая ему за это половину добычи. Хаканъ согласился, Руссы вошли въ Донъ, и изъ этой рѣки, вѣроятно волокомъ, переправились въ Волгу, и, какъ условлено было, мимо Итиля выплыли въ Море Каспійское; здѣсь разграбили они Гиланъ, Дайлемъ, Табaристанъ, Джорджянъ и Адербайджанъ, и наполнивъ всю Персію ужасомъ своего имени, съ безчисленною добычею отправились въ обратный путь. Прибывъ къ устью Волги, они отослали хакану половину обѣщанной добычи; но Магометане, служившіе въ гвардіи сего государя, желая отмстить Руссамъ за убійство своихъ единовѣрцевъ, рѣшились истребить ихъ, и для сего въ числѣ 15,000 человѣкъ съ присоединившимся къ нимъ Христіанами Итильскими, напавъ на Руссовъ, 30,000 изъ нихъ положили на мѣстѣ битвы или потопили въ волнахъ Волги; остальные-же перебиты были на другой сторонѣ этой рѣки Буртасами и Булгарами, исповѣдовавшими Магометанскую вѣру [51].

Эта побѣда была гибельна для Хазаровъ, ибо въ первомъ порывѣ гнѣва они не замѣтили, сколь мстительнаго и страшнаго врага возстановили противъ себя. Воинственный духъ Руссовъ заставлялъ ихъ искать причинъ для войны съ сосѣдями, здѣсь-же кровь единоземцевъ требовала мщенія, и Святославъ, предпринявъ походъ на Хазаровъ, вѣроятно имѣлъ намѣреніе отмстить имъ за разбитіе

---

[51] См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 г., мѣсяцъ февраль, стр. 229.

своихъ единоплеменниковъ. Несторъ, ничего не упоминаетъ о причинахъ побудившихъ къ сему Святослава, а говоритъ только, что въ 965 году, покоривъ Вятичей, последнее изъ поколѣній славянскихъ которое платило дань Хазарамъ, онъ устремился потомъ на земли сего народа, въ кровопролитной битвѣ побѣдилъ кагана, предводительствовавшаго войскомъ, и взялъ укрѣпленный городъ хазарскій Саркелъ, или Бѣлую-Вѣжу [52]. Въ этотъ же походъ завоевалъ, вѣроятно, Святославъ и земли на перешейкѣ Кавказскомъ и по берегамъ Азовскаго-Моря, принадлежавшія тогда Хазарамъ, и въ послѣдствіи образовавшія Княжество Тмутараканское [53]. Ибнъ-Хаукалъ, повѣствующій о семъ событіи подъ 358 (969) годомъ геджры, говоритъ, что Русскіе перебили въ то время жителей Итиля, Хазаровъ, Булгаровъ и Буртасовъ, разрушили Семендеръ и опустошили его окрестности [54].

Этотъ ударъ сильно потрясъ могущество уже слабѣвшей Державы Хазарской и приготовилъ совершенное ея паденіе; но Хазарія, по описаніямъ арабскихъ путешественниковъ, даже и въ это время все еще находилась въ цвѣтущемъ состояніи, въ сравненіи съ другими, окружавшими ее странами; наконецъ ослабленная войнами съ дикими сосѣдями своими, и обезсиленная и потрясенная оружіемъ князей русскихъ, она пала въ первыхъ годахъ XI столѣтія, разрушенная соединенными силами Византійцевъ и Руссовъ. Вотъ какъ говоритъ Кедринъ о паденіи этого, нѣкогда столь цвѣтущаго, государства: «Императоръ Василій, возвратясь въ Константинополь изъ похода на Булгарію, въ январѣ мѣсяцѣ 6524 (1016 по Р. Х.) года отъ сотворенія міра, послалъ въ Хазарію флотъ подъ предводительствомъ Монга, сына Андроникова, который съ помо-

---

[52] Несторъ, по кенигсберск. списку, стр. 54.
[53] Карамзина, Ист. Гос. Росс. т. II, стр. 200.
[54] De Chazaris, p. 39.

щію Сфенга, брата Владиміра, того самаго который женатъ былъ на сестрѣ императора Василія, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой битвѣ государя оной Георгія Цула» [55]. Византійскій историкъ ошибся здѣсь и поставилъ Сфенга, брата Владимірова, который никогда не существовалъ, вмѣсто Мстислава, сына сего государя, который отдалъ ему въ удѣлъ область Тмутараканскую [56].

Съ сего времени уже ни византійскія, ни русскія лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Хазарахъ. Прежнія жилища ихъ заняты были народомъ, который Русскіе называютъ Половцами, а Византійцы Команами; остатки-же народа Хазарскаго, вѣроятно, еще нѣсколько времени сохраняли свою независимость, занимая небольшое пространство земли между Каспійскимъ-Моремъ и Горами Кавказскими, а потомъ, по малочисленности своей, смѣшавшись съ сосѣдними народами турецкими и кавказскими, утратили свое существованіе. Знаменитый путешественникъ XII вѣка, Веніаминъ Тудельскій, описывавшій отдаленнѣйшія страны гдѣ только жили его единовѣрцы, Евреи, но не ѣздившій далѣе Испаніи, не упоминаетъ ничего о Хазарахъ въ компиляціи своей, извѣстной подъ именемъ его «путешествія» [57]; но имя Хазаровъ встрѣчается еще въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ. Такъ Плано-Карпини, во время проѣзда своего въ Монголію, исчисляя народы, граничащіе съ Команіею, упоминаетъ и о Газарахъ [58]. Далѣе, говоря о земляхъ покоренныхъ Монголами, этотъ же самый путешественникъ считаетъ въ числѣ ихъ и Землю Газаровъ [59]. Папы, еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, посылали проповѣдниковъ для обращенія Хазаровъ къ римской церкви [60], а писатель XV

---

[55] Mem. popul. t. III, p. 577.

[56] Ист. Госуд. Росс. Т. II, прим. 22.

[57] См. Voyages de Rabbi Benjamin, fils de Jona de Tudela, traduits de l'Hebreu par Baratier. t. II, p. 10—32.

[58] См. Собраніе путешествій къ Татарамъ, стр. 25.

[59] Ibidem., стр. 191.

[60] Папа Иннокентій IV въ 1253, Папа Николай II въ 1288, и Папа Ур-

вѣка, Али-Деде-Руми говоритъ, что остатки сего народа существовали еще и въ его время и были извѣстны подъ именемъ Маджаровъ. По словамъ его, они были похожи на Татаръ, и нѣкоторые изъ нихъ говорили даже по-татарски [61]. Изъ путешествій Гербера, Гмелина, Гюльденштедта, Палласа, Клапрота и другихъ, извѣстно, что на рѣкѣ Кумѣ существуютъ еще доселѣ обширныя развалины большаго и великолѣпнаго города Маджара [62].

Окончивъ симъ нашъ обзоръ политической исторіи Хазаровъ, остается только замѣтить несправедливость мнѣній одного ученаго объ остаткахъ сего народа, именно г. Эверсъ думаетъ, что Каджары, царствующая нынѣ въ Персіи династія, есть остатокъ Хазаровъ, и основываетъ это мнѣніе: а) на сходствѣ названій Хазаръ и Каджаръ, и б) на извѣстіяхъ англійскихъ путешественниковъ, разсказывающихъ, что Каджары говорятъ по-турецки [63]. Послѣднее обстоятельство казалось славному профессору весьма новымъ и любопытнымъ; да и въ самомъ дѣлѣ какъ не любопытно узнать, что Турки (ибо Каджары суть одно изъ поколѣній сего народа) говорятъ по-турецки? Тождественность же Хазаровъ и Каджаровъ, слѣдующую изъ сходства сихъ словъ, не стоитъ труда и опровергать, во-первыхъ — потому, что это сходство не очень велико, во-вторыхъ — потому, что не имѣетъ никакой цѣны и только вѣчно сбивало съ толку всѣхъ ученыхъ; а то, что Каджары говорятъ по-турецки совершенно противно тому, что хочетъ доказать Эверсъ, ибо намъ извѣстно, что Хазары не только не были поколѣніемъ Турокъ, и не говорили турецкимъ языкомъ, но даже и внѣшнимъ видомъ отличались отъ нихъ [64].

банъ V въ 1369. См. Raynaldi Annales Eclesiastici, и Thunmann: Untersuchungen über die Geschichte der Oestl. Europ. Völker. s. 163.

[61] De Chazaris, p. 43.

[62] Klaproth, Voyage au Caucase, T. I, p. 142—186.

[63] Критич. Разыск. о древ. Русск. Ист. ч. II, стр. 173.

[64] De Chazaris, p. 15.

О ДВОЙСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ У ХАЗАРОВЪ *.

Необыкновеннымъ явленіемъ въ Средніе Вѣка былъ Народъ Хазарскій. Окруженный племенами дикими и кочующими, онъ имѣлъ всѣ преимущества странъ образованныхъ: устроенное правленіе, обширную, цвѣтущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначаліе, фанатизмъ и глубокое невѣжество оспоривали другъ у друга владычество надъ Западною Европою, Держава Хазарская славилась правосудіемъ и вѣротерпимостію, и гонимые за вѣру стекались въ нее отвсюду. Какъ свѣтлый метеоръ, ярко блистала она на мрачномъ горизонтѣ Европы, и погасла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Отъ того всѣ подвиги Хазаровъ, народа столь рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнаго для историка, являются въ какомъ-то сумракѣ, подернутыя туманомъ сбивчивыхъ извѣстій разныхъ иноземныхъ писателей, которые своими повѣствованіями дѣлаютъ еще болѣе невѣроятными иногда и безъ того странныя установленія Хазаровъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и образъ ихъ правленія, о коемъ упоминаютъ арабскіе путешественники и историки X вѣка. Разсмотримъ, въ чемъ состоялъ онъ, и когда установился.

---

* Статейка эта, вмѣстѣ съ предшествующею — части полной монографіи о Хазарахъ, написанной авторомъ въ 1834 году, напечатана впервые въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за тотъ же годъ, часть III, стр. 279—295. *Изд.*

Основываясь на сказаніи Приска, можно думать, что въ древности Хазары управлялись многими владѣльцами, болѣе или менѣе сильными, которые, во время мира враждовали между собою, въ случаѣ-же опасности, грозившей имъ отъ непріятеля, или замышляя общими силами сдѣлать набѣгъ на сосѣднія страны, соединялись и избирали, можетъ быть, изъ среды себя предводителя, коему и повиновались во все продолженіе похода [1]. Далѣе, тотъ же самый писатель повѣствуетъ, что Аттила, покоривъ Хазаровъ, далъ имъ въ правители собственнаго сына, Эллака [2]; но владычество Гунновъ скоро рушилось; а что послѣдовало у Хазаровъ за паденіемъ Гунновъ, и какъ управлялись они послѣ сего, неизвѣстно. Лѣтописцы византійскіе, Ѳеофанъ, Никифоръ и другіе, упоминающіе въ первый разъ о Хазарахъ подъ 626 годомъ по Р. Х., говорятъ только, что императоръ Гераклій заключилъ союзъ противъ Персовъ съ государемъ ихъ, который назывался *Каганомъ* [3]; а Константинъ Багрянородный, описывая, подъ 834 годомъ, посольство Хазаровъ къ императору Ѳеофилу, говоритъ, что оно было отправлено ихъ *Каганомъ* и *Пехомъ* (Πεχ) [4]. Столь же неудовлетворительныя свѣдѣнія доставляютъ и историки восточные, упоминающіе о ихъ войнахъ съ халифами династіи Омміадовъ и Аббасидовъ, и такая неизвѣстность простирается до X столѣтія, когда сказанія нѣкоторыхъ арабскихъ путешественни-

---

[1] Это видно изъ слѣдующихъ словъ Приска: In eam gentem (Acatzirorum) *plures* per tribus et generationes imperium exercebant, quos Imperator Theodosius *firmata inter eos concordia,* ad colendum cum Romanis pasem adduxerat. Curidachus, *regum antiquior,* Attilam ad *correges* in judicium vocaverat. Is, magno exercitu emisso, *regum* alios sustulit, alios ad deditionem compulit (Memor. pop. T. I, p. 489). Моисей Хоренскій говоритъ, что Хазары вторглись въ Арменію во II вѣкѣ по Р. Х., подъ предводительствомъ *царя* и *предводителя* своего Венасепа Сургака. См. Hist. Armeniaca. Lond. p. 183.

[2] Memor. popul T. I, p. 489. Jornandes: De rebus Gethicis, cap. V.

[3] Memor. pop. T. III, p. 549 и 550.

[4] Ibid. T. III, p. 567.

ковъ разлили большой свѣтъ на весь юговосточный край Европы. Писатели сіи, какъ мы сказали выше, представляютъ извѣстія самыя странныя. По словамъ ихъ, Хазары управлялись вмѣстѣ и *Хаканомъ*, и его намѣстникомъ, который назывался *Царемъ* (маликъ) [5]. Хаканъ происходилъ изъ одной извѣстной фамиліи [6], пользовался величайшимъ уваженіемъ по наружности, но въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой власти [7]. Всѣ бразды правленія соединялись въ рукахъ Царя, который назывался *Хаканъ-Бегъ* [8]. Онъ управлялъ государствомъ, предводительствовалъ войскомъ, велъ войны, давалъ повелѣнія государямъ сосѣдственнымъ, рѣшалъ дѣла, опредѣлялъ наказанія, и вообще завѣдывалъ вполнѣ всѣми дѣлами народа [9]. Со всѣмъ тѣмъ Царь хазарскій не почитался бы законнымъ, если бы въ столицѣ не находилося Хакана [10]; и таково было уваженіе, питаемое къ Хакану, что самый Царь входилъ къ нему не иначе, какъ босыми ногами, съ величайшею скромностію и благоговѣніемъ, держа въ рукѣ кусокъ дерева. Привѣтствовавъ Хакана, онъ зажигалъ дерево, и потомъ уже садился съ нимъ на тронъ, по правую его руку [11].—Впрочемъ вѣроятно, что все это было не что иное, какъ пустой обрядъ, соблюдавшійся по привычкѣ, а не изъ уваженія къ Хакану.

Кромѣ Намѣстника, который видѣлъ Хакана ежедневно, къ нему допускали еще только двухъ чиновниковъ, *Кендеръ-Хакана* и *Чаушіара* [12]; кромѣ сихъ лицъ, никто

---

[5] De Chazaris, p. 16 и 31. Magasin Asiat. T. I, N° 2, p. 270.

[6] Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris, p. 30, и Шемсъ-эд-Динъ Димешки, ibid. p. 31.

[7] Ibid.

[8] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 16. Онъ говоритъ также, что Царь на языкѣ Хазаровъ назывался *Илькъ* или *Бакъ*. Ibid. p. 13.

[9] Ибнъ-Фодланъ, ibid. стр. 16.

[10] Мусуди, loco citato.

[11] Ибнъ-Фодланъ, ibid.

[12] Ибнъ-Фодланъ, ibid. Этимъ чиновникамъ надлежало быть весьма важнаго сана, ибо Димешки говоритъ, что къ Хакану допускаются только Царь и *равные ему достоинствомъ* (эль малекъ уа манъ фи табакатиги).

не могъ входить къ нему, развѣ только въ случаѣ большой необходимости [13]. Впущенный къ Хакану повергался ницъ, валялся по землѣ, потомъ вставалъ и дожидалъ пока ему будетъ позволено приблизиться и говорить [14].

Не только при жизни, но и по смерти, Хаканы пользовались величайшимъ уваженіемъ: никто не могъ ѣхать верхомъ мимо ихъ гробницы, но долженъ былъ сходить съ лошади и падать ницъ, потомъ итти пѣшкомъ и садиться опять не прежде, какъ могила скроется изъ глазъ [15].

Повиновеніе подданныхъ къ Царю было таково, что если ему надобно было лишить жизни кого-либо, даже изъ людей самыхъ знатныхъ и почетныхъ, и онъ не хотѣлъ сдѣлать этого явно, то ему стоило только велѣть виновному убить самого себя, и тотъ шелъ домой и лишалъ себя жизни [16].

Хаканъ жилъ въ столицѣ государства, въ Итилѣ, во дворцѣ своемъ, находившемся на западномъ берегу Волги, съ 4000 человѣкъ свиты [17]. Народу онъ показывался однажды въ четыре мѣсяца, выѣзжая прогуливаться верхомъ [18], но и то въ сопровожденіи всего войска, которое однакожъ слѣдовало за нимъ не иначе, какъ на разстояніи цѣлой мили. Встрѣчавшійся народъ не видалъ Хакана, ибо падалъ предъ нимъ ницъ, и вставалъ не прежде

---

[13] Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris. p. 30.

[14] Ибнъ-Хаукалъ и Димешки, De Chazaris. p. 31.

[15] Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 189; Димешки, De Chazaris. p. 33.

[16] De Chazaris, p. 30 и 32.

[17] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 14; Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 185; но Масуди говоритъ, что этотъ дворецъ построенъ на островѣ, находящемся между берегами Волги. Magas. Asiat. T. I. № 2, p. 266. Іосифъ, царь хазарскій, въ письмѣ своемъ къ Хасдаю, также говоритъ, что дворецъ его находится на островѣ, посреди рѣки. См. D'Ohsson, Les peuples de Caucase, p. 208.

[18] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 10; Масуди говоритъ, напротивъ, что Хаканъ никогда не выходитъ изъ дворца своего, не ѣздитъ верхомъ и не показывается ни народу, ни вельможамъ. Magas. Asiat. T. I, № 2, p. 270; Царь-же Іосифъ пишетъ къ Хасдаю, что каждою весною Государь, со всѣми министрами и знатью своего Двора, ѣздитъ гулять до одной большой

какъ онъ уже проѣзжалъ [19]. Хаканъ, по установленному обычаю, имѣлъ 25 женъ. Всѣ онѣ были дочери сосѣдственныхъ государей, и онъ бралъ ихъ къ себѣ волею и неволею. Сверхъ того у него было 60 наложницъ отличной красоты; каждая жила въ особенной палатѣ, и къ каждой приставленъ былъ евнухъ для храненія. Если Хаканъ хотѣлъ видѣть которую нибудь изъ нихъ, то извѣщалъ о семъ евнуха, который и доставлялъ ее немедленно Хакану, а самъ, между тѣмъ, оставался у дверей царской куббы (шатра); когда-же Хаканъ отпускалъ ее, то евнухъ, взявъ ее за руку, уходилъ съ нею, и не оставлялъ ее никогда, ни на одно мгновеніе [20].

Когда Хаканъ умиралъ, то, по словамъ Ибнъ-Фодлана, ему строили большой дворецъ съ 20 комнатами; въ каждой изъ нихъ вырывали могилу, которой дно засыпали истертыми въ порошекъ, какъ сурьма, камнями и немореною известью. Подъ дворцемъ протекала большая рѣка, и въ нее ставили гробницу для того, какъ говорили жители, чтобы ни человѣкъ, ни червь, ни другое пресмыкающееся не могли къ ней приблизиться. Схоронивъ Хакана, погребавшимъ его отсѣкали голову, чтобы никто не зналъ, въ которой изъ тѣхъ комнатъ находится его гробница, которую называли раемъ; объ умершемъ-же Хаканѣ говорили, что онъ вошелъ въ рай. Всѣ комнаты покрывались золотою парчею [21].

Достоинство Хакана принадлежало одной извѣстной фамиліи, не сильной и не богатой, но пользовавшейся большимъ уваженіемъ [22]. Кому, по смерти царствовавшаго

рѣки, протекающей на разстояніи 20 миль отъ его столицы, а потомъ объѣзжаетъ все государство. См. d'Ohsson, l. c. Если принять, что Ибнъ-Фодланъ и Іосифъ говорятъ о Царѣ, а не о Хаканѣ, то извѣстія ихъ не будутъ противорѣчить Масудіевымъ.

[19] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 17.

[20] Ibidem.

[21] Ibidem, p. 16.

[22] Масуди, Magas. Asiat. T. I, № 2, p. 270.

Хакана, надлежало наслѣдовать власть, тому вручали ее несмотря на его состояніе [23]; на престолъ возводили даже самыхъ бѣдныхъ людей, лишь бы они были царскаго рода. Такъ нѣкто, по словамъ Ибнъ-Хаукала, заслуживавшій вѣру, разсказывалъ сему путешественнику, что онъ видѣлъ на площади одного юношу, продававшаго хлѣбъ, о которомъ говорили, что онъ, по смерти Хакана, ближайшій наслѣдникъ престола, хотя онъ былъ магометанинъ, а Хакану необходимо надлежало быть Іудейской Вѣры [24].

Такимъ образомъ, когда Хаканъ умиралъ, на престолъ возводили его наслѣдника. Ибнъ-Хаукалъ и Шемсъ-уд-Динъ разсказываютъ, что при семъ случаѣ происходилъ странный обрядъ: назначеннаго къ наслѣдованію хаканскаго достоинства приводили къ Намѣстнику, который, прежде нежели возводилъ его на престолъ, дѣлалъ ему многія наставленія, увѣщавалъ его съ точностію исполнять должности возлагаемыя на него симъ достоинствомъ, представлялъ трудность управлять государствомъ, показывалъ ему его права и обязанности, и какому наказанію долженъ онъ будетъ подвергнуться, если въ принятомъ на себя санѣ станетъ дѣйствовать нерадиво и неблагоразумно, и будетъ судить противно истинѣ и справедливости. Потомъ онъ набрасывалъ на шею новаго Хакана шелковую веревку, и давилъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ едва не задыхался; тогда его спрашивали: сколько лѣтъ желаетъ онъ царствовать? и когда онъ сказывалъ число лѣтъ, то оное записывали и его возводили на престолъ. Если, достигнувъ положеннаго имъ самимъ срока, онъ не умиралъ, то его убивали [25].

---

[23] Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris, p. 30.

[24] Ibidem.

[25] De Chazaris, p. 34 и 35. Все, что Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Хаукалъ говорятъ о Хаканѣ и Царѣ хазарскихъ, чрезвычайно перемѣшаво, такъ что легко можно ошибиться, и отнести къ одному то, что принадлежитъ другому. Ибнъ-Фодланъ не говоритъ ничего о возведеніи Хакана на престолъ; Ибнъ-

Впрочемъ Хаканъ не всегда спокойно проживалъ назначенное имъ время: въ случаѣ голода, или войны, или какого другаго бѣдствія, народъ и вельможи обращались къ Царю, и говорили ему: «Этотъ Хаканъ приноситъ намъ несчастіе; лиши его жизни, или отдай намъ, чтобъ мы его убили». Иногда Намѣстникъ исполнялъ желаніе народа и предавалъ Хакана ему въ руки, или убивалъ его самъ; иногда-же, если онъ не сдѣлалъ никакого преступленія, за которое стоилъ бы наказанія, защищалъ его и не позволялъ дѣлать ему зла [26]. Во всякомъ случаѣ Хаканъ не могъ царствовать болѣе 40 лѣтъ, ибо если по истеченіи сего срока проходилъ хотя день, то народъ и вельможи убивали его, говоря, что умъ его ослабѣлъ и разсудокъ разстроился [27].

Хаукалъ, по тексту приводимому г. Френомъ, говоритъ, что эти обряды употреблялись Хаканомъ при возведеніи на престолъ Царя; а если вѣрить переводу Узли, то эта церемонія совершалась при возведеніи на престолъ Хакана. The Orient. Geogr. p. 189. Я, въ семъ случаѣ, послѣдовалъ д'Охсону, и отнесъ все это къ возведенію на престолъ Хакана, а не Царя. См. Les peuples du Caucase, p. 39.

Впрочемъ, это извѣстіе можно было бы почесть баснею, выдуманною Ибнъ-Хаукаломъ, и повторенною Шемсъ-уд-Диномъ, еслибы Клапротъ не привелъ изъ историковъ китайскихъ одного мѣста, изъ котораго видно, что точно та же церемонія употреблялась у Турковъ при возведеніи на престолъ ихъ Хакановъ. «Когда кого провозглашали Хаканомъ», говорятъ сіи историки, «то вельможи поднимали его на войлокѣ, и девять разъ обносили кругомъ. За каждымъ разомъ онъ былъ привѣтствуемъ отъ всего народа. Потомъ, посадивъ его на лошадь, набрасывали ему на шею кусокъ тафты, и давили оною столь сильно, что онъ едва не задыхался. Тогда его развязывали и тотчасъ же спрашивали: сколько лѣтъ надѣется онъ царствовать? Смятеніе, въ коемъ находился тогда новый Хаканъ, не дозволяло ему отвѣчать, какъ слѣдуетъ, на сей вопросъ; однако отвѣтъ его принимали какъ предсказаніе о долготѣ его царствованія». См. Journ. Asiat. 1826. T. III, p. 267. Подобный обрядъ Плано-Карпини видѣлъ у Монголовъ при возведеніи на престолъ Гаюка, и провозглашеніи его Гогъ-Хамомъ, т. е. Хаканомъ или Хаганомъ. См. Собраніе путешествій къ Татарамъ, стр. 39.

[26] Масуди, loco citato. Упомянувъ о семъ обычаѣ убивать Хакановъ, онъ прибавляетъ: «не знаю, древній ли онъ, или установленъ недавно».

[27] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 17.

Когда и какъ установленъ былъ сей чудный образъ правленія — это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Хазаровъ, такой вопросъ для объясненія котораго можно придумать множество предположеній, но который рѣшить удовлетворительно при нынѣшнемъ, поверхностномъ знаніи переворотовъ Средней-Азіи, и извѣстныхъ доселѣ источникахъ для исторіи Хазаровъ, почти невозможно, или весьма трудно; но, смотря на быстрые успѣхи, которые дѣлаетъ въ Европѣ изученіе исторіи и языковъ Востока, можно надѣяться, что трудное и необъяснимое теперь, чрезъ 10 или 20 лѣтъ сдѣлается легкимъ и яснымъ для всѣхъ.

Клапротъ, для объясненія сего прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію: онъ думаетъ, что Турки, владѣвшіе въ VI вѣкѣ частію Европы, покорили также и Хазаровъ, и что, слѣдуя примѣру Гунновъ, предводитель коихъ Аттила далъ Хазарамъ въ правители собственнаго сына, они также возвели на престолъ хазарскій собственную династію. Хазары повиновались ей; въ послѣдствіи-же, когда пало могущество Турокъ, царствовавшая династія лишилась силы; но, можетъ быть, по причинѣ почтенія, которое народъ питалъ къ фамиліи прежнихъ своихъ завоевателей, она осталась на престолѣ, и сохранила наружный видъ власти [28]; дѣйствительное-же управленіе народомъ перешло въ руки туземцевъ, и они, именемъ Хакана, коего существованіе народъ, по вѣковой привычкѣ, почиталъ необходимымъ, самовластно управляли государствомъ [29]. Точно такъ же, и въ то же самое время, на другомъ краю Европы палатные меры Франціи поступали съ слабыми потомками Меровея. — Мнѣніе Клапрота, изложенное здѣсь нѣсколько обстоятельнѣе, заключаетъ

---

[28] Memoires relatifs à l'Asie, p. 151, и Tableaux hist. de l'Asie, p. 273.

[29] Это мнѣніе подтверждается словами Масуди, который говоритъ, что родъ, изъ коего происходили Хаканы, весьма уважаемъ и вѣроятно прежде владычествовалъ въ Государствѣ. См. loco citato.

въ себѣ очень много хорошаго и повидимому весьма удовлетворительно; но жаль, что его нельзя принять безъ ограниченія. Хотя покореніе Хазаровъ Турками не подтверждается никакимъ чисто историческимъ доказательствомъ, свидѣтельствомъ какого либо писателя, однако оно необходимо должно было произойти, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Хазары не были турецкаго происхожденія, ибо и языкомъ и наружностію отличались отъ Турковъ [30]; однакожъ византійскіе писатели знаютъ ихъ бо́льшею частію подъ именемъ *Турковъ* и *Восточныхъ Турковъ* [31]; такъ называли ихъ Византійцы въ началѣ VII столѣтія; Али-Деде-Руми, писатель несравненно позднѣйшій, также говоритъ, что Хазары были изъ числа *Турковъ Хакановскихъ* [32].

2) Обыкновеніе давитъ Хакановъ предъ вступленіемъ ихъ на престолъ, существовало какъ у Хазаровъ, такъ и у Турковъ Средней-Азіи, а это не могло произойти случайно.

3) Всѣ названія государя и чиновниковъ суть турецкія: *Хаканъ* есть обыкновенный титулъ государей Средней-Азіи и означаетъ Царя, Императора. Жена Хаканова, по словамъ Моисея Хоренскаго называлась *Хатунъ*, что̀ также на турецкомъ означаетъ государыню. *Илькъ*, такъ по словамъ Ибнъ-Фодлана назывался Царь, значитъ на турецкомъ: «первый», princeps; а *Бакъ*, также одно изъ названій Царя, есть вѣроятно испорченное *Бекъ* или *Бей* — по турецки «князь»; Византійскіе историки Намѣстника Хаканова называли *Пехъ*, и слово сіе, равно какъ и *Бегъ*, встрѣ-

---

[30] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 15.

[31] Патріархъ Никифоръ: Legatos cum donis ad Turcorum principem destinat (Heraclius). Mem. pop. III, p. 549. Ѳеофанъ и Анастасій: Heraclius—in Lazicam regionem secessit, ibique mora aliquamdiu protracta, Turcos orientales, quos Chazaros vocant, ad belli societatem allexit. *Ibidem*. Кедринъ: Anno decimo imperii, Heraclius Lazorum ditionem petiit, Turcorumque orientalium, quos et Chazaros appellamus, auxilia ambit. *Ibidem*.

[32] De Chazaris, p. 42.

чающееся въ словѣ *Хаканъ-Бегъ*, есть также измѣненное *Бекъ*. *Чаушіаръ* тоже слово турецкое, ибо *Чаушъ* и донынѣ при турецкомъ Дворѣ есть названіе придверника или каммергера.

Всѣ такіе иностранные титулы принимаются при Дворѣ или въ слѣдствіе вступленія на престолъ чуждой династіи, которая водворяетъ въ новомъ отечествѣ обычаи и устройство родной стороны своей, или въ слѣдствіе подражанія народу образованнѣйшему, когда государство стремится къ просвѣщенію и образованности: такъ въ Россіи при Петрѣ-Великомъ введены были иностранныя должности и чины. Кочующіе Турки безъ сомнѣнія не были образованнѣе Хазаровъ; слѣдственно второй случай не могъ имѣть мѣста.

Итакъ вѣроятно, что на престолѣ Хазаровъ владычествовала чуждая династія, и что эта династія была изъ племени турецкаго, что̀ не могло произойти иначе, какъ въ слѣдствіе покоренія Турками Земли Хазарской. Доказавъ, что Турки владычествовали надъ Хазаріей, теперь надобно узнать, когда это случилось? Клапротъ полагаетъ, что въ VI вѣкѣ; но нѣкоторыя обстоятельства противорѣчатъ тому и показываютъ, что сіе событіе должно было произойти ранѣе.

1) Моисей Хоренскій, историкъ армянскій V вѣка [33],

---

[33] Моисей Хоренскій, прозванный Грамматикомъ, родомъ армянинъ, жилъ въ V столѣтіи. Сначала онъ воспитывался у Св. Мезроба изобрѣвшаго письмо армянское, потомъ учился въ Аѳинахъ, и наконецъ, для пріобрѣтенія свѣдѣній, долго странствовалъ по разнымъ землямъ. Возвратясь въ отечество, по порученію Исаака Багратида, одного изъ владѣтелей армянскихъ, онъ написалъ Исторію своего отечества до 440 года, и для поясненія ея прибавилъ краткое географическое описаніе извѣстныхъ тогда земель. Исторія его, отличающаяся, относительно языка, краснорѣчіемъ и чистотою слога, заимствована большею частію изъ писателей греческихъ, изъ твореній Маръ-Ибаса Кадинскаго (жившаго за 150 лѣтъ до Р. Х.) и многихъ другихъ древнихъ книгъ, писанныхъ на халдейскомъ и ассирійскомъ. Она было много разъ перепечатываема въ Амстердамѣ и Венеціи; въ 1736 году напечатана въ Лондонѣ братьями Вистонами, съ текстомъ и латинскимъ переводомъ.

говоритъ, что Сѣверный Государь, который есть владѣтель хазарскій, называется Хаканомъ [34]: это весьма важное свидѣтельство доказываетъ неоспоримо, что Хазары были покорены Турками не въ VI вѣкѣ, а вѣроятно въ началѣ или половинѣ V-го; но въ это время Хазары были подъ властію Гунновъ; 2) Когда Гераклій, въ 626 году, вступилъ съ Хазарами въ союзъ противъ Персовъ, то предводитель Хазаровъ, Зибелъ, по словамъ Θеофана, достоинствомъ своимъ бывшій вторымъ по Каганѣ, то-есть вѣроятно его Намѣстникомъ, распоряжался совершенно самовластно, заключилъ съ Геракліемъ договоръ, и оставилъ ему вспомогательное войско. Гераклій просилъ *его* помочь ему противъ враговъ, и обѣщалъ *ему* въ замужство дочь свою, княжну царскаго рода [35]; а дочери императоровъ византійскихъ выдавались только за *государей*, и то за сильныхъ и опасныхъ, для отвращенія войны или какого другаго бѣдствія, коимъ грозилъ, въ случаѣ невыдачи, требовавшій руки ихъ владѣлецъ. Слѣдовательно Зибелъ, чтобъ удостоиться этой чести, долженъ былъ имѣть много власти и силы въ своемъ отечествѣ, а онъ былъ только Намѣстникъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Хаканы уже и въ это время должны были имѣть мало участія въ правленіи, и могущество ихъ должно было находиться въ упадкѣ; но это было въ началѣ VII вѣка, когда Турки находились на самой высокой степени славы и могущества. Слѣдовательно, описанный выше образъ правленія установленъ не ими, а какимъ нибудь другимъ народомъ турецкаго племени, владычествовавшимъ надъ Хазарами гораздо ранѣе.

Итакъ мы вывели два заключенія: что Хазары точно были покорены какимъ нибудь народомъ турецкимъ, и что это покореніе должно было произойти ранѣе VI вѣка. Те-

---

На Русскій переведена Іоаннесовымъ и напечатана въ С. Петербургѣ, въ 1809 г. въ двухъ частяхъ.

[34] Ист. Арм. Моисея Хоренскаго, ч. II, стр. 223.

[35] Мет. рор. III, р. 550 и 551.

перь, если можно, надлежитъ узнать: который изъ народовъ турецкихъ былъ покорителемъ Хазаровъ, и что̀ было причиною необыкновеннаго образованія высшей власти у сихъ послѣднихъ. Представляю три предположенія для рѣшенія сихъ вопросовъ.

Первое. Предположимъ вмѣстѣ съ Демуленемъ [36], что Хазары покорены были Жеу-Женами, народомъ усилившимся въ концѣ IV столѣтія. Въ такомъ случаѣ Жеу-Жены, коихъ государь также назывался Хаканомъ, должны были возвести на престолъ фамилію своего племени и установить всѣ вышеупомянутые придворные чины и достоинства. Покореніе Хазаровъ Гуннами и правленіе надъ ними сына Аттилова должно было лишить силы династію турецкую. По паденіи-же могущества Гунновъ, могъ установиться извѣстный намъ образъ правленія, когда Намѣстники стали царствовать именемъ безсильныхъ Хакановъ рода Жеу-Женовъ. Но при семъ предположеніи опять представляются двѣ трудности: 1) Не извѣстно еще, простирали ли Жеу-Жены оружіе свое за берега Моря Каспійскаго; 2) Прискъ именно говоритъ, что Хазары, до покоренія ихъ Гуннами, управлялись многими мелкими владѣльцами. Итакъ это предположеніе неосновательно.

Второе. Предположимъ, что сынъ Аттилы, сдѣлавшись правителемъ столь сильнаго народа какъ Хазары, захотѣлъ носить титулъ который имѣли другіе сильные государи Азіи, и по примѣру ихъ устроить у себя Дворъ, для чего чиновникамъ своимъ далъ названія употреблявшіяся у турецкихъ государей. Когда могущество Гунновъ рушилось, власть царствовавшаго Дома ихъ происхожденія также должна была уменьшиться, и управленіе народомъ достаться кому нибудь изъ смѣлѣйшихъ и предпріимчивѣйшихъ туземцевъ, а Турки, которые въ VI вѣкѣ, можетъ быть, точно покорили Хазаръ, управляли ими издали и,

---

[36] Histoire naturelle des races humaines etc. p. 53.

довольствуясь покорностію государей, не испровергали ихъ образа правленія.

Хотя это предположеніе и вѣроподобнѣе перваго, но также натянуто. Удовлетворительнѣе предыдущихъ кажется мнѣ *третіе*, которое состоитъ въ томъ, что Турки могли покорить Хазаровъ въ концѣ V вѣка, и владычествовать надъ ними издали, какъ Монголы надъ Россіею, довольствуясь покорностію ихъ владѣтельныхъ князьковъ, изъ коихъ одинъ или нѣкоторые могли быть сильнѣе другихъ. Государь Турковъ-покорителей именовался Хаканомъ, и къ нему могли относиться слова Моисея Хоренскаго «*Царь Сѣверный*, который есть владѣтель хазарскій, называется Хаканомъ» [37]. Сими словами историкъ армянскій объяснялъ своимъ соотечественникамъ, что могущественный государь, живущій на Сѣверѣ, есть также владыка и того народа который живетъ вблизи отъ нихъ и дѣлаетъ частыя вторженія въ ихъ землю. Потомъ, какія нибудь неизвѣстные намъ перевороты могли лишить власти царствовавшую у Турковъ фамилію Хакановъ, и она принуждена была удалиться къ данникамъ своимъ, Хазарамъ, между коими имѣла, можетъ быть, многихъ приверженцевъ, и тамъ, пользуясь величайшимъ наружнымъ уваженіемъ, не имѣла, въ самомъ дѣлѣ, никакого участія въ правленіи народомъ, которое досталось кому нибудь изъ князей хазарскихъ, умѣвшему воспользоваться обстоятельствами, получившему достоинство Намѣстника, и передавшему его другимъ.

Это предположеніе, по неимѣнію лучшаго, кажется мнѣ удовлетворительнѣе и вѣроподобнѣе двухъ первыхъ. Впрочемъ оно, какъ и всякое предположеніе, рушится, если найдено будетъ другое, болѣе достовѣрное и основанное на лучшихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

---

[37] Ист. Арм. Моисея Хоренскаго, ч. II, стр. 223.

ВОЛЖСКІЕ БУЛГАРЫ *.

Одну изъ самыхъ занимательныхъ задачъ общей исторіи Сѣвера составляетъ, безъ-сомнѣнія, народъ обитавшій нѣкогда на землѣ нашего отечества подъ именемъ Булгаровъ, или Болгаровъ. Двѣ его отрасли особенно прославились въ Средніе Вѣка: первая жила на Волгѣ, другая на Дунаѣ. Первая исчезла совершенно, такъ что объ ея существованіи мы знаемъ только изъ современныхъ ей чужеземныхъ писателей; другая составляетъ доселѣ главную часть народонаселенія нынѣшнихъ турецкихъ областей: Булгаріи, Румиліи, Македоніи и Албаніи. Происхожденіе, сродство и образованіе обоихъ народовъ, или двухъ отраслей одного народа, суть любопытные историческіе вопросы, доселѣ нерѣшенные удовлетворительно, несмотря на взысканія многихъ ученыхъ. Нашему славному оріенталисту, г. академику Френу, принадлежитъ честь раскрытія самыхъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, какіе только могли быть собраны о народѣ игравшемъ столь значительную роль въ исторіи Россіи; но, къ сожалѣнію, эти прекрасные труды остаются почти неизвѣстными русской публикѣ, читающей и пишущей. Доселѣ повторяются о Волжскихъ Булгарахъ такія сужденія и толки, какъ-будто ничего не было сдѣлано и извѣстно по этой части. Мы не намѣрены представлять здѣсь подробнаго изысканія обо всемъ, что къ нимъ отно-

---

* Статья эта появилась впервые въ журналѣ «Библіотека для чтенія» за 1836 годъ, т. XIX, отд. III, стр. 1—25. *Изд.*

сится: хотимъ только показать сторону, съ которой должно нынче смотрѣть на предметъ и куда надобно направлять изысканія, — и этотъ трудъ можетъ не быть чуждъ занимательности. Вообще нѣтъ ничего полезнѣе какъ обозрѣвать отъ времени до времени настоящее положеніе ученыхъ вопросовъ и составлять итоги понятіямъ. Мы это сдѣлаемъ относительно Волжскихъ Булгаровъ.

Эта знаменитая отрасль Булгарскаго Народа, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, не оставила намъ ни какихъ письменныхъ памятниковъ своего существованія. Арабскіе писатели говорятъ, что кади города Булгара, ихъ столицы, лежавшей на Волгѣ, Якубъ Ибнъ-Номанъ, составилъ, во второй половинѣ XII вѣка, «Исторію Булгаріи», *Тарихъ Булгаръ*, но это сочиненіе не дошло до насъ; судя по имени автора, оно, вѣроятно, писано было по-арабски. Самыми ранними и обстоятельными извѣстіями объ этомъ народѣ мы одолжены арабскимъ географамъ и путешественникамъ, изъ которыхъ многіе, какъ Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Хаукалъ, Абуль-Хамидъ-Андалуси, Абу-Абдаллахъ Гарнати, и другіе, сами посѣщали землю Волжскихъ Булгаровъ. Далѣе, главнымъ источникомъ служатъ русскія лѣтописи, и наконецъ историки разныхъ націй, описывавшіе подвиги Монголовъ. Къ этому небогатому запасу свѣдѣній можно присоединить еще нѣсколько, бо̀льшею частію искаженныхъ, преданій, которыя находятся въ разныхъ татарскихъ сборникахъ. Сверхъ-того мы имѣемъ порядочное количество монетъ чеканенныхъ въ городѣ Булгарѣ, очень важныхъ историческихъ документовъ; нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями на разныхъ языкахъ, и наконецъ небольшіе остатки развалинъ въ селѣ Болгарахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Первыя извѣстія относятся къ началу X столѣтія и принадлежатъ Ибнъ-Фодлану, за которымъ идетъ длинный рядъ разныхъ арабскихъ историковъ и географовъ, оставившихъ о Булгарахъ кой-какія отрывочныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что въ X вѣкѣ Булгары составляли уже сильный

народъ, имѣли города, вели обширную торговлю, исповѣдывали частію мусульманскую религію, частію христіанскую, и повиновались одному, самодержавному, государю; но что̀ за народъ были Булгары, это довольно трудно рѣшить по показаніямъ восточныхъ писателей, которые обыкновенно употребляли слишкомъ общія этнографическія наименованія, и недостатокъ положительныхъ свѣдѣній открылъ здѣсь, какъ и вездѣ, обширное поприще для предположеній.

Въ X вѣкѣ мы застаемъ Булгаровъ на Волгѣ и по другимъ рѣкамъ, которыя въ нее впадаютъ. Если вѣритъ Моисею Хоренскому, Булгары жили въ этихъ мѣстахъ еще во второмъ столѣтіи до Р. Х., потому что они изъ за Кавказскихъ Горъ тогда уже дѣлали вторженія въ Арменію. Но это доказываетъ только, что они были извѣстны Азіятцамъ уже въ пятомъ вѣкѣ. Владѣнія Булгаровъ въ самомъ дѣлѣ иногда простирались далеко на югъ, и даже одна часть ихъ народа, Хвалисы, обыкновенно кочевала по-близости Каспійскаго Моря. Булгары, поселившіеся на Дунаѣ, перешли туда изъ земель прикавказскихъ; но двое изъ византійскихъ писателей, Діоклеасъ и Никифоръ Григорасъ, именно говорятъ, что прежде они жили въ сѣверныхъ странахъ, при рѣкѣ *Вулгѣ*. Такимъ образомъ, сѣверовосточные берега Волги, около тѣхъ мѣстъ гдѣ она принимаетъ въ себѣ Каму, или нѣсколько южнѣе, были настоящимъ гнѣздомъ Булгаровъ, и тамъ возникла первая ихъ держава, вѣроятно, около пятаго столѣтія, если не ранѣе. «Цари», о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фодланъ, какъ подвластныхъ государю булгарскому, могли быть прежде независимыми владѣтелями небольшихъ народовъ, покоренныхъ Булгарами. Христіанская вѣра проникла въ Волжскую Булгарію, кажется, ранѣе X вѣка, а семена Исламизма заброшены были туда вскорѣ послѣ покоренія Дербенда Аравитянами, когда торговая дѣятельность стала увлекать Мусульманъ въ страны Сѣвера. Въ татарской лѣтописи *Таварих-удъ-Даваиръ* приводятся имена нѣсколькихъ «ха-

новъ», которые будто-бы царствовали въ Булгаріи современно Магомету, но это мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и все, что ни говорятъ о Булгарахъ татарскіе писатели, заклятые враги хронологіи. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что Булгары достигли нѣкоторой образованности ранѣе всѣхъ народовъ сѣверо-восточной Европы, исключая Хазаровъ. Причина этого ясна: земля ихъ была складочнымъ мѣстомъ торговли, которая производилась между самыми сѣверными странами Европы и Азіятцами стремившимися въ Бярмію и Новгородъ; и довольно хорошимъ признакомъ этой образованности служитъ то, что они всѣ ходили въ сапогахъ: «*суть вси въ сапозѣхъ*, сказалъ воевода Добрыня Владиміру-Великому, который однажды разбилъ ихъ при помощи Торковъ: *имъ дани намъ не платити*, лучше пойдемъ на лапотниковъ». И сколько видно изъ исторіи, Булгары были еще непримиримые враги Руссовъ, которые подобно имъ покорили себѣ часть племенъ славянскихъ. Владѣтель булгарскій носилъ по-видимому титулъ царя, хана, или «владавца», Славянъ; по-крайней-мѣрѣ арабскіе писатели и послы халифовъ всегда давали ему это названіе.

Принятіе мусульманской вѣры Булгарами въ 922 году есть первое событіе о которомъ мы имѣетъ достовѣрное извѣстіе. Арабскіе писатели разсказываютъ объ этомъ много чудеснаго. Вотъ что находимъ мы у Казвини: «Абу-Хамедъ разсказываетъ, что нѣкоторый благочестивый мужъ пришелъ въ городъ Булгаръ въ такое время, когда царь и царица были больны и уже отчаявались въ выздоровленіи. «Примете ли вы вѣру мою, если вылечу васъ?» сказалъ онъ имъ. «Пріймемъ», отвѣчали больные. — Благочестивый мужъ вылечилъ ихъ, и они приняли Исламизмъ. Услышавъ объ этомъ, государь хазарскій пошелъ на нихъ войною съ огромнымъ войскомъ; но благочестивый мужъ сказалъ Булгарамъ: «Не бойтесь, и нападайте на непріятеля съ крикомъ: «*Аллахъ акбаръ, Аллахъ акбаръ!*» (Богъ

великъ, Богъ великъ!). Булгары исполнили это, и обратили враговъ въ бѣгство. Скоро послѣ того государь хазарскій предложилъ Булгарамъ миръ, говоря: «Я видѣлъ въ вашемъ войскѣ гигантовъ на сѣрыхъ коняхъ, которые побивали моихъ воиновъ».—«Это была рать Божія», отвѣчалъ благочестивый мужъ. Мусульмане вѣрятъ, что рать ангеловъ всегда сражается невидимо вмѣстѣ съ ними противъ невѣрныхъ. Какъ-бы то ни было, Ибнъ-Фодланъ разсказываетъ, что въ 309 году гиджры (921 отъ Р. Х.) прибыло въ Багдадъ къ халифу Муктедиру посольство отъ царя булгарскаго Алмаса, сына Силки, владавца, «царя Славянъ», съ просьбою прислать ему людей свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ, и художниковъ для сооруженія мечети, каѳедры съ которой-бы можно было призывать къ обращенію въ Исламизмъ народы земли его, и крѣпости гдѣ-бы онъ могъ быть безопасенъ отъ нападенія враждебныхъ царей. Соизволяя на эту просьбу, халифъ отправилъ въ Булгарію посланниками Соусена-эль-Раси и Ахмеда Ибнъ-Фодлана, которые поѣхали въ Булгаръ черезъ Харезмъ (Хиву) и Землю-Башкировъ. Ибнъ-Фодланъ оставилъ намъ описаніе Булгаріи и земель которыя ему удалось видѣть во время этого путешествія. Какъ извѣстіе Ибнъ-Фодлана о Булгаріи очень важно, и составляетъ единственный историческій документъ, то мы приведемъ слова его вполнѣ, въ такомъ видѣ, въ какомъ сохранилъ ихъ Якутъ въ своемъ Географическомъ Словарѣ. Арабскій текстъ повѣствованія Ибнъ-Фодланова напечатанъ съ нѣмецкимъ переводомъ и весьма учеными объясненіями г. академикомъ Френомъ. Сказавъ то, что́ мы сейчасъ повторили о посольствахъ Альмаса и Муктедира, и описавъ путь, которымъ слѣдовало послѣднее посольство халифа, Ибнъ-Фодланъ продолжаетъ:

«Когда мы были только на разстояніи однѣхъ сутокъ пути отъ царя Славянъ, *Малекъ-эль-Саклабъ* (rex Sclabinorum) къ которому ѣхало наше посольство, вышли къ

намъ на встрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе вмѣстѣ съ ними; и когда до царскаго жилища оставалось только двѣ парасанги (восемь верстъ), встрѣтилъ насъ самъ царь. Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ передъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукавѣ, и для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы и остановились. Это было въ воскресенье, 12 числа мухаррема, 310 года (11 мая 922 по Р. Х.). Отъ харезмскаго города Джорджана (Ургенджа) до сюда было семдесятъ дней пути (около двухъ тысячъ пяти сотъ верстъ). Въ этихъ палаткахъ пробыли мы до среды, дожидаясь пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствованія при чтеніи привезенной нами граматы. Въ четвергъ приготовили мы два вышитые золотомъ чахла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье и голову ему обернули турбаномъ; я вынулъ грамату халифа, и онъ прочелъ ее стоя. Потомъ онъ прочелъ письмо верховнаго визиря Хамида Ибнъ-эль-Аббаси, также стоя, хотя былъ очень дороденъ. Его вельможи осыпали насъ серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю; потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядомъ съ мужемъ».

«Потомъ царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ него сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. Тотчасъ, по повелѣнію царя, принесли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ сначала отрѣзалъ отъ мяса одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ же образомъ съѣлъ другой и третій; потомъ отрѣзалъ еще кусокъ, и подалъ его послу нашему, Соусену, передъ кото-

рымъ тотчасъ же послѣ этого поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска; и тогда уже тому, кто получилъ кусокъ, подаютъ особый столъ. Послѣ Соусена царь далъ кусокъ мяса одному изъ своихъ подвластныхъ царей, сидѣвшему по правую его руку, и передъ нимъ тоже поставили столикъ; потомъ другому, третьему, и такъ далѣе, всѣмъ присутствовавшимъ. Такимъ образомъ каждый получилъ особый столикъ и ѣлъ на немъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда мы взяли съ собою домой что̀ оставалось на нашихъ столикахъ; но, прежде чѣмъ мы ушли, царь велѣлъ подать медоваго вина, которое называется на ихъ языкѣ *сичоу* (сычовка), пилъ самъ и мы пили».

«До нашего прибытія въ *хутбѣ* (проповѣди) поминали царя такимъ образомъ: «*Господи, дай благоденствіе царю и владавцу, царю Булгара!*» Я ему замѣтилъ, что только Богъ есть царь, и что никому не позволительно величать себя такъ предъ Богомъ, особенно съ каѳедры. «Самъ твой верховный начальникъ, халифъ, повелитель правовѣрныхъ, сказалъ я ему, велѣлъ, чтобы на всѣхъ каѳедрахъ Востока и Запада (Азіи и Африки) поминали его не иначе какъ: «*Господи, дай благоденствіе рабу твоему и намѣстнику Джафару, Могучему въ Богѣ* (Муктедиръ-биль-Лахъ), *повелителю правовѣрныхъ*».—Царь спросилъ: «Какъ же надо говорить?» — Я отвѣчалъ: «Надо, чтобы поминали тебя по имени и отчеству». — На это онъ возразилъ: «Мой отецъ былъ недовѣрокъ и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тотъ, кто далъ его мнѣ, былъ невѣрный. Какъ зовутъ верховнаго начальника моего, повелителя правовѣрныхъ?»—«Джафаромъ», отвѣчалъ я.—«А можно-ли мнѣ называться его именемъ?» спросилъ опять царь.—«Можно».—«Такъ я принимаю для себя имя Джафаръ, произнесъ царь, а отецъ мой будетъ отсель называться Абдаллахомъ (рабомъ Божіимъ)». — И онъ объявилъ

объ этомъ *хатибу* (проповѣднику). Съ тѣхъ поръ въ хутбѣ стали поминать уже такимъ образомъ: «*Господи, дай благоденствіе рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру* (повелителю) *Булгара и кліенту повелителя правовѣрныхъ*».

«Въ столицѣ этого царя видѣлъ я такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно. Въ самую первую ночь, которую мы провели въ этомъ городѣ, примѣтилъ я, незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ высоко въ воздухѣ громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и что-жъ вижу: надо мною плаваетъ облако, красное какъ огонь (сѣверное сіяніе), и этотъ шумъ и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ-бы люди и лошади, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или по-крайней-мѣрѣ такъ мнѣ казалось. Потомъ явилось другое облако, такое же какъ первое, и въ немъ тоже разсмотрѣлъ я людей, оружіе и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно какъ два отряда конницы нападаютъ другъ на друга, и мы такъ этого испугались, что съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца принялись молиться Аллаху; туземцы напротивъ стали надъ нами смѣяться, и очень дивились нашему поступку. Мы видѣли, какъ одно облако устремилось на другое: нѣсколько времени были они смѣшаны вмѣстѣ, потомъ опять отдѣлились, и эти движенія продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потомъ спросили царя что̀ значило это явленіе, онъ отвѣчалъ: «Дѣды мои говаривали, что это духи вѣрующіе и невѣрующіе, которые сражаются между собою каждый вечеръ, и что они дѣлаютъ это съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ».

«Желая потолковать съ царскимъ портнымъ, который былъ изъ багдадскихъ уроженцевъ, я вошелъ съ нимъ въ свою палатку. Мы побесѣдовали не болѣе получаса, въ ожиданіи вечерняго призыва на молитву, и, услышавъ пѣ-

ніе муэззина на минаретѣ, вышли изъ палатки. Вотъ, вмѣсто вечера, на востокѣ видна уже заря! Я спросилъ муэззина: «Къ какой молитвѣ призывалъ ты?»—«Къ утренней», отвѣчалъ онъ.—«А что-же сдѣлалось съ вечернею?» спросилъ я опять.—«Мы читаемъ ее вмѣстѣ съ предвечернею».—«А ночь-то гдѣ-же?»—«Какъ видишь; она бываетъ еще короче нынѣшней; теперь начала прибавляться».—Тутъ муэззинъ разсказалъ мнѣ, что онъ не спитъ уже цѣлый мѣсяцъ, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь такъ коротка, что если поставить котелъ на огонь во время первой вечерней молитвы, въ немъ ничего еще не успѣетъ свариться, какъ уже надо звать на утреннюю. Я самъ испыталъ какъ ужасно дологъ бываетъ тамъ день. Въ одну часть года день бываетъ длиненъ, а ночь коротка, въ другую ночь длинна, а день коротокъ. На вторую ночь нашего пріѣзда я замѣтилъ, что звѣздъ на небѣ было очень немного; какъ казалось мнѣ, звѣздъ до пятнадцати, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Заря, бывающая на западѣ при закатѣ солнца, не исчезала вовсе, и ночь была такъ свѣтла, что человѣкъ человѣка могъ узнать въ лице на разстояніи выстрѣла изъ лука. Луна едва успѣетъ появиться на горизонтѣ, какъ тотчасъ и блекнетъ передъ утреннимъ свѣтомъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что за его землею, въ разстояніи трехъ мѣсяцовъ пути (тысяча верстъ), есть народъ, называемый *Вису* (Вѣсь), у котораго ночь короче часу. Видѣлъ я еще въ землѣ Булгаровъ, что, когда солнце восходитъ, все, и низменныя мѣста, и всякій предметъ, на который ни взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно какъ облако, и красота его исчезаетъ только, когда оно достигнетъ высшихъ областей неба. Туземцы разсказывали мнѣ, что зимою ночь бываетъ такъ же долга какъ лѣтній день, а день коротокъ какъ лѣтняя ночь, «до того что если кому изъ насъ, говорили они, случится на разсвѣтѣ итти къ рѣкѣ, называемой *Итилемъ* (Волгою), которая отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ

на парасангу (четыре версты), прежде чѣмъ онъ дойдетъ, все небо уже покроется звѣздами».

«Въ собачьемъ лаѣ Булгары видятъ хорошее предзнаменованіе, и по лаю заключаютъ о томъ, плодороденъ, счастливъ и миренъ ли будетъ годъ. Змѣй видѣлъ я множество, такъ, что часто на деревѣ около одной вѣтви ихъ обовьется штукъ до десяти и болѣе. Ихъ не убиваютъ, да и сами онѣ никому вреда не дѣлаютъ. Есть у нихъ одинъ родъ яблокъ, зеленыхъ и ужасно кислыхъ, которыя ѣдятъ только дѣвушки и оттого толстѣютъ. Но ничего нѣтъ въ Булгаріи болѣе какъ орѣховыхъ деревъ; я видалъ ихъ цѣлыя лѣса, парасангъ въ сорокъ. Видѣлъ я также тамъ дерево, которое не знаю какъ назвать (береза): оно вышины необыкновенной, стволъ имѣетъ безлиственный, а вершину какъ у пальмы, и листья мелкіе, но густые. Дерево это прокалываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ на стволѣ, и вытекающую изъ отверстія жидкость, которая пріятнѣе меду, собираютъ въ сосудъ. Этотъ напитокъ также пьянъ какъ вино, если употреблять его въ большомъ количествѣ».

«Пища Булгаровъ состоитъ бо̀льшею частію изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменю родится очень много. Всякой пользуется вполнѣ произведеніемъ своего посѣва, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платятъ только по бычачьей кожѣ съ дому: сверхъ того царь, если пошлетъ войско грабить какую-нибудь землю, получаетъ еще на свою долю часть добычи. Масла нѣтъ никакого, кромѣ рыбьяго жиру, который употребляютъ вездѣ, гдѣ другіе употребляютъ оливковое и кунжутное масло. И оттого запахъ ихъ отвратителенъ. Всѣ носятъ шапки. Если царь выѣзжаетъ куда, онъ всегда бываетъ одинъ, безъ служителя и безъ свиты. Когда онъ ѣдетъ мимо рынка, всѣ встаютъ, снимаютъ съ головы шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, и надѣваютъ опять не прежде, какъ когда онъ проѣдетъ. Такимъ же образомъ и всѣ, кто входитъ къ царю, вельможи и простой народъ,

даже собственные его дѣти и братья, лишь только увидятъ его, тотчасъ снимаютъ шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, кланяются ему въ поясъ (въ подлинникѣ — наклоняютъ головы и присѣдаютъ), потомъ выпрямляются и стоятъ, покуда онъ не велитъ имъ присѣсть. Всякой, кто садится передъ царемъ, дѣлаетъ это преклоняя колѣна и не показывая своей шапки, которую онъ надѣваетъ только когда выйдетъ изъ царскаго присутствія».

«Грозы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, всѣ удаляются оттуда и предоставляютъ строенію разрушаться отъ времени, говоря, что надъ этимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій».

«Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ: «Ему въ пору служить Богу»; потомъ схватываютъ его, надѣваютъ ему на шею веревку, вѣшаютъ на деревѣ, и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадется по частямъ».

«Если во время пути кто-нибудь станетъ мочиться не снимая съ себя оружія, у того отнимаютъ оружіе и все, что на немъ есть. Кто въ подобномъ случаѣ сниметъ оружіе и положитъ его всторону, того не трегаютъ. Таковъ у нихъ обычай! Мужчины и женщины ходятъ купаться въ рѣку и моются вмѣстѣ, нагіе, ничѣмъ не закрываясь другъ отъ друга; но непозволительнаго сообщенія между собою не имѣютъ. Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто-бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачиваются въ землю, и топоромъ разсѣкаютъ ему тѣло отъ шеи до бедры. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ женщиною. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Я очень старался уговорить женщинъ, чтобы онѣ въ баняхъ закрывались отъ мужчинъ, но не успѣлъ въ этомъ».

«Вора наказываютъ такимъ же образомъ какъ виновнаго въ прелюбодѣяніи».

«Много можно было бы сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничиваемся тѣмъ, что сказано».

Послѣднія слова, по мнѣнію г. Френа, и по смыслу, принадлежатъ очевидно не Ибнъ-Фодлану, но Якуту, который сократилъ его разсказъ.

Послѣ Ибнъ-Фодлана многіе изъ Аравитянъ были въ Булгарѣ въ качествѣ путешественниковъ, кадіевъ, муллъ, хатибовъ (проповѣдниковъ), и прочая.

Масъуди говоритъ, что, нѣсколько времени послѣ торжественнаго принятія вѣры исламской при Муктедирѣ, сынъ царя булгарскаго отправился на поклоненіе въ Мекку и, по пути заѣхавъ въ Багдадъ, получилъ отъ Муктедира знамя, черное платье и нѣсколько денегъ.

Съ этого времени сношенія Булгаровъ съ Южною-Азіею сдѣлались гораздо дѣятельнѣе и имя ихъ, до самаго нашествія Монголовъ, встрѣчается чаще не только у писателей мусульманскихъ, но и въ русскихъ лѣтописяхъ.

Греки означали Волжскую Булгарію именемъ «Великой», а Аравитяне называли ее — *Дахеле*, «Внутреннею», точнѣе — «Входящею», то-есть, входящею въ шестой климатъ Птоломеевъ, или входящею въ составъ мусульманской имперіи халифовъ, а названіе «Великой» давали они Булгаріи Дунайской. Константинъ Багрянородный, говоря о землѣ Волжскихъ Булгаровъ, отличилъ ее названіемъ «Черной Булгаріи», и у Нестора есть одно мѣсто, гдѣ Булгары эти являются съ эпитетомъ «черные». Г. Френъ полагаетъ, что это названіе произошло отъ цвѣта одежды, въ которую облеклись государи булгарскіе по принятіи мусульманской вѣры, потому что черный былъ любимымъ цвѣтомъ Аббасидовъ и употреблялся не только ими, но даже всѣми ихъ приверженцами и подвластными: отъ этого произошло и самое названіе Мавровъ, то-есть, «Черныхъ», которое Греки дали Аравитянамъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются еще другія названія Булгаровъ; именно, въ нихъ говорится: 1) о Болгарахъ на Волгѣ; 2) о Болгарахъ Сереб-

ряныхъ, или *Нукратскихъ:* эти, какъ видно, жили по Камѣ, вѣроятно по близости какихъ-нибудь серебряныхъ рудниковъ, отъ которыхъ получили свое имя: *нукратъ*, слово арабское, перешедшее въ татарскій языкъ, значить «серебро»; 3) о Болгарахъ *Тимтюзяхъ*, которые жили гдѣ-нибудь недалеко отъ Серебряныхъ; 4) о Болгарахъ *Черемшанскихъ*, вѣроятно при рѣкѣ Черемшанѣ; 5) о Болгарахъ *Хвалисскихъ* или *Нижнихъ*, обитавшихъ при Каспійскомъ Морѣ, которое прежде называлось у Русскихъ Хвалимскимъ, по имени этихъ Булгаровъ: это — Халисіи, народъ извѣстный и Византійцамъ. Всѣми этими названіями лѣтописи наши означали по-видимому различныя поколѣнія одного и того же народа, отличая ихъ по имени рѣкъ или урочищъ; и этихъ-то поколѣній начальниками были тѣ «подвластные цари», *мулюкъ*, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фодланъ. Такимъ образомъ можно заключить, что Булгарская Держава состояла изъ многихъ удѣловъ, управляемыхъ особыми и наслѣдственными владѣтелями, которые болѣе или менѣе зависѣли отъ царя или «хана Булгара», и подобно ему назывались «ханами» или «тарханами», потому что этотъ титулъ встрѣчается и у Булгаровъ переселившихся на Дунай. Судя по описанію Ибнъ-Фодлана, Булгары, какъ и два другіе приволжскіе народа, именно Буртасы и Хазары, были поколѣніями частію осѣдлыми и земледѣльческими, частію кочевыми, то-есть, зимою жили въ деревянныхъ избахъ по городамъ и селеніямъ, а лѣтомъ удалялись въ юрты. Весьма трудно было бы опредѣлить пространство ихъ державы въ это время: въ продолженіе четырехъ столѣтій оно, должно быть, часто измѣнялось смотря по тому, въ какомъ положеніи находились дѣла народа. Арабскіе географы говорятъ объ этомъ весьма неясно, а изъ нашихъ лѣтописцевъ вовсе ничего нельзя извлечь. Вѣроятно, владычество Булгаровъ на восточномъ берегу Волги было утверждено гораздо прочнѣе, чѣмъ на западномъ. Это доказывается и развалинами ихъ городовъ.

Надо полагать, что въ разныя времена границы ихъ владѣній простирались отъ Горъ Уральскихъ до Суры и Оки и отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары; но нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ ними и другіе народы, какъ-то: Мордва, Черемисы, Чуваши и Вотяки.

Господствующая религія была такимъ образомъ мусульманская, и Булгаре отличались ревностью къ закону пророка. Такъ, передъ самымъ вторженіемъ Монголовъ, только-что заключивъ миръ съ Русскими, они безчеловѣчно умертвили одного богатаго христіянскаго купца, который пріѣхалъ для торговли въ ихъ «Великій Городъ» и не хотѣлъ поклониться Магомету. Хаджи-Хальфа сохранилъ извѣстіе о посольствѣ Булгаровъ въ Харезмъ къ знаменитому богослову имаму Баккали, котораго они просили разрѣшить разныя ихъ сомнѣнія по предмету вѣры: извѣстіе это весьма важно по другому обстоятельству, о которомъ мы скажемъ послѣ. Изъ словъ Масъуди и Шемсъ-эдъ-Дина Димешки видно, что они часто ходили на поклоненіе въ Мекку. Но при раздѣленіи народа на поколѣнія и удѣлы, религія эта не могла быть общею. Несторъ, выражаясь — «пришли Болгаре вѣры Бохмичи», то-есть, Магометане, какъ-будто хочетъ сказать этимъ, что есть Булгары не-Бохмичи. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые не приняли Исламизма, были или христіане или язычники. Судя по разсказу Ибнъ-Фодлана, у нихъ былъ еще порядочный запасъ разныхъ суевѣрій. О храбрости Булгаръ-магометанъ и ревности ихъ къ вѣрѣ говоритъ также и персидскій писатель XII вѣка, Ахмедъ Туси.

Исторія Волжскихъ Булгаровъ почти вся погибла. Мы узнаемъ отъ Ибнъ-Фодлана, что въ 922 году правилъ ими дородный царь *Алмасъ*, владавацъ, сынъ *Силки*, который, вѣроятно, царствовалъ въ исходѣ девятаго и началѣ десятаго вѣка. Хотя, по системѣ арабскаго письма, гласныя вообще пропускаются, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что-

бы можно было подразумѣвать такія гласныя, какія угодно; пропускаются только гласныя краткія, и по этому удареніе можетъ служить хорошимъ руководствомъ при опредѣленіи настоящаго характера слова. Такъ, имя, которое мы доселѣ читали *Алмасъ*, написано у Ибнъ-Фодлана *Алмсъ:* очевидно, что оно не произносилось *алма́съ*, съ удареніемъ на второмъ *а*, и не имѣетъ ничего общаго съ *алмазомъ;* скорѣе должно читать его *Алмусъ* или *Ульмасъ*: въ первомъ случаѣ оно было-бы угрское, венгерское, или восточно-финское; во второмъ — турецкое. Что касается до слова *Владавацъ*, которое Ибнъ-Фодланъ пишетъ *Блтва́зъ*, то дѣло здѣсь гораздо яснѣе: самое скопленіе согласныхъ показываетъ, что это слово не принадлежитъ ни къ финскимъ, ни къ турецкимъ языкамъ, и что «царь Славянъ» дѣйствительно носилъ титулъ, составленный изъ жесткихъ звуковъ славянскихъ; сверхъ-того, особеннаго рода *т* (*та муаллефъ*), которое находимъ мы въ этомъ словѣ, весьма часто употребляется Аравитянами для выраженія звука *д* нашихъ языковъ, съ которымъ оно имѣетъ болѣе сходства нежели постоянное *д* арабское; а наше *в* они всегда произносятъ въ началѣ словъ какъ *б*. Опираясь на этихъ началахъ, г. Сенковскій весьма замысловато, какъ говоритъ академикъ Френъ, возстановилъ произношеніе слова *Влтва́зъ*, читая его *Владавацъ*. Г. Френъ принялъ это чтеніе, котораго важность для историческаго вопроса о Булгарахъ мы увидимъ далѣе. Возстановленіе г. Сенковскаго тѣмъ правдоподобнѣе, что слово владавацъ, vladavaz, существуетъ доселѣ въ языкѣ Дунайскихъ Булгаровъ; впрочемъ свѣдущіе въ арабскомъ языкѣ знаютъ, что слова «владавацъ» и нельзя написать иначе арабскою грамотою какъ только *блтвазъ*. Касательно *Силки* (чтеніе также г. Сенковскаго, который полагаетъ, что это можетъ быть родительный падежъ отъ «Силка», *сынъ Силки*), г. Френъ предпочитаетъ принимать эти звуки за испорченное имя *Василько:* сверхъ-того, по буквамъ, какими оно выражено

у Ибнъ-Фодлана, можно еще читать его *Шилки*, *Жилки* и *Хилки*, потому что Аравитяне равномѣрно превращаютъ въ *ш* наши *ж* и *х*. Какъ-бы то ни было, этотъ *Алмасъ*, *Алмусъ*, или *Ульмасъ*, сынъ *Силки*, *Шилки*, *Жилки*, *Хилки*, или *Василька*, сдѣлавшись мусульманиномъ, принялъ имя Джафаръ и титулъ эмира (повелителя) булгарскаго. Кромѣ Силки, прозваннаго въ могилѣ Абдаллахомъ, и сына его Алмаса, или Джафара, изъ дошедшихъ до насъ монетъ булгарскихъ мы узнаёмъ еще о существованіи трехъ государей, именно: Ахмеда, вѣроятно сына Джафарова, Талеба и Мумена, сыновей Ахмедовыхъ. Монета Талеба выбита въ 338 году гиджры (949-950 по Р. Х.), а монета Мумена—въ 366 году гиджры (976 по Р. Х.). Открытіемъ и объясненіемъ этихъ драгоцѣнныхъ нумизматическихъ памятниковъ одолжены мы также знаменитому оріенталисту нашему, г. Френу. Съ Муменемъ, по-видимому, воевалъ нашъ Владиміръ-Великій, въ 989 году: «Въ лѣто 6493 иде Володиміръ на Булгаре съ Добрынею, уемъ своимъ, въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди Болгары», — то-есть, и *тако* одержалъ надъ ними нѣкоторую поверхность, но, видя что они «всѣ въ сапогахъ», и что поэтому ихъ трудно принудить къ дани, предпочелъ оставить ихъ въ покоѣ и обратиться на лапотниковъ. Въ татарскихъ преданіяхъ упоминаются еще цари, или ханы, Айдаръ, Ирханъ, и прочіе, которые владычествовали въ Булгарѣ до нашествія Монголовъ.

Вотъ все, что мы доселѣ знаемъ объ исторіи этого народа. Случай быть можетъ откроетъ Лѣтопись Булгарскую, *Тарихъ Булгаръ*, о которой говорили мы въ началѣ статьи. Между-тѣмъ изъ описанія Ибнъ-Фодланова и этихъ историческихъ именъ раждается любопытный вопросъ, который долго упражнялъ проницательность ученыхъ, и доселѣ остался нерѣшеннымъ — къ какому племени принадлежали Волжскіе Булгары? Были ли они Славяне, Турки или, какъ иные полагаютъ, восточные Финны? Прежнее преданіе,

которое причисляло ихъ къ славянскимъ народамъ, исчезло передъ пристрастіемъ новѣйшей эрудиціи къ восточности, и весьма знаменитые ученые еще недавно придерживались того мнѣнія, что Булгары были коренные Турки. Г. Сенковскій, хотя и оріенталистъ, попалъ на мысль читать булгарскія слова, приводимыя Ибнъ-Фодланомъ, *блтвазъ* и *сиджоу*, по звукамъ славянскаго языка, и его дешифровка, принятая г. Френомъ, объяснила вопросъ такимъ образомъ, что есть возможность согласить кажущіяся противорѣчія восточныхъ писателей, упоминавшихъ о Булгарахъ, Нѣтъ сомнѣнія, что, въ этнографіи Булгаровъ есть весьма важные поводы усматривать турецкое начало. Между собственными именами Дунайскихъ Булгаровъ встрѣчаются слова чисто турецкія или, все равно, татарскія — *терханъ*, *тохту*, *тегинъ*, и прочія. Названія городовъ Волжскихъ Булгаровъ звучатъ также по-татарски — Ашли, Челматъ, Сабакула, Тухчинъ, Арнасъ, и прочія. Да и самое слово «Булгаръ», или по другому произношенію «Вуляръ», какъ-нельзя болѣе татарское. Въ словѣ *Бохмитъ* заключаются еще сильнѣйшія улики Волжскихъ Булгаровъ къ татарщинѣ: ежели, какъ все заставляетъ думать, сами Булгары называли Магомета *Бахметомъ* — изъ чего у Нестора вышло *Бохмитъ* — то они несомнѣнно говорили по-татарски: живое доказательство этого мы имѣемъ въ названіи русскаго дома «Бахметьевыхъ», которое удостовѣряетъ, что и Монгольскіе Татары, въ началѣ своей мусульманской образованности, по свойству восточно-турецкихъ нарѣчій, точно также произносили имя пророка. Наконецъ не-славянское происхожденіе Волжскихъ Булгаровъ можно еще подкрѣпить лѣтописью Нестора: онъ не упоминаетъ объ нихъ въ исчисленіи славянскихъ народовъ, ставитъ Булгаровъ и Хвалисовъ вмѣстѣ, какъ одно племя, а Дунайскихъ Булгаровъ именно называетъ Скиѳами и притѣснителями Славянъ: «Къ Словенскому-же народу, живущему на Дунаѣ, говоритъ онъ, пришли *отъ Скиѳъ*, то-есть,

отъ Козаръ, *рекоміи Булгари*, и сѣли по Дунаю, и были *насильницы Словенамъ*». Послѣ всего этого, кажется, невозможно и думать объ открытіи чего-либо славянскаго въ Булгарѣ. Между-тѣмъ, какъ согласить съ такимъ множествомъ признаковъ турецкаго начала то, что единогласно говорятъ восточные писатели, между которыми иные были очными свидѣтелями? Неужели всѣ они ошибались, называя Булгаровъ Славянами? Неужели послы халифа, бывшіе въ Булгарѣ, не умѣли различить Славянъ отъ Турковъ, проѣхавъ черезъ земли множества турецкихъ народовъ, и живши въ Багдадѣ посреди турецкихъ ратниковъ? Очевидно, что халифы и ихъ визири, въ граматахъ къ государямъ Булгара, не могли давать имъ другаго титула, кромѣ того, какой эти государи сами себѣ давали въ письмахъ своихъ къ халифамъ; что послы «повелителя правовѣрныхъ», и Ибнъ-Фодланъ, одинъ изъ пословъ, такъ величали булгарскаго владѣтеля, какъ онъ оффиціяльно названъ былъ въ граматахъ Багдадскаго Двора, и какъ самъ называлъ себя передъ халифомъ и передъ ними. Халифъ, послы и всѣ мусульманскіе писатели тѣхъ временъ и позднѣйшихъ, называли его неиначе какъ *царемъ Славянъ*. Алмасъ, сынъ Силки, «владавацъ», конечно имѣлъ основательныя причины употреблять это титло, и его мусульманскіе просвѣтители не могли быть въ такомъ заблужденіи, чтобы не знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, съ Турками или Славянами. Притомъ обычаи, описанные Ибнъ-Фодланомъ, совершенно противны турецкимъ, и вообще всѣмъ азіятскимъ: не показываютъ ли они, въ этихъ Булгарахъ, настоящихъ Славянъ? Это сниманіе шапокъ, это прятаніе ихъ подъ мышку, это сидѣніе съ открытою головою передъ старшими, это присутствіе обоихъ половъ въ баняхъ, эти поклоны въ поясъ, повѣріе о молніи, березовый сокъ, питейный медъ, который сверхъ-того называется *сычов*(ка), все это — неотъемлемыя принадлежности Славянскаго Племени. Оставивъ всторонѣ имена «Алмаса»

и «Силки», какъ сомнительныя, не слѣдуетъ ли принять въ соображеніе названія разслащеннаго медомъ напитка и самаго титула царя, «владавацъ» — двухъ единственныхъ словъ булгарскаго языка, какія сохранила намъ Исторія? Если между названіями булгарскихъ городовъ встрѣчаются формы турецкія, съ другой стороны есть такія, которыхъ нельзя не признать славянскими: на-примѣръ *Жукотинъ*, *Кременчукъ*, *Басовъ* и самый *Исбилъ* или *Исболъ* Ибнъ-Хаукаловъ, котораго имя явно начиналось двумя согласными и поэтому не было ни турецкое, ни финское: вѣроятно надо читать это слово — *Свилъ* или *Сволъ*. *Бряхимовъ*, вмѣсто *Ибрагимовъ*, могло образоваться только въ устахъ славянскихъ. Далѣе, названія *Великаго Города*, вмѣсто Болгара, Болгаровъ *Серебряныхъ*, или *Нукратныхъ*, и прочія славянскія, встрѣчаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ подлѣ другихъ чисто турецкихъ, безъ-сомнѣнія, заимствованы у самихъ Булгаровъ, изъ ихъ языка: можно даже сомнѣваться, назывался ли Булгаръ, на самомъ мѣстѣ неиначе какъ «Великимъ Городомъ»; имя «Булгаръ» могло быть присвоено ему Аравитянами, по обыкновенію ихъ — называть столицу именемъ самой области для избѣжанія трудныхъ иностранныхъ звуковъ. Наконецъ вспомнимъ, что Иванъ Васильевичъ Грозный требовалъ отъ Татаръ сдачи Казани, какъ древней «земли славянской»: это доказываетъ, что преданіе о славянскомъ характерѣ Булгара жило на Руси до XVI вѣка, когда уже и имя этого города было забыто.

Что-жъ говорятъ Аравитяне объ языкѣ Булгаровъ? Вотъ это именно и сбиваетъ всѣхъ съ толку. Ибнъ-Хаукалъ утверждаетъ, что языкъ Булгаровъ тотъ же какъ Хазаровъ: а Хазары состояли изъ двухъ народовъ, и одинъ изъ нихъ, черноволосый, второстепенный, положительно говорилъ по-турецки, а другой, главный и бѣлокурый, по-видимому финскаго происхожденія, восточно-финскимъ нарѣчіемъ, какъ это доказалъ г. Френъ названіемъ столицы ихъ, Саркеля. И въ самомъ дѣлѣ, подлѣ турецкихъ, можно

отыскать у Булгаровъ и нѣсколько финскихъ именъ. Другіе восточные писатели говорятъ еще хуже — что *Славяне суть Турки*, подразумѣвая именно подданныхъ «царя Славянъ», то есть, булгарскаго. На этомъ г. Гаммеръ хотѣлъ основать огромную ипотезу, которая имѣла цѣлію не болѣе и не менѣе, какъ вывести всѣхъ Славянъ изъ Средней Азіи. Между-тѣмъ Якутъ свидѣтельствуетъ о Буртасахъ, народѣ обитавшемъ при Волгѣ между Булгарами и Хазарами: «У Буртасовъ есть языкъ свой, отдѣльный, который не похожъ *ни на турецкій*, ни на хазарскій (финскій), *ни на булгарскій*. Которое-же изъ этихъ показаній можно принять за достовѣрное? Г. Сенковскій, которому принадлежитъ все это разысканіе, полагаетъ, что всѣ они справедливы, ежели мы пріймемъ въ соображеніе составъ полу-кочевыхъ имперій той эпохи и то достовѣрное обстоятельство, что Булгарская Держава состояла изъ многихъ поколѣній, управляемыхъ особыми князьями. Какъ почти во всѣхъ такихъ имперіяхъ, эти поколѣнія конечно принадлежатъ къ разнороднымъ племенамъ, и тутъ были неминуемо и турецкіе и финскіе и славянскіе народы, которыхъ соединяла между собою власть одной династіи, вѣроятно турецкой, но ославянившейся въ «Великомъ Городѣ», который сдѣлался ея столицей. Явно, что всѣ эти писатели говорили каждый только объ одной какой-нибудь части Булгарскаго Народа, исключительно имъ знакомой, и примѣняли къ ней общее названіе «Булгаровъ», распространяя свое объ ней понятіе и на прочія части, имъ неизвѣстныя. Такимъ образомъ одни утверждали, что Булгары говорятъ по-турецки, другіе, что языкъ ихъ — хазарскій (финскій), третьи, которые думали о Булгарахъ «Великаго Города», отличали этотъ языкъ и отъ турецкаго, и отъ хазарскаго, и отъ буртасскаго, а какъ булгарскаго государя на Востокѣ называли «царемъ Славянъ» и, слѣдственно, *всѣхъ* его подданныхъ Славянами, то иные писатели, находя что часть ихъ, и вѣроятно самая значитель-

ная, говоритъ по-турецки, очень естественно прибавляли— «*а эти Славяне суть Турки*». Арабскій космографъ Шемсъ-эдъ-Динъ Димешки пишетъ, что онъ спрашивалъ у пилигримовъ, шедшихъ черезъ Багдадъ на поклоненіе въ Мекку — «Что вы за народъ?» — и что они отвѣчали ему: — «Мы Булгары, а *Булгары суть смѣсь Турковъ съ Славянами*». Наконецъ слова компилатора Хаджи-Калфы, которыми начинается выписка его изъ описанія посольства царя Булгаровъ: «*Ихъ языкъ и обычаи похожи на русскіе:* этотъ народъ при династіи Аббасидовъ обратился въ мусульманскую вѣру», и прочая. Г. Сенковскій думаетъ, что славянская часть Булгарскаго Народа была преимущественно сосредоточена въ городѣ Булгарѣ, столицѣ государства. Постоянное смѣшеніе ея съ турецкими и финскими подданными «царя Славянъ» вѣроятно еще до нашествія Монголовъ измѣнило первобытный ея характеръ, а при новомъ приливѣ татарскихъ массъ, нахлынувшихъ съ Батыемъ, онъ и совершенно изгладился. Тѣмъ не менѣе, выговоръ казанскаго татарскаго нарѣчія до сихъ поръ носитъ на себѣ отпечатокъ вліянія славянизма на первоначальное его образованіе.

Когда и откуда славянское населеніе «Великаго Города» двинулось на берега Волги, это совсѣмъ другой вопросъ: быть можетъ при покореніи западныхъ и южныхъ областей Руссами; и потомъ увеличилось плѣнными, которыхъ Булгары уводили во время набѣговъ.

Булгары платили подати своему владавцу кожами — вѣроятно юфтью, которая до сихъ поръ слыветъ въ Азіи подъ ихъ именемъ и называется *булгаръ* или *булгари*. Эта отрасль промышленности, кажется, процвѣтала въ ихъ землѣ, и даже нынѣшніе жители Казанской Губерніи отличаются ею. Но въ другихъ искусствахъ они ушли не далеко: для постройки первой мечети и городскихъ стѣнъ имъ надлежало выписывать зодчихъ изъ Багдада, какъ Хазарамъ изъ Греціи. Ибнъ-Хаукалъ упоминаетъ еще о двухъ

городахъ: *Сиварѣ* и *Исбилѣ* или *Исболѣ*; имя перваго встрѣчается на одной булгарской монетѣ. Въ Булгарѣ, по словамъ Ибнъ-Хаукала, было нѣсколько мечетей и десять тысячъ жителей. Сиваромъ могъ быть Симбирскъ, такъ какъ онъ однажды принадлежалъ Буртасамъ, южнымъ сосѣдямъ Булгаровъ. Ахмедъ Туси приводитъ названія еще нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Булгаріи, какъ-то, Басовъ, Марха, Арнасъ и еще одного, котораго совсѣмъ нельзя прочитать. Русскія лѣтописи упоминаютъ о «Великомъ Городѣ» томъ самомъ, который Аравитяне называли Булгаромъ, по имени государства; о Бряхимовѣ, прозванномъ славнымъ; о Билярѣ при Черемшанѣ, на развалинахъ котораго стоитъ нынѣшній Билярскъ; объ Ашли или Ошелѣ, при Волгѣ, котораго слѣды видны и теперь при устьѣ Кирелки; о Тухчинѣ, Собекулѣ и Челматѣ, которыхъ мѣстоположеніе вовсе неизвѣстно. Должно еще упомянуть, что по мнѣнію г. Сенковскаго, были два города, которые назывались Булгарами, Билярами и Великими, но доказательства этого мнѣнія потребовали бы обширнаго развитія, для котораго здѣсь нѣтъ мѣста.

Булгары производили значительную торговлю, которую весьма любятъ и нынѣшніе дунайскіе ихъ потомки. Черезъ ихъ земли провозились всѣ товары изъ мусульманскихъ краевъ на сѣверъ Европы и обратно. По Вяткѣ и Камѣ могли они имѣть сношенія съ разными финскими поколѣніями на востокъ и на сѣверъ отъ Булгара; внизъ по теченію Волги—съ народами около Каспійскаго Моря, а вверхъ по ней—съ западными и сѣверозападными жителями Россіи. Кромѣ того между Булгаромъ, Харезмомъ и Хорасаномъ производилась постоянная торговля посредствомъ каравановъ. Парчи, и слѣдственно разныя другія издѣлія Византіи, не чужды были въ Булгаріи. Предметами торговли были мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, юфть и мамонтовые зубы. Эти зубы продавались въ Хорасанѣ по большой цѣнѣ, и, подобно слоновой кости, служили матеріаломъ для вы-

дѣлки гребней и другихъ предметовъ. Казвини говоритъ, что Булгары торговали также и клинками, которые изъ земель мусульманскихъ вывозили къ народамъ Вѣси и Югрѣ. Посольство халифа осыпано было серебряными деньгами: слѣдственно въ Булгарѣ были деньги — вѣроятно арабскія и бухарскія (Саманидовъ), которыя тогда обильно кружили во всей Россіи; но по принятіи мусульманской вѣры эмиры булгарскіе начали чеканить и свои собственныя. Монеты эти сдѣланы по образцу арабскихъ, съ мусульманскими надписями и именемъ царствующаго государя. Письмо на нихъ куфическое. Искусство письма Булгары должны были узнать довольно рано; къ Муктедиру отправлена была грамата, и Царь Булгарскій читалъ письма халифа и его визиря передъ посланниками. Грамата къ Муктедиру могла быть писана по-арабски кѣмъ-нибудь изъ купцовъ: но на какомъ языкѣ читалъ царь Альмасъ отвѣты халифа и его министра, это совершенная загадка! Халифы не употребляли въ своей корреспонденціи другаго языка кромѣ священнаго и классическаго, арабскаго. Неужели «царь Славянъ» зналъ этотъ языкъ прежде обращенія своего въ вѣру пророка? Ежели онъ читалъ переводъ, то послы, которые называли его «царемъ Славянъ», не могли представить ему перевода на другомъ языкѣ кромѣ какъ на славянскомъ, и всего ближе на языкѣ Булгаровъ Дунайскихъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что успѣхи дунайскихъ переселенцевъ въ грамотѣ не были чужды ихъ волжскимъ собратамъ — вещь возможная, но не слишкомъ вѣроятная. Какъ бы то ни было, и каковъ бы ни былъ главный языкъ Волжскихъ Булгаровъ, несомнѣнно то, что сдѣлавшись мусульманами, они, по примѣру всѣхъ народовъ принявшихъ эту вѣру, стали употреблять арабскія письмена.

Наказаніе за воровство и прелюбодѣяніе, какъ мы видѣли, было самое строгое. Такой же строгости подвергались и душегубцы: если кто убивалъ другаго, говоритъ

Ахмедъ Туси, убійцу запирали въ деревянный сундукъ, который вѣшали на высокій столбъ, чтобы онъ умеръ тамъ отъ холоду или отъ жару. Ибнъ-Фодланово сказаніе, что знающихъ и очень умныхъ людей въ Булгаріи вѣшали, можетъ относиться, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Кеппенъ, къ тѣмъ людямъ, которыхъ у насъ на Руси называли «знахарями». Ибнъ-Фодланъ, вѣроятно, худо понялъ смыслъ этого славянскаго выраженія.

Торговый духъ Булгаровъ не уменьшалъ однакожъ въ нихъ воинственности. Не знаемъ въ какихъ отношеніяхъ были они съ сосѣдями своими съ сѣвера, юга и востока, но съ Русскими враждовали они почти безпрерывно. Въ 913 году они, по извѣстію Масъуди содѣйствовали истребленію Русскихъ, предпринимавшихъ походъ на южныя берега Моря Каспійскаго, а Русскіе по сказанію Ибнъ-Хàукала, вѣроятно въ отмщеніе за это, въ 969 году разорили ихъ землю. Мы уже говорили о походѣ Владиміра Великаго, который послѣ побѣды, одержанной за одно съ своими союзниками, Торками, заключилъ миръ съ Булгарами: они клялись быть дружными съ Россіей «доколѣ камень не начнетъ плавать а хмѣль грязнуть». Въ 1024 году, когда въ Суздалѣ свирѣпствовалъ голодъ, Земля Булгарская снабдила Русскихъ большимъ количествомъ хлѣба. Въ 1088 Булгары овладѣли Муромомъ, но не на долго. Въ 1164, оскорбленный Булгарами, Андрей Георгіевичъ Боголюбскій выступилъ противъ нихъ въ поле, разбилъ ихъ войско, взялъ знамена и прогналъ Князя. Въ этотъ походъ Русскіе овладѣли *славнымъ* булгарскимъ городомъ Бряхимовымъ (Ибрагимовымъ) и сожгли нѣсколько другихъ. Въ память этого установленъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею церковью перваго августа. Въ 1172 Андрей посылалъ на нихъ сына своего Мстислава, который однако самъ едва спасся. Въ 1183 Булгары вторглись въ земли Муромскія и Рязанскія, такъ, что великій князь Всеволодъ Георгіевичъ принужденъ былъ предпринять на нихъ походъ.

Къ нему присоединились разныя князья Русскіе и Половцы. Вмѣстѣ съ ними Русскіе осадили «Великій Городъ», въ землѣ «Серебряныхъ Булгаровъ», но юный племянникъ Всеволодовъ Изъяславъ былъ раненъ на приступѣ стрѣлою, и это спасло жителей. Заключивъ съ ними миръ, Всеволодъ возвратился во-свояси. Въ 1186 опять былъ походъ на Булгаровъ, а въ 1218 они овладѣли Устюгомъ. Это заставило великаго князя Георгія Всеволодовича отправить противъ нихъ брата своего Святослава, который сжегъ городъ ихъ Ошель, укрѣпленный высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между которыми находился валъ. Георгій произвелъ въ ихъ землѣ такія опустошенія, что Булгары униженно просили мира, который наконецъ былъ заключенъ; послы наши ѣздили въ ихъ землю. Это однакожь не помѣшало Булгарамъ враждовать съ Русскими до самаго нашествія Монголовъ.

Въ первое нападеніе на Россію, Монголы оставили, кажется, Булгаровъ въ покоѣ; но когда потомки Чингисъ-хана отправились покорять земли лежащія къ западу, Булгарія первая пала жертвою ихъ кровожадности. Весною 1236 года военачальникъ Субутай вступилъ въ предѣлы ея съ отрядомъ монгольскихъ войскъ и взялъ Булгаръ. Видя силу Монголовъ, Булгары покорились безъ сопротивленія, но скоро по удаленіи ихъ взбунтовались. Тогда Субутай, вступивъ вторично въ ихъ землю, поработилъ ее совершенно. Порабощеніе это, сопровождаемое обычнымъ кровопролитіемъ и разореніемъ, нанесло рѣшительный ударъ независимости Булгаровъ. Съ этого времени они перестали существовать въ видѣ отдѣльной націи, составили часть Державы Кипчакской, и до самаго паденія раздѣляли судьбу ея, сливаясь болѣе и болѣе съ побѣдителями, такъ-что утратили наконецъ и свое народное имя. До основанія Сарая при Ахтубѣ, Булгаръ былъ кажется столицею монгольскихъ хановъ Золотой Орды; по-крайней-мѣрѣ они приходили лѣтомъ кочевать въ его окрестностяхъ. Они-то вѣ-

роятно построили тотъ городъ, котораго остатки видны въ селѣ Болгарахъ. Въ этомъ же городѣ были биты и первыя ихъ монеты. Вообще въ періодъ монгольскаго владычества исторія Булгаровъ переходитъ въ исторію столичнаго ихъ города, и лѣтописи говорятъ только о томъ, что случилось съ Булгаромъ, не упоминая ничего, или очень мало, о народѣ. По перенесеніи главнаго мѣстопребыванія хановъ въ Сарай, и до этого времени, Булгаръ управлялся по-видимому намѣстниками, которые ставились отъ хановъ. Когда въ Ордѣ произошли междоусобія, городъ этотъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки къ разнымъ монгольскимъ князьямъ. Между-тѣмъ старинная вражда съ Русскими не прекращалась, и Новгородцы неразъ грабили земли Булгаровъ, хотя они были подданные хановъ, властителей Россіи. Въ 1359 вольница новгородская овладѣла булгарскимъ городомъ Жукотинымъ, а на слѣдующій годъ великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій должны были судиться за это съ Булгарами передъ ханскимъ посломъ. Разбойники были отысканы и выданы; не смотря на это въ 1365 году «охотники» новгородскіе разграбили и самый Булгаръ: Булгары въ свою очередь при князѣ Булатъ-Темирѣ, въ 1361 году, овладѣвшемъ ихъ землею, сдѣлали вторженіе въ предѣлы нижегородскіе, но усмирены были, съ согласія Мамаева, Василіемъ, сыномъ Димитрія Константиновича Суздальскаго. Въ 1374 и 1375 годахъ Булгарія снова подверглась грабежамъ Новгородцевъ, и въ 1376 Димитрій Іоанновичъ, который уже замышлялъ рѣшительно свергнуть иго Монголовъ, желая подчинить себѣ эту богатую землю, отправилъ въ нее сильное войско, которое въ соединеніи съ ратью суздальскою приблизилось къ Казани, и истребивъ огнемъ села, зимовища и суда Казанцевъ, принудило тогдашнихъ владѣтелей булгарскихъ, Осана и Махметъ-Салтана покориться великому князю. Казанцы заплатили 5000 рб. окупу и приняли въ городъ свой

московскаго «таможенника». Въ это время Казань начала уже затмѣвать прежнюю славу Булгара и скоро сдѣлалась преемницею его торговой значительности. Въ 1383 въ Булгарѣ, по повелѣнію Тохтамыша, ограблены были русскіе купцы, а черезъ восемь лѣтъ городъ, по сказанію татарской исторіи *Даситани-Аксакъ-Темиръ*, былъ совершенно разрушенъ Тамерланомъ, во время похода его на Тохтамыша. Другіе историки Тамерлана не упоминаютъ объ этомъ событіи. Какъ бы то ни было, изъ нашихъ лѣтописей видно, что въ 1389 году великій князь Василій Димитріевичъ отправилъ въ Булгарію съ сильнымъ войскомъ брата своего Юрія, который овладѣлъ Булгаромъ, Жукотинымъ, Казанью и Кременчукомъ, три мѣсяца опустошалъ эту торговую землю, и возвратился съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки русскіе не ходили такъ далеко во владѣнія монгольскія, и съ того времени Василій Димитріевичъ прослылъ «Завоевателемъ Булгаріи». Герберштейнъ почитаетъ этотъ походъ на Булгарію достопамятнѣйшимъ дѣломъ правленія Василіева. Въ Софійскомъ Времянникѣ подъ 1409 годомъ встрѣчается извѣстіе, что воевода Анфалъ былъ въ Булгаріи, а въ 1431 году великій князь Василій Васильевичъ Темный посылалъ на Булгаръ князя Ѳедора Даниловича Пестраго, который и взялъ его. Между тѣмъ въ продолженіе первой половины XV столѣтія безпрестанно встрѣчаются битыя въ Булгарѣ монеты Шадибека съ 1402 по 1407, и хановъ Пулада, Тимура, Джелаль-эдъ-Дина, Кибака и Чегре. Опредѣлить положительно время, когда Земля Булгарская перешла окончательно во власть царей русскихъ, невозможно, по недостатку объ этомъ свѣдѣній; но вѣроятно, что это произошло при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго Царства; однако титулъ «государя Болгаріи» носилъ еще дѣдъ его, Іоаннъ III. Въ нынѣшнемъ императорскомъ титулѣ государь императоръ называется также «Княземъ Болгарскимъ».

Теперь, гдѣ красовалась торговая и воинственная Булгарія, видны бѣдныя жилища Ногаевъ, Чувашей, Черемисы и Мордвы. Только въ воспоминаніе древней славы, нынѣшніе Татаре казанскіе и симбирскіе, разнося халаты по улицамъ русскихъ городовъ, иногда еще съ гордостью величаютъ себя *Булгарлыкъ*, «Булгарствомъ».

О КУФИЧЕСКИХЪ МОНЕТАХЪ

НАХОДИМЫХЪ

ВЪ РОССІИ И ПРИБАЛТІЙСКИХЪ СТРАНАХЪ

КАКЪ ИСТОЧНИКАХЪ ДЛЯ ДРЕВНѢЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ *.

Первыя времена народной жизни нашей покрыты густою мглою, въ которой глазъ историка можетъ различать только немногія болѣе или менѣе свѣтлыя точки; но и на этотъ свѣтъ полагаться ненадежно: это не звѣзды неподвижныя, блестящія во мракѣ ночи; это летучіе огоньки надъ могилами нашихъ предковъ, безпрестанно перемѣняющіе мѣсто. Что̀ представлялось намъ яснымъ и несомнѣннымъ вчера, оказывается сегодня темнымъ и проблематическимъ, отвергнется можетъ-быть завтра, какъ невѣрное и невозможное. Мы не знаемъ даже, когда появился, гдѣ обиталъ первоначально, къ какому племени (raçe) принадлежалъ тотъ народъ или поколѣніе, именемъ котораго гордимся теперь мы, сорокъ милліоновъ сѣверныхъ Славянъ, владѣющіе девятою частію земной поверхности. Мы не знаемъ, кто такіе были эти Руссы или Русь, которыхъ находимъ и на Волгѣ и на Днѣпрѣ, на берегахъ Черноморскихъ, на Балтикѣ и на Адріатикѣ, подъ Балканами и подъ Карпатами, между поколѣніями славянскими и между финскими и скандинав-

* Изслѣдованіе это, написанное въ 1841 году, напечатано въ I-мъ томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1844 году, но отдѣльными оттисками выпущено еще въ 1842. *Изд.*

скими. Не знаемъ, что за люди были Варяги, играющіе столь видную роль въ древнѣйшей лѣтописи нашей — Шведы, Датчане, или Славяне Цоморскіе. Не знаемъ основательно ни отношеній Славянъ, Финновъ, Руси и Варяговъ между собою, ни вообще отношеній древнѣйшей Россіи къ южнымъ и западнымъ Славянамъ, тѣмъ-менѣе еще — отношеній ея къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Не знаемъ ни степени образованности нашихъ праотцевъ, ни ихъ быта общественнаго и семейнаго, ни ихъ религіи языческой, ни того, какъ, когда и откуда пришла къ нимъ первоначально религія Спасителя. Не знаемъ начинать-ли намъ исторію свою со временъ Митридата, или съ IX, или съ XI вѣка по Р. Х. Короче — не знаемъ почти ничего положительнаго, неоспоримаго; бо́льшая часть написаннаго доселѣ о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, основывается на шаткихъ началахъ. Подуетъ легонькій вѣтерокъ скептизма, и системы, построенныя съ большимъ искусствомъ, но на основаніи непрочномъ, валятся и разбиваются въ дребезги. Мы пишемъ, разсуждаемъ, доказываемъ, и часто сами не знаемъ, вѣрить или не вѣрить тому, что̀ пишемъ, о чемъ разсуждаемъ, что̀ доказываемъ. Всѣ знанія наши объ этомъ темномъ времени не суть знаніе того, *что* и *какъ было*, а знаніе разныхъ системъ и мнѣній о томъ, *что* и *какъ могло быть*, системъ отжившихъ уже свой вѣкъ, увядающихъ или еще цвѣтущихъ. Горько, но должно сознаться въ этой истинѣ. IX и X вѣка нашей исторіи, съ тѣхъ поръ какъ обратилось на нихъ впервые вниманіе ученыхъ изслѣдователей, были постоянно предметомъ самыхъ различныхъ, иногда вовсе неосновательныхъ предположеній, мнѣній часто діаметрально противуположныхъ; по-крайней-мѣрѣ всѣ изслѣдователи долгое время соглашались хотя въ томъ, что истину, которой искали, старались извлечь преимущественно изъ одной книги, которую признавали «несомнѣнною», изъ лѣтописи извѣстной подъ именемъ Несторовой. На ней, какъ на

скалѣ гранитной, строили они свои системы; изъ нея извлекали пищу для всѣхъ своихъ предположеній. Но съ тѣхъ поръ какъ авторитетъ этой лѣтописи, дотолѣ незыблемый, какъ непогрѣшительность ея, дотолѣ признаваемая единогласно проповѣдниками самыхъ противуположныхъ ученій, подверглись сильнымъ ударамъ скептицизма, и сказанія ея утратили въ глазахъ многихъ ту достовѣрность и уваженіе, которыми пользовались у прежнихъ критиковъ, системы ихъ шатнулись, рухнули — и тьма тяготѣющая надъ древнею Русью сгустилась еще болѣе[1]. Подавленные обломками, оглушенные шумомъ этого паденія, мы не знаемъ теперь почти ничего о судьбахъ нашего отечества въ первые вѣка его жизни: сказанія современныхъ иноземныхъ писателей, сколько доселѣ они извѣстны намъ, не представляютъ ничего цѣлаго, ничего такого, изъ чего бы можно было реставрировать разрушенное зданіе древнѣйшей исторіи нашей, основывавшееся прежде на помянутой лѣтописи. Съ потерею довѣренности къ ней, мы лишились единственнаго проводника въ катакомбахъ историческихъ изслѣдованій о судьбахъ нашихъ праотцевъ; затушили послѣдній факелъ освѣщавшій намъ путь въ ихъ мрачныхъ извилинахъ, и остаемся блуждать въ совершенной темнотѣ...

Что-жь дѣлать въ такомъ положеніи, на что рѣшиться? отказаться-ли отъ возможности, отъ надежды разъяснить

---

[1] Я лично не раздѣляю во многомъ мнѣнія нашихъ скептиковъ касательно этой лѣтописи; но пусть она дѣйствительно принадлежитъ Нестору, пусть написана въ началѣ XII столѣтія и написана добросовѣстно, тѣмъ-не-менѣе нельзя отрицать, чтобы въ ней не было сбивчивости, множества темныхъ мѣстъ, множества важныхъ пропусковъ, отрицать того, что она дошла до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ кельи творца своего. Со временемъ окажется, можетъ быть, что сбивчивость была не въ лѣтописи, а въ нашихъ понятіяхъ, что мы не умѣли смотрѣть на нее съ надлежащей точки зрѣнія; но это со временемъ, а покуда оно придетъ, намъ кажется лучшимъ теперь забыть о ея непогрѣшительности, и сказаній ея не полагать въ основу нашихъ разысканій.

этотъ мракъ, и оставаться въ невѣдѣніи, предоставляя отдаленному будущему или неожиданному случаю снять покрывало съ непроницаемаго для насъ; или приступить къ новому, основательнѣйшему допросу современныхъ иноземцевъ, пролагать пути новые, искать свѣжихъ источниковъ? Будемъ надѣяться, что послѣдняя рѣшимость преодолѣетъ первую. Извѣстно, какъ недостаточно разработаны еще иноземные источники нашей исторіи, какъ недавно еще принялись у насъ отыскивать и издавать въ свѣтъ туземные. Византійцевъ знаютъ у насъ бо̀льшею частію только по извлеченіямъ и переводамъ Стриттера; саги Скандинавовъ — почти по одному слуху; до латинскихъ лѣтописцевъ Западной-Европы едва прикоснулись; извѣстія арабскихъ географовъ, историковъ и путешественниковъ стали употреблять въ дѣло очень съ недавнаго времени; со всѣхъ сторонъ еще можно ожидать жатвы богатой. Пытливая любознательность, ища новыхъ источниковъ, нѣтъ сомнѣнія, откроетъ ихъ, а умы проницательные, обративъ вниманіе на извѣстное уже прежде, взглянувъ на старое съ новыхъ точекъ зрѣнія, съумѣютъ извлечь изъ розысканій своихъ результаты неожиданные, замѣнять разрушенное новымъ, построеннымъ на прочнѣйшемъ основаніи.

Съ этимъ убѣжденіемъ въ возможности возсозданія древнѣйшей исторіи нашего отечества, указываю нынѣ на одинъ родъ памятниковъ, могущій служить новымъ источникомъ для объясненія этихъ темныхъ временъ — памятниковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, не обратили еще на себя вниманія ни одного русскаго ученаго, о которыхъ доселѣ не писано ничего на отечественномъ языкѣ.

Памятники сіи суть куфическія монеты VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка нашей эры, отрываемыя въ Россіи и странахъ прибалтійскихъ. Клады изъ этихъ монетъ находили и находятъ безпрестанно въ помянутыхъ земляхъ. Каждый годъ постоянно возращаютъ онѣ изъ нѣдръ

своихъ новую жатву Нумизматикѣ. Огромное, изумительное количество этихъ монетъ, имѣющееся теперь у насъ, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голштиніи, Мекленбургѣ, Пруссіи и Польшѣ, въ рукахъ правительствъ и частныхъ людей, не ввезено съ Востока въ новыя времена, не собрано и не куплено въ Азіи путешественниками и торгашами; за немногими исключеніями, почти все оно доставлено почвою этихъ же самыхъ странъ. А сколько еще этихъ драгоцѣнностей исчезло въ плавильномъ горшкѣ, перелито невѣжественными ихъ владѣтелями и отрывателями на ложки, на посуду, на кольца, на шпоры! Кто знаетъ, сколько растопляется ихъ въ настоящую минуту! Бо̀льшая часть, и можетъ быть важнѣйшихъ, находокъ, нѣтъ сомнѣнія, пропала безъ вѣсти; при-всемъ-томъ число такихъ, о которыхъ сохранились какія нибудь свѣдѣнія, еще велико, и велико такъ, что я не могу упомянуть здѣсь обо всѣхъ; но такъ-какъ познакомиться съ такого рода находками необходимо, чтобы оцѣнить ихъ достоинство какъ источниковъ, и видѣть что̀ возможно извлечь изъ нихъ для объясненія нашей древности, я ограничусь, въ отношеніи къ находкамъ сдѣланнымъ въ прибалтійскихъ краяхъ, только исчисленіемъ важнѣйшихъ и преимущественно тѣхъ, которыя описаны были знающими дѣло учеными [2].

Нумизматическій периплъ нашъ Балтійскаго-Моря начнемъ со Швеціи, какъ страны гдѣ на сохраненіе отечественныхъ древностей вниманіе правительства обратилось

---

[2] Извѣстія болѣе обстоятельныя о находкахъ этого рода въ прибалтійскихъ краяхъ вообще находятся въ *Гартмановой* книгѣ: Oluf Gerhard Tychsen, oder Wanderungen durch die mannigfaltigen Gebiete der biblisch-orientalischen Literatur. Band. II, 2. und 3 Abth., и въ *Ледебуровомъ* трактатѣ: Ueber die in den Baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient zur Zeit der Arabischen Weltherrschaft. Berlin, 1840. Съ топографическою картою этихъ находокъ.

ранѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣдственныхъ земляхъ, вслѣдствіе чего и находки, составляющія предметъ нашего разсужденія, были описаны здѣсь вѣрнѣе и сбережены лучше чѣмъ гдѣ-либо. При перечисленіи ихъ я буду слѣдовать хронологическому порядку [3].

Что Восточныя монеты отрываемы были на Шведскомъ материкѣ до XVIII столѣтія узнаёмъ мы отъ Олая Вормія [4], Шеффера [5], Гадорфа [6], Дикмана [7], Бреннера [8], но объ этихъ находкахъ говорится слишкомъ неопредѣленно. Изъ извѣстныхъ точнѣе, укажемъ на слѣдующія:

1. Въ 1702 году, въ холмѣ у деревни *Oena*, въ приходѣ *Mora*, вырыты, вмѣстѣ съ англосаксонскими и датскими монетами Этельреда и Канута, и халифскія IX и X вѣка [9].

2. Въ 1703 году, у *Näsby*, въ приходѣ *Ackers*, въ *Roslagen*'ѣ, найдено на 326 лотовъ серебряныхъ вещей и монетъ X вѣка, между которыми значительное число куфическихъ [10].

---

[3] Полное перечисленіе всѣмъ находкамъ по части древностей, сдѣланнымъ на Шведской землѣ съ 1547 по 1829 годъ, и дошедшимъ до свѣдѣнія правительства, въ томъ числѣ множества Восточныхъ монетъ и вещей, сдѣлано *Лиліегреномъ*. Статья его объ этомъ, подъ заглавіемъ: Strödda anteckningar om Fynd i Svensk Iord, med en dertill hörande Förteckning, помѣщена въ Kongl. Witterhets, Historie och Antiquitets Academiens Handlingar. T. XIII, s. 153 — 278. Превосходное разсужденіе *Адлербета* о Восточныхъ монетахъ найденныхъ въ Швеціи, подъ заглавіемъ: Inträdes-Tal, om Sveriges fordna Osterländska handel, i anledning af Arabisca penningar fundne in Svenks jord, находится въ запискахъ той же академіи томъ, I, ст. 102—174.

[4] Epistolae. Hauniae. 1751. I, 50.

[5] Upsalia. Edit. Upsaliae. 1668. p. 199.

[6] Praef. iu leges Delekarl. Stockh. 1676. p. 5.

[7] Observat. till Svenskars och Göthers Penninge Räckning. Stockh. 1686. p. 3.

[8] Thesaurus numorum Sveo-Gothicorum. Stockh. 1731. p. 265.

[9] *Ледебуръ*, s. 28, съ указаніемъ на *Zach. Holenius*: De Dalekarlia dissert. posterior. Upsal. 1725. p. 130.

[10] *Лиліегренъ*, s. 173, съ указаніемъ на *Keder*: Numi aliquot ex argento praestantissimi. p. 1.

3. Въ 1715 году, у *Kullaberg*, въ *Malmöhus-Län*'ѣ, найдено на 48 лотовъ серебра въ запястьяхъ и кольцахъ, равно какъ и арабскими монетами, частію разломанными [11].

4. Въ 1729 году, у *Gersnäs*, въ *Shonen*'ѣ, найдено на полѣ 204½ лота серебра монетами англійскими, ирландскими, нѣмецкими и арабскими, вмѣстѣ съ запястьями и другими украшеніями, частію въ обломкахъ [12].

5. Въ 1762 году, недалеко отъ *Gronstorp*'а въ приходѣ *Tuna*, въ *Södermanland*'ѣ, между англійскими и нѣмецкими монетами, найдены и обломки серебряныхъ Восточныхъ, вѣсомъ на 2 марки 6 лотовъ [13].

6. Въ 1781 году, найдено въ *Roslagen*'ѣ, на 141½ лота древнихъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ 100 штукъ однѣхъ арабскихъ, и въ томъ же году, въ той же провинціи, у *Norr Näna*, въ приходѣ *Estuna* — разныя украшенія и 99 частію арабскихъ, частію греческихъ (византійскихъ?) монетъ [14].

7. Въ 1802 году, недалеко отъ *Enköping*'а, въ приходѣ *Tillinge*, у *Hagby*, найдено подъ камнемъ 14 цѣлыхъ и 8 разломанныхъ куфическихъ монетъ [15].

8. Въ 1805 году, у *Ersta*, недалеко отъ *Eskilstuna*, вырыто изъ земли 806 англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ, вмѣстѣ со всякаго рода серебряными украшеніями, всего на 5 марокъ и 7 лотовъ вѣсомъ [16].

9. Въ 1823 году, въ приходѣ *Bro*, у *Önnestad*, въ *Upsala-Län*'ѣ — 5 цѣлыхъ и 2 разломанныхъ арабскихъ монеты, битыхъ съ 905 по 915 годъ по Р. Х. [17].

10. Въ 1824 году, у *Asbygge*, въ приходѣ *Wahlbo*, въ *Gefleborgs-Län*'ѣ — 66 цѣлыхъ и 50 болѣе или менѣе изломанныхъ арабскихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 925 годъ по Р. Х. вѣсомъ на 21 лотъ [18].

---

[11] *Лиліегренъ*, s. 176.

[12] [13] [14] *Лиліегренъ*, s. 179, 186, 200.

[15] Ibid. s. 215, съ указаніемъ на *Göthlin*: De numis Cuficis. p. 9.

[16] Ibid. s. 218, съ указ. на *Hallenberg's* Anm. öfver Lagerbrink. I, 315 — 318.

[17] [18] Ibid. s. 152, 253.

11. Въ іюлѣ и августѣ 1828 года, у *Wasby*, въ приходѣ *Hammerby*, въ *Stockholm-Län*'ѣ—Восточныхъ монетъ на 50 лотовъ, въ томъ числѣ 300 однѣхъ куфическихъ, битыхъ съ 699 по 864 годъ по Р. Х., и 50 сассанидскихъ (?) [19].

12. Въ томъ же году, 11 августа, у *Soldattorpen Horda*, въ приходѣ *Moheda*, въ *Kronoborgs-Län*'ѣ, найдено въ урнѣ $^3/_4$ лота золота и 95 лотовъ серебра въ монетахъ, кольцахъ и обломкахъ. Въ числѣ монетъ было 200 нѣмецкихъ, отъ временъ Оттона I до герцога Бернгарда I саксонскаго (973—1061), битыхъ частію въ Кельнѣ, Майнцѣ, Магдебургѣ и Дортмундѣ; 63 англосаксонскихъ и 30 куфическихъ [20].

Еще богаче находками прилежащіе къ Швеціи острова *Оландъ* и *Готландъ*. На первомъ найдено:

13. Въ 1768 году, въ приходѣ *Bredsätra*—78 лотовъ арабскихъ монетъ, бо́льшею частію въ обломкахъ [21].

14. Въ 1771 году—40 цѣлыхъ, 80 довольно сохранившихся, хотя и не цѣлыхъ, и до 700 обломковъ арабскихъ монетъ. Аурививиллій, описавшій эту находку, говоритъ, что монеты и обломки принадлежатъ слѣдующимъ династіямъ:

Халифамъ	— 12 цѣлыхъ	и	9 обломковъ
Бувейгидамъ	— 1 цѣлая	и	2 обломка.
Саманидамъ	— 22 цѣлыхъ	и	657 обломковъ.

Изъ саманидскихъ относятся къ правленію:

Исмаила сына Ахмедова	— 2 цѣлыя	и	46 обломковъ
Ахмеда сына Исмаилова	— 1 цѣлая	и	37 обломковъ.
Насра сына Ахмедова	— 11 цѣлыхъ	и	220 обломковъ.
Нуха сына Насрова	— 8 цѣлыхъ	и	84 обломка.

Въ обломкахъ Аурививиллій насчиталъ еще 270 сама-

---

[19] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsskrift for Oldkyndighed. 1832. B. I. H. 1. s. 225.

[20] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I. H. 1. s. 235.

[21] Ibid. s. 195.

нидскихъ; остальныхъ не разобралъ. Обломки принадлежали разнымъ монетамъ, такъ-что изъ 700 штукъ ихъ не нашлось двухъ, которыя были-бы отъ одной и той же монеты [22].

15. Въ 1775 году — два клада: одинъ у *Klinta*, состоявшій изъ колецъ, цѣпей и другихъ украшеній, также арабскихъ монетъ, вѣсомъ на 31¹/₄ лотъ серебра; другой у *Ofra Wagnberga*, въ приходѣ *Köping*, состоявшій изъ запястьевъ, колецъ, застежекъ и другихъ украшеній вмѣстѣ съ арабскими, англосаксонскими и нѣмецкими монетами, на 192¹/₂ лота серебра [23].

16. Въ 1779 году, въ томъ же приходѣ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ — арабскія, англосаксонскія и нѣмецкія монеты. Изъ 101 арабской монеты, 84 было однѣхъ саманидскихъ [24].

17. Въ 1797 году, найдены арабскія монеты въ *Sikehamn*'ѣ, *Bredsätra*, *Köpinge*, *Borgehamn*'ѣ и *Petgärde* [25].

18. Въ 1824 году, у *Petgärde*, въ приходѣ *Löts* — множество арабскихъ монетъ вмѣстѣ съ ожерельемъ, и въ томъ же приходѣ, у *Hvalnäs*, подъ большимъ камнемъ — на 53¹/₂ лота куфическихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 940 годъ по Р. Х. [26].

На Готландѣ особенно богаты находками окрестности Висби.

19. Уже Стреловъ упоминаетъ, что около *Висби* находятъ часто сирійскія (?), арабскія, греческія, римскія и другія монеты [27]. Извѣстно, что въ 1675 году найдено не

---

[22] De numis Arabicis in Sviogothia repertis. Disquisitio *Caroli Aurivillii*, помѣщено въ Nova acta regiae societatis scientiarum Upsaliensis. Vol. II. Upsaliae. 1775. p. 79.

[23] *Лиліегренъ*, s. 197 и 198.

[23] *Ледебуръ*, s. 17, съ ссылкою на *Адлербета*, въ Kongl. Witterhets etc. Academiens Handlingar. I, 116.

[25] *Лиліегренъ*, s. 208 и 209.

[26] *Лиліегренъ*, s. 276. См. также Nordisk Tidsscrift. 1832 B. 1. H. 1. s. 231.

[27] *Hans Nilson Strelow*: Chronica Guthilandorum. Hafn. 1633. Въ предисловіи.

этомъ островѣ большое количество арабскихъ монетъ [28]. Въ 1685 году, между *Wiblingsgard*'омъ и *Harde*, въ приходѣ *Helvi* — серебряныя кольца вмѣстѣ со многими арабскими монетами [29], и въ 1690 году — опять большое количество послѣднихъ [30].

20. Въ 1703 году, у *Висби* — 21 арабская монета [31].

21. Въ 1711 году, тамъ же — 358 серебряныхъ монетъ, бо́льшею частію англійскихъ королей: Этельреда, Канута, Эдуарда и Гаральда, кельнскія Оттоновъ, 4 арабскихъ и разныя серебряныя украшенія [32].

22. Въ 1733 году, въ *Gonnegard*'ѣ, въ приходѣ *Sanda* — на 100 лотовъ серебра, въ томъ числѣ на 55 лотовъ частію цѣлыхъ, частію изломанныхъ арабскихъ монетъ. Остальное состояло изъ обломковъ колецъ и другихъ украшеній [33].

23. Въ 1739 году, у *Wibblegärd*'а, въ приходѣ *Westernede*, въ полумилѣ отъ *Висби* — на 135⁵/₈ лотовъ серебра, въ томъ числѣ 6 большихъ колецъ, которыя однѣ вѣсили 59 лотовъ, и другія болѣе мелкія серебряныя вещи и монеты. Послѣднія были англосаксонскія, нѣмецкія, арабскія и константинопольскія, вѣсомъ на 58⁵/₈ лота [34].

24. Въ 1797 году, у *Löjsta* — значительное количество серебряныхъ украшеній вмѣстѣ съ персидскими, сирійскими (?) и арабскими монетами [35].

25. Въ 1807 году, вырыто на полѣ въ приходѣ *Linden*, серебра на 72 лота, частію въ украшеніяхъ, частію англосаксонскими, нѣмецкими и куфическими монетами. Послѣднихъ было 12 штукъ [36].

26. Въ 1812 году, въ приходѣ *Lummelund* — 708 хорошо сохранившихся и множество изломанныхъ монетъ и

---

[28] *Ледебуръ*, s. 20, ссылкою на C. D. Rhode: Cimbrisch-Golsteinsche Antiquitäten-Remarques. Hamb. 1720 s. 421.

[29] *Лиліегренъ*, s. 167.

[30] Ibid. s. 169, и *Ледебуръ*, s. 21.

[31] [32] [33] *Лиліегренъ*, s. 173, 175.

[34] [35] [36] *Лиліегренъ*, s. 180, 208, 220, 235, 271, 276.

серебряныхъ украшеній, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ; въ томъ числѣ много арабскихъ. Всего вѣсомъ на 5 марокъ и 3 лота [37].

27. Въ іюнѣ 1827 года, въ приходѣ *Grötlingbo*, вырыто подъ камнемъ на $5^7/_8$ лотовъ серебра; въ томъ числѣ 7 персидскихъ и 23 куфическія монеты [38].

28. Въ ноябрѣ 1828 года, у *Sundre*, найдено въ мѣдномъ горшкѣ около 300 англосаксонскихъ, куфическихъ и византійскихъ монетъ, вмѣстѣ съ украшеніями, всего вѣсомъ на 46 лотовъ [39].

Чтобы составить себѣ общее понятіе о богатствахъ, извлеченныхъ изъ Шведской почвы, довольно знать, что въ однѣхъ исчисленныхъ у Лиліегрена находкахъ монетъ и вещей полагаютъ на 2000 лотовъ золота и 6500 лотовъ серебра; и что монеты бо̀льшею частію Восточныя и принадлежатъ къ пространству времени отъ VII по XI вѣкъ [40]. Находки, сдѣланныя съ 1829 года въ послѣднее десятилѣтіе, еще значительнѣе, какъ говорилъ это въ 1839 году Ледебуру королевскій государственный антикварій Гильдебрандъ, намѣревавшійся продолжать Лиліегреново перечисленіе, и какъ это извѣстно частію и мнѣ лично, чрезъ посредство постоянныхъ сношеній академика Френа съ шведскими нумизматами. Консерваторъ королевскаго мюнц-кабинета въ Стокгольмѣ, Мальмстремъ, писалъ въ 1795 году знаменитому Тихсену, что куфическія монеты этого кабинета состоятъ изъ халифскихъ, отъ самаго начала монетнаго дѣла до эль-Моттаки-Лиллаха, 21-го халифа аббасидскаго; соффаридскихъ, гамданидскихъ, бувейгидскихъ, окайлидскихъ, аль-моравитскихъ и другихъ, но преимущественно саманидскихъ, которыя, начиная отъ основателя этой династіи, Исмаила сына Ахмедова, обнимаютъ почти всѣ годы властвованія его преемниковъ до Мансура сына

---

[37] [38] [39] *Лиліегренъ*, s. 180, 208, 220, 235, 271, 276.

[40] *Ледебуръ*, s. 8.

Нухова; что почти всѣ эти монеты серебряныя, и что всѣ вырыты изъ земли въ самой Швеціи [41].

Въ сосѣдственной съ Швеціею Норвегіи также издавна находятъ куфическія монеты, какъ видно это изъ Сума [42]. Въ новѣйшее тремя сдѣлано много находокъ, и все въ южныхъ частяхъ Норвегіи, въ епархіяхъ Христіанійской и Христіансандской [43]; такъ:

29. Въ августѣ 1834 года, нашли работники, въ имѣніи *Hoen*, въ приходѣ *Eger*, значительное количество золотыхъ (вѣсомъ на 88¹/₁₆ унцовъ) и серебряныхъ украшеній и монетъ, за которыя Христіанійскій Университетъ выдалъ имъ 2030 норвежскихъ спеціесъ-талеровъ. Между золотыми монетами находились арабскія VIII вѣка, римско-византійскія, франкскія и англосаксонскія [44].

30. Въ февралѣ 1836 года, нашли подъ большимъ камнемъ въ *Aarstad*'ѣ, недалеко отъ города *Egersund*'а, въ епархіи *Христіансандской*, около 1300 древнихъ серебряныхъ монетъ, вмѣстѣ съ разными украшеніями изъ того же металла, цѣлыми или въ обломкахъ; а при дальнѣйшемъ расчищеніи того же поля — еще нѣсколько такихъ предметовъ, такъ-что всѣхъ монетъ набралось до 1500, а вся находка оказалась вѣсомъ въ 73³/₈ унца. Бо̀льшая часть монетъ были англосаксонскія, преимущественно Канута Великаго, и нѣмецкія. Куфическія были либо аббасидскія, битыя съ 913 по 932, либо саманидскія, битыя съ 913 по 942 годъ [45].

Перейдемъ изъ Норвегіи на Ютландскій-Полуостровъ.

---

41 *O. G. Tychsen*: Introductio in rem numariam Muhammedanorum. Additamentum primum. Rostochii, 1796. p. 7 и 8.

42 *P. F. Suhm*: Historie af Danmark. 1784. II, 100.

43 *Ледебуръ*, s. 5.

44 *C. A. Holmboe*: Ornamentorum et numorum maximam partem aureorum in parochia Eger nuper repertorum descriptio. Christianiae, 1835. A. Grote's Blätter für Münzkunde. 1835. Nr. 1 u. 2.

45 *C. A. Holmboe*: De numis MD medii aevi in Norvegia nuper repertis. Particula prior. Christianiae. 1836. Particula posterior. Ibid. 1837.

Онъ не извѣстенъ замѣчательными находками куфическихъ монетъ, но иногда ихъ отрываютъ и здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ К. Нибуръ [46].

Касательно находокъ этого рода въ Шлезвигѣ, извѣстно, что арабскія монеты, хранившіяся въ прежнемъ Готторпскомъ Кабинетѣ Рѣдкостей, открыты были въ одномъ курганѣ (Grabhügel) подъ *Шлезвигомъ* [47].

Необиліе куфическихъ монетъ на Датскомъ Материкѣ, вознаграждается богатствомъ въ нихъ острововъ образующихъ Датскій Архипелагъ. О двухъ самыхъ большихъ, Зеландіи и Фіоніи, нельзя сказать опредѣлительно были ли сдѣланы на нихъ находки, или нѣтъ [48]; но вотъ примѣры ихъ на другихъ:

31. Въ 1837 году, у *Sönder kirkebye*, на островѣ *Фальстеръ*, найдены обломки серебряныхъ колецъ, вмѣстѣ съ 24 куфическими и испегбедскими монетами. Древнѣйшая монета въ находкѣ относится къ 713, позднѣйшая къ 846 году по Р. Х. Куфическія принадлежатъ Восточнымъ Умейядамъ и Аббасидамъ. Три биты въ Африкѣ, въ исходѣ VIII столѣтія [49].

32. Въ томъ же году представлены были въ королевскій Копенгагенскій Кабинетъ Древностей кольца, застежки и обломки разныхъ вещей, вмѣстѣ съ англосаксонскими монетами отъ 924 по 940, куфическими съ 907 по 942 годъ, и множествомъ другихъ, найденныя подъ камнемъ въ приходѣ *Tullebölle*, на островѣ *Лангеландѣ* [50].

Чаще другихъ датскихъ острововъ попадаются такія

---

[46] Description de l'Arabie. Copenhague, 1773. p. 87.

[47] *Ледебуръ*, s. 72, съ ссылкою на Niedersächsische Nachrichten. 1731, s. 612.

[48] *Ледебуръ*, s. 73.

[49] *Ледебуръ*, s. 73, съ ссылкою на Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I, H. 1, s. 226. Находка эта описана точнѣе у *Lindberg*'а въ Lettre à M. Bröndsted sur quelques médailles cufiques, etc. Copenh. 1830.

[50] *Ледебуръ*, s. 75, съ указаніемъ на Antiquariske Annaler 1827. B. IV. H. 1. s. 596—599.

находки на *Борнгольмѣ*. По одному старинному извѣстію, здѣсь при королѣ Фридрихѣ IV (1699 — 1730) найдена была въ одномъ болотѣ цѣлая мѣра полная арабскихъ монетъ [51].

Спускаясь изъ Датскихъ Владѣній въ Голштинію, Мекленбургъ, и идя далѣе къ востоку, мы встрѣчаемъ по всему Померанскому и Прусскому побережью Балтики много мѣстъ извѣстныхъ такими находками. Ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ берегу, особенно въ мѣстахъ которыя исторія Среднихъ Вѣковъ показываетъ намъ какъ торговые пункты [52], и тѣмъ рѣже попадаются онѣ, чѣмъ далѣе станемъ углубляться во внутренность Германіи.

Въ Голштиніи находили арабскія монеты [53], но несравненно обильнѣе ими почва Мекленбургская. Вниманіе на нихъ обращено было здѣсь трудами О. Тихсена. Куфическія монеты, отрытыя въ 1767 году, вблизи монастыря *Рюнъ* (*Rhün*), у *Бюцова* (*Bützow*), и въ то же время у *Пасевалка* (*Pasewalk*) и *Торгелова* (*Torgelow*) въ Помераніи, не только подали ему поводъ описать ихъ [54], но и внушили такое расположеніе къ занятіямъ Восточною Нумизматикою, которое въ-послѣдствіи дало существованіе произведеніямъ усвоившимъ ему славу отца этой науки. Черезъ него узнаёмъ, что:

33. Около 1775 года, одинъ крестьянинъ нашелъ въ *Дассовскомъ* Округѣ, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Любека*, цѣлый горшокъ съ саманидскими монетами, частію изломанными. Онѣ проданы были жиду, который ихъ тот-

---

[51] Ibid. s. 75, съ указаніемъ на Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde. Kopenhagen, 1837. s. 85. Исчисленіе прочихъ находокъ въ Датскихъ Владѣніяхъ можно видѣть у *Ледебура* же, s. 71—76.

[52] *J. G. C. Adler*: De numis Samanidicis aliisque ad litus maris Baltici effossis, въ его Collectio nova numorum Cuficorum seu Arabicorum veterum. Hafniae, 1792. p. 65—112.

[53] *Ледебуръ*, s. 69, съ ссылкою на Eichhorn's Repertorium. VI, s. 183, и Niedersächsische Nachrichten. 1731. s. 611.

[54] Въ Bützow'sche Nebenstunden. III, s. 49—62.

часъ расплавилъ. Подобная же участь постигла и 10½ фунтовъ арабскихъ и другихъ монетъ и украшеній, выпаханныхъ изъ земли въ *Штеенгузенѣ*, въ одной милѣ къ С.В. отъ *Висмара* [55].

34. Въ маѣ 1779 года, въ одной могилѣ на кладбищѣ въ *Крумбекѣ*, въ *Стрѣлицкихъ* Владѣніяхъ, найдено не менѣе 10 фунтовъ арабскихъ монетъ, какъ писалъ объ этомъ Машъ къ Тихсену въ 1780 году [56].

35. Въ 1809 году, Тихсенъ опять извѣщенъ былъ о находкѣ, у городка *Гадебуша*, около 1200 арабскихъ монетъ, которыя тотчасъ же и были расплавлены [57].

Въ послѣднее десятилѣтіе въ Мекленбургскихъ Владѣніяхъ сдѣланы были также довольно важныя находки [58].

Въ Помераніи находятъ куфическія монеты преимущественно около *Кольберга* и *Воллина*. Около перваго большое количество ихъ найдено было еще въ 1663 году [59]; въ новѣйшее время такіе случаи часто повторялись; такъ:

36. Въ маѣ 1837 года, при отрываніи каменьевъ для шоссе, найденъ подъ камнемъ въ *Бугентинѣ*, недалеко отъ *Кольберга*, горшокъ съ серебряными вещами и монетами временъ саксонскихъ и франкскихъ королей. Между монетами были и 26 арабскихъ, принадлежащихъ, по объясненію извѣстнаго оріенталиста Козегартена, Аббасидамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Бувейгидамъ и Зіяридамъ, и битыхъ съ 772 по 979 годъ [60].

37. Въ 1839 году, у *Кольберга* же, найдено 40 Восточ-

---

[55] Von den Arabischen Alterthümern in Meklenburg und ihrem Entstehen, помѣщено въ Gelehrte Beiträge zu den Meklenburg Schwerinschen Nachrichten Jahrgang 1779.

[56] Hartmann's Wanderungen etc. II. 2. Abth. s. 39.

[57] Ibid. s. 42.

[58] Объ нихъ въ Jahresberichten des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde.

[59] *Ледебуръ*. s. 53, съ указаніемъ на *J. H. Hottingeri* Bibliothecarius quadripartitus, p. 116.

[60] Baltische Studien. IV Jahrh. 1839. 1. H. s. 215—220.

ныхъ монетъ, изъ которыхъ 4 бувейгидскихъ, нѣсколько аббасидскихъ, бо́льшая-же часть саманидскія [61].

Касательно воллинскихъ находокъ Ледебуръ говоритъ, что нигдѣ не находили арабскихъ монетъ и драгоцѣнныхъ украшеній въ бо́льшемъ обиліи, чѣмъ здѣсь [62]. Такъ въ 1755 году, при копаніи колодца въ одномъ изъ предмѣстій *Воллина*, найденъ сосудъ съ разными древностями и многими арабскими монетами, цѣнность которыхъ опредѣлена была во 100 талеровъ [63]; такъ:

38. Въ 1795 году, въ *Воллинѣ* же, подъ корнемъ вырытаго дерева, найдены 34 халифскія, саманидскія и другія куфическія монеты, поступившія въ нумизматическій кабинетъ Адлера въ Берлинѣ [64].

39. Въ 1823 году, недалеко отъ *Воллина* — разломанныя серебряныя монеты и серьги, вѣсомъ на 6 фунтовъ; и тамъ же, въ слѣдующемъ году — подобная же находка: обломки монетъ, украшеній, цѣпей, колецъ, вѣсили 30½ лотовъ. Между хорошо сохранившимися монетами, принадлежавшими вообще ко времени Оттоновъ, находились нѣмецкія, вендскія и арабскія [65].

На островахъ прилежащихъ къ Помераніи, *Узедомѣ* и *Рюгенѣ*, извѣстны также разныя находки куфическихъ монетъ [66].

Далѣе, можно упомянуть еще о слѣдующихъ въ разныхъ мѣстахъ Помераніи:

---

[61] A. Bartsch: Jahresbericht des Vereins für meklenburg. Gesch. u. Alterthümer. IV Jahrg. 1839. s. 57.

[62] L. c. s. 55. Тамъ же и указанія на извѣстныя находки.

[63] Zöllner's Reise durch Pommern. s. 91. *Боленъ*, въ Preussische Provinzialblätter. Band XIV, October-Heft. s. 322.

[64] *Тихсенъ*, въ Addiment. primum ad introduct. in rem num. Muhammed. p. 5.

[65] Das königliche Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. 1838. s. 22.

[66] *Ледебуръ*, s. 60—63. Jahresberichte der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde.

40. Лѣтомъ 1837 года, найденъ при выкапываніи камней на полѣ деревни *Бирковъ*, въ округѣ *Штольпе*, глиняный сосудъ съ древними, частію разломанными, монетами, вѣсомъ на 6 фунтовъ 18 лотовъ. Третья часть этой находки поступила въ минцкабинетъ королевскаго Берлинскаго Музея, и между поступившими монетами были сассанидскія (?), умейядскія и аббасидскія [67].

41. Въ 1752 году, въ имѣніи *Мюддельмовъ*, въ *Вольденбургскомъ* приходѣ *Регенвальдерскаго* Округа — сосудъ съ арабскими серебряными монетами, металлическая цѣнность которыхъ опредѣлена была въ 200 талеровъ [68].

42. Въ 1802 году, у *Белькова*, недалеко отъ *Колбаца*, въ *Грейфенгагенскомъ* Округѣ — 238 отлично сохранившихся арабскихъ монетъ, битыхъ съ 714 по 938 годъ [69].

43. Въ послѣднемъ десятилѣтіи, недалеко отъ *Деммина*, *Девена*, въ округѣ *Гримме* — горшокъ съ арабскими монетами. Ихъ купилъ за 80 талеровъ одинъ еврей [70].

44. Около 1767 года, у *Пасевалка* и *Торгелова* — 20 арабскихъ монетъ съ куфическими надписями [71].

На югъ отъ Помераніи, куфическія монеты находимы были только въ сѣверовосточныхъ частяхъ Бранденбургской Области.

45. Зимою съ 1831 на 1832 годъ, у *Гöрица*, между *Пасевалкомъ* и *Пренцлау*, найденъ кладъ, оцѣненный въ 250 талеровъ, и состоявшій изъ отличной работы и прекрасно сохранившихся ожерелій и другихъ серебряныхъ украшеній, изъ 41 хорошо сберегшихся, 58 только отчасти сохранившихся, и 7 фунтовъ 17 лотовъ разломанныхъ куфическихъ монетъ [72].

46. Въ декабрѣ 1818 года, у *Гралова*, близь *Ландсберга*, на Вартѣ, найдено огромное количество монетъ. За-

---

67 68 69 *Ледебуръ*, s. 58 и 59.

70 Baltische Studien. 1833. Bd. II, H. 1, s. 104.

71 Описаны *О. Тихсеномъ* въ Bützow'sche Nebenstunden. III s. 49—62.

72 73 Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. s. 80—81 и 62.

мѣчательнѣйшія куплены для королевскаго собранія за 230 талеровъ. Между ними были нѣмецкія, вендскія, куфическія и византійскія [73].

47. Въ 1769 году, во *Франкфуртѣ-на-Одерѣ*, найденъ сосудъ съ арабскими монетами, на $1^1/_2$ фунта вѣсомъ. Это самый южный пунктъ прибалтійскихъ странъ на которомъ найдены куфическія монеты. Южнѣе не находили ихъ доселѣ [74].

Въ собственной Пруссіи извѣстно такихъ находокъ менѣе, чѣмъ на сосѣднемъ Померанскомъ Побережьѣ; причина этого заключается не въ томъ, чтобы дѣйствительно было ихъ менѣе, а въ томъ, что на нихъ обращали менѣе вниманія. Болѣе другихъ мѣстъ извѣстны здѣсь ими окрестности Данцига. Такъ въ *Гагельсбергѣ*, у *Данцига*, на мѣстѣ называемомъ *Heidenberg*, найдена была, еще въ XVI столѣтіи, урна съ золотыми и серебряными монетами, въ томъ числѣ Оттоновъ и, по всей вѣроятности, куфическими [75].

48. Въ 1722 году, у *Штегена*, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Данцига*, найдено рыбаками болѣе 70 арабскихъ монетъ, которыя, по изслѣдованіямъ Кера, оказались халифскими диргемами, битыми преимущественно между 802 и 813 годами. Четыре, битыхъ ранѣе, принадлежали къ 724, 746, 779 и 797 годамъ [76].

Самая замѣчательная изъ находокъ въ Пруссіи сдѣлана была—

49. Лѣтомъ 1832 года, у *Мюнстервальде*, на лѣвомъ

---

[74] *Ледебуръ*, s. 65, съ ссылкою на Minutoli: Beschreibung einer zu Stendal aufgefundenen alten heidnischen Grabstätte. Berlin, 1827.

[75] *Ледебуръ*, s. 48, съ указаніемъ на *Casp. Schützii* Rerum Prussicar. historia. Ed *Zerbst*. 1592. p. 9.

[76] Находка эта подала *Керу* поводъ написать о ней трактатъ подъ заглавіемъ: Monarchae Asiatico-Saracenicae status qualis VIII et IX sec. fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura Kufica cusis et nuper prope Gedanum effossis, illustratus. Lipsiae, 1724 — трактатъ почитаемый первымъ основательнымъ трудомъ по части Мусульманской Нумизматики.

берегу Вислы, около полуторы мили отъ *Маріенвердера*. Для шоссе разбили большой камень, служившій можетъ-быть жертвенникомъ во времена языческія, и подъ нимъ нашли, въ развалившейся урнѣ, спиральной формы серебряную змѣю длиною въ $1^1/_2$ прусскіе локтя, другія серебряныя украшенія и Восточныя монеты, всего вмѣстѣ на 7 фунтовъ. Цѣльныхъ монетъ было 570, обломковъ на 3 фунта. Цѣлыя всѣ хорошо сохранились, такъ что по-видимому до зарытія своего находились мало въ обращеніи. Многія были съ проверченными дырочками. Изъ цѣлыхъ нѣсколько было сассанидскихъ (?), 5 умейядскихъ, 2 халифа Абуль-Аббаса, 22 Мансура, 50 Могди, 161 Гарунъ-эр-Рашида (всѣхъ годовъ его халифствованія, кромѣ послѣднихъ пяти, когда онъ воевалъ съ Византійцами), около 20 Эмина и Мамуна, нѣсколько монетъ позднѣйшихъ халифовъ, и болѣе 200 саманидскихъ: Исмаила, Ахмеда и Насра II, отъ 279 (892) по 330 (941) годъ гиджры. Позднѣйшихъ не было. Обломки, почти все отъ аббасидскихъ монетъ, какъ по старательномъ изысканіи оказалось, не подходили одинъ къ другому, слѣдовательно всѣ принадлежали разнымъ монетамъ [77].

Есть основаніе думать, что подобныя находки имѣли мѣсто и въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ. Въ собственной-же Польшѣ сдѣлано ихъ нѣсколько въ новѣйшее время, какъ узнаёмъ это отъ Лелевеля. Халифскія монеты, которыя здѣсь найдены, и которыя онъ имѣлъ случай видѣть, биты отъ 777 по 818 годъ, а такія же саманидскія — съ 901 по 954 [78].

---

[77] Westpreussische Mittheilungen, III. Jahrg. 1832, Nr. 32—36. Статья *Болена*: Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ Preussische Provinzialblätter, Bd. XIV, October-Heft, s. 313—328.

[78] D'où vient l'argent qu'on trouve en Pologne? — статья *Лелевеля*, во второмъ томѣ его Numismatique du moyen âge. Paris, 1835; и статьи его объ этихъ же монетахъ, помѣщенныя въ 1828 и 1829 годахъ въ «Литературномъ Журналѣ Варшавскомъ», издававшемся *Ширмою* (*Szyrma*).

Въ заключеніе этого обозрѣнія находокъ въ прибалтійскихъ странахъ, остается замѣтить, что есть примѣры ихъ въ Англіи и даже Исландіи. Такъ отъ Марсдена узнаёмъ, что описанные имъ и находившіеся въ его же собраніи: халифскій диргемъ, битый въ Басрѣ въ 182 году (798 по Р. Х.), и два саманидскіе, битые въ Шашѣ, въ 293 и 292 годахъ (906 и 907 по Р. Х.), найдены, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, въ деревнѣ *Dean*, въ 18 верстахъ отъ *Кесвика*, въ *Комберлендѣ*; а третій саманидскій, битый въ 299 г. гиджры (911 по Р. Х.), выпаханъ, въ 1807 году, близъ *Іорка*, въ приходѣ *Флакстонскомъ*, на полѣ, вмѣстѣ съ другою такою же монетою, болѣе чѣмъ съ полутораста англосаксонскими пенни, кольцами, поручнями и другими серебряными вещами [79]. Относительно Исландіи, знаемъ, что здѣсь въ *Mjoadal*, въ *Myrar*'скомъ округѣ, вырыты были въ 1837 году, вмѣстѣ съ разными украшеніями, и двѣ куфическія монеты [80].

Обращаемся теперь къ Россіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, равно какъ и современныя имъ вещи и украшенія Восточной работы, находимы были въ отечествѣ нашемъ издавна, часто, и въ большомъ количествѣ; но на нихъ никто не обращалъ вниманія, имъ не знали цѣны: всѣ эти сокровища шли изъ-подъ земли прямо въ плавильный котелъ, шли тѣмъ скорѣе, что, какъ монеты такъ и вещи, судя по аналогіи, находимы были у насъ, какъ и вездѣ, бо́льшею частію не цѣлыми, а въ обломкахъ. Сколько, можетъ-быть, не говоря о другомъ упо-

---

[79] The oriental coins, ancient and modern, of *W. Marsden*, described by himself. London, 1823. Vol. I, p. 39, 77 и 80.

[80] Société royale des Antiquaires du Nord; rapport des séances annuelles de 1838 et 1839. p. 14.

требленіи этого языческаго и мусульманскаго серебра, надѣлано изъ него однихъ окладовъ на иконы! Изъ испегбедскихъ монетъ, вырытыхъ не очень давно близъ Могилева, извѣстно навѣрное, сдѣланъ былъ тяжелый серебряный бокалъ [81]. Несмотря однако же на такое обращеніе съ находками, и на то, что только немногіе, и то съ недавняго времени, начали беречь и собирать эти монеты, мы находимъ ихъ уже въ огромномъ числѣ въ нашихъ нумизматическихъ собраніяхъ, принадлежащихъ частныхъ лицамъ и правительству. Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія число мусульманскихъ монетъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ было уже такъ значительно, что для приведенія ихъ въ порядокъ, она, въ 1731 году, вызвала изъ Лейпцига, единственнаго въ то время мусульманскаго нумизмата, Кера (Kehr). Въ 1776 году, по показанію Бакмейстера, ихъ считалось уже болѣе 8000 штукъ [82]. Въ 1817, находилось 19,800 [83], и съ тѣхъ поръ число это увеличивается безпрерывно. Какимъ путемъ, отъ кого, откуда бо́льшая часть ихъ попала въ Академію, Френъ, нынѣшній хранитель кабинета Восточныхъ монетъ, не могъ отыскать въ ея архивахъ, но онъ ни мало не сомнѣвается, что древнѣйшія, какъ-то: халифскія, саманидскія и другія, равно какъ изъ позднѣйшихъ джучидскія или золото-ордынскія, найдены въ нѣдрахъ самой Земли Русской [84]. Мало извѣстно также какимъ образомъ составилось богатое собраніе Восточныхъ монетъ въ музеѣ графа Н. П. Румянцова. Въ нумизматическомъ кабинетѣ Института Восточныхъ Языковъ въ С.-Петербургѣ, было въ 1837 году, по каталогу Дорна, всего-на-все 4269 Восточныхъ монетъ, въ томъ числѣ 359 сассанидскихъ и испег-

---

[81] *Лелевель*, Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

[82] Essai sur la bibliothèque et le cabinet des curiosités etc.

[83] Recensio numorum Muhammedanorum acad. Imp. scient. Petropolitanae. p. VIII.

[84] Ibid. и Bullet. scient. Vol. IX, p. 315.

бедскихъ, 404 умейядскихъ и аббасидскихъ, и 308 саманидскихъ. Въ собраніи Восточныхъ монетъ принадлежащихъ Казанскому Университету, по каталогу онымъ, изданному въ 1834 году г. Эрдманомъ [85], было тогда: сассанидскихъ 431, тагеридскихъ 43, бувейгидскихъ 59, гамданидскихъ 9, хановъ Гоей-Гу 76, аглебидскихъ 22. Кромѣ того весьма значительныя собранія куфическихъ монетъ имѣются при эрмитажѣ Зимняго Дворца, при университетахъ Дерптскомъ и Харьковскомъ, и у частныхъ людей, на-примѣръ у графа С. Г. Строгонова въ Москвѣ, покойнаго Д. И. Неѣлова въ Казани, и многихъ другихъ.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ повторить еще разъ, что испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, хранящіяся теперь по разныхъ частнымъ и общественнымъ собраніямъ въ Россіи, зашли въ нихъ съ Востока не въ новѣйшее время, а, за исключеніемъ развѣ очень незначительнаго числа, вырыты изъ земли на пространствѣ нашего же отечества. Это очень хорошо извѣстно владѣтелямъ собраній, и сверхъ-того можетъ быть засвидѣтельствовано всѣми мѣнялами и серебряниками, которые торгуютъ у насъ этими монетами. Что касается до отдѣльныхъ находокъ, то, сравнительно съ прибалтійскими странами, ихъ извѣстно у насъ очень немного, да и это немногое стало извѣстнымъ бо̀льшею частію только мѣсяца-съ-два тому назадъ [86]. Болѣе раннія свѣдѣнія о находкахъ, сдѣланныхъ въ нашихъ прибалтійскихъ про-

---

[85] Numi Asiatici musei univers. litt. Casanensis. Casani, 1834. 4°.

[86] Черезъ помѣщеніе Френомъ въ 20 и 21 номерахъ IX тома Bulletin scientifique, выданныхъ въ свѣтъ 10 декабря прошлаго 1841 года, въ высочайшей степени важнаго для науки перечисленія этого рода находокъ въ Россіи подъ заглавіемъ: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland., nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Кромѣ Френа, который тридцать лѣтъ постоянно и почти одинъ въ цѣлой Россіи трудится надъ Восточною Нумизматикою, интересуясь съ любовью истиннаго ученаго всѣмъ что относится до предмета его занятій, никому и возможно не было знать и написать объ

винціяхъ, чѣмъ о такихъ-же въ другихъ мѣстахъ Россіи, имѣемъ преимущественно въ Финляндіи, какъ странѣ недавно еще принадлежавшей Швеціи. Итакъ, начнемъ нашъ обзоръ съ Великаго Княжества Финляндскаго. Здѣсь:

50. Въ іюнѣ 1686 гола, найдено въ деревне *Sala*, недалеко отъ *Saris*'а, въ приходѣ *Uskil*, въ *Abo-Län*'ѣ, множество англосаксонскихъ и Восточныхъ монетъ [87].

Значительное количество арабскихъ монетъ, вырытыхъ въ разное время въ Финляндіи, подало даже поводъ абовскому профессору Клюбергу написать объ нихъ, въ 1775 году, ученое разсужденіе [88].

51. Въ 1787 году, найдено, въ *Pelkene*, на 40 лотовъ серебра, преимущественно арабскими монетами, вмѣстѣ съ поручнемъ, который одинъ вѣсилъ $14^1/_2$ лотовъ [89].

52. Найденные въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Финляндіи, два цѣлые саманидскіе диргема, изъ коихъ одинъ битъ въ Самаркандѣ въ 915 году, и три обломка, описаны Галленбергомъ [90].

53. За 10 или за 12 лѣтъ предъ симъ, найдены недалеко отъ станціи *Mägrä*, въ 80 верстахъ отъ *С.-Петербурга*, по дорогѣ въ *Кексгольмъ*, 9 серебряныхъ куфическихъ, вмѣстѣ съ 12 другими, по всей вѣроятности англосаксонскими монетами. Первыя, по объясненію Френа, были: 1 аббасидская, 4 саманидскихъ, 1 бувейгидская, 1 мерванидская, 1 туркистанскаго илека Насра, и 1 туркистанская же двуязычная. Старѣйшею была саманидская 913 года; позднѣйшею—туркистанская 1008-9 года [91].

этихъ находкахъ столько, сколько знаетъ и написалъ онъ въ помянутой статьѣ. Да если что извѣстно было объ нихъ и прежде, такъ благодаря трудамъ сего же знаменитаго ученаго.

[87] *Ледебуръ*, s. 38.

[88] Dr. *C. A. Clewberg*: De numis Arabicis in patria repertis, dissertatio prior. Aboae, 1775. 4°. Продолженія не являлось въ свѣтъ.

[89] *Лиліегренъ*, s. 203.

[90] Въ его Quatuor monumenta aenea e terra Svecia eruta. Stockholmiae, 1802. p. 60.

Въ С.-Петербургской Губерніи:

54. Въ 1799 году, баронъ Ашъ писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену въ Ростокъ, что при разлитіи Невы извлеченъ недавно изъ земли сосудъ съ халифскими и армянскими (?) монетами, которыя, почти всѣ, пошли въ переплавку [92].

Объ этой же самой находкѣ, вѣроятно, писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену же, въ 1800 году и надв. сов. Kah; онъ сообщалъ, что изъ числа монетъ, избѣжавщихъ плавильнаго горшка, 13 пріобрѣтены имъ самимъ, а 3 аббасидскія и 3 саманидскія — португальскимъ посланникомъ кавалеромъ D'Horta [93]. Разысканія Френа объ этой находкѣ привели его къ тому только, что случилась она не въ 1799, а въ 1797 году, въ *Галерной-Гавани*, на *Васильевскомъ-Острову*, и что составлявшія ее куфическія монеты (армянскихъ никакихъ не было и быть не могло), разошлись по рукамъ тамошнихъ жителей. Одна изъ нихъ, сообщенная Френу г. Усовымъ, оказалась африканскимъ диргемомъ, битымъ въ Аббасійѣ, вѣроятно въ 780 году, намѣстникомъ халифа Могди, знаменитымъ Іезидъ Ибнъ-Хатимомъ [94].

55. Въ числѣ куфическихъ монетъ, найденныхъ довольно времени тому, въ *Старой-Ладогѣ*, и сообщенныхъ Френу г. Томиловымъ, находилась между прочими одна мервванидская, битая въ 1002 году [95].

56. «Въ 1809 или въ 1810 году, рыбакъ, крестьянинъ г. Бестужева, нашелъ, что дерево, къ которому онъ обыкновенно привязывалъ свою лодку, на берегу *Ладожскаго Озера*, въ 12 верстахъ отъ устья *Волхова* — сломано бурею. Занимаясь прикрѣпленіемъ суденышка своего къ

---

[91] Bullet. scient. Vol. IX. p. 332.

[92] Hartmann's Wanderungen. II Th., 2. Abth, s. 41.

[93] *Ледебуръ*, l. c. s. 39.

[94] Bulletin scientifique, l. c. p. 330—331.

[95] Bullet. scient. l. c. p. 331.

оставшемуся корню, онъ примѣтилъ, что волны глубоко вымывали и уносили землю изъ-подъ этого корня, а скоро изумленнымъ глазамъ его представилось и множество серебряныхъ монетъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, увидѣлъ онъ что тутъ зарыта цѣлая бочка съ монетами, и что дерево посажено было надъ нею, чтобы можно было признать мѣсто клада. Два раза нужно было крестьянину нагружать лодку, чтобы найденное сокровище перевезти въ свою деревню, гдѣ скоро разнесся объ этомъ слухъ, въ-слѣдствіе чего явились притязанія со-стороны земской полиціи и владѣтельницы имѣнія. Онѣ были удовлетворены семью пудами; но крестьянинъ, должно-быть, удержалъ у себя еще значительное количество, потому-что черезъ нѣсколько лѣтъ выкупился на волю со всею семьею и отправился въ Тихвинъ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домъ и завелъ небольшую торговлю. Кладъ состоялъ бо̀льшею частію изъ куфическихъ монетъ, и къ-сожалѣнію отправился въ плавильный котелъ». Свѣдѣніе это доставлено Френу извѣстнымъ нумизматомъ г. Рейхелемъ [96].

Въ Эстляндіи:

57. Въ 1685 году, у *Jervis*'а въ приходѣ *Karusen*, вырытъ большой кладъ арабскихъ монетъ, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько англосаксонскихъ, королей Этельреда, Канута-Великаго, Гаральда I, Гарда-Канута, Эдуарда-Исповѣдника и Гаральда II, равно-какъ и большое количество современныхъ монетъ нѣмецкихъ князей и епископовъ [97].

58. Изъ 17 куфическихъ монетъ, хранящихся въ музеумѣ Геттингенскаго Университета, 12, по словамъ тамошняго ученаго Т. Х. Тихсена, найдены были на *Ревельской* землѣ, въ глиняномъ сосудѣ; 8 изъ нихъ, по описанію его, умейядскія и аббасидскія, а 4 саманидскія. Древнѣйшая бита въ 716, позднѣйшая въ 942 по Р. Х.[98].

---

[96] Bullet. scient. l. c. p. 331.

[97] *Лиліегренъ*, s. 167. *Brenneri* Thesaur. numm. p. 266.

[98] Comment. soc. reg. scient. Göttingen. Vol. IX, p. 108.

59. Въ 1813 году, подъ *Ревелемъ*, въ имѣніи *Bickel*, принадлежащемъ барону Икскулю, найдено значительное количество серебряныхъ колецъ и украшеній, вмѣстѣ съ цѣлыми и разломанными Восточными монетами [99].

Въ Лифляндіи:

60. Изъ письма профессора Ринка къ О. Тихсену, въ 1794 году, узнаёмъ, что, около четырехъ лѣтъ передъ тѣмъ, найдено около *Риги* 36 куфическихъ монетъ [100].

61. Въ 1821 году, въ 70 верстахъ къ юговостоку отъ *Дерпта*, въ *Wendau*'скомъ пасторатѣ — вмѣстѣ съ англосаксонскими монетами Этельреда, 7 серебряныхъ куфическихъ, именно 2 саманидскія 960 и 962 года, 1 вѣроятно булгарской поддѣлки саманидская, 1 илека туркистанскаго, битая въ 1008—9 году въ Бухарѣ, и 3 мерванидскія, битыя съ 997 по 1011 годъ по Р. Х. [101].

62. 38 куфическихъ монетъ, поступившія въ мюнцкабинетъ сенатора Германа въ Ригѣ, изъ числа составлявшихъ одну изъ лифляндскихъ находокъ, оказались, по разсмотрѣніи ихъ Френомъ: 36 — аббасидскими десяти разныхъ халифовъ, и 2 — тагеридскими. Биты всѣ въ періодъ времени отъ 751 по 872 годъ по Р. Х. [102].

63. Описанныя д-ромъ Гансеномъ, 43 куфическія монеты, изъ числа найденныхъ въ разное время въ Лифляндіи, преимущественно въ *Дерптскомъ* Округѣ, суть, за исключеніемъ нѣсколькихъ халифскихъ и тагеридскихъ, одной гамданидской и одной окайлидской, все саманидскія. Самая древняя бита въ 785 году; самая поздняя относится къ концу X вѣка по Р. Х. [103].

64. Въ исходѣ 1839 года, найдено крестьянами въ *Оберпаленъ*, при очищеніи подъ пашню поросшей кустар-

---

[99] *Лидебуръ*, s. 42. Онъ слышалъ объ этомъ отъ графини Сиверсъ.

[100] *Гартмана* Wanderungen; l. c. p. 40.

[101] *Френъ*, въ Journ. Asiat. T. IV, p. 375, и въ Bullet. scient. l. c. p. 328.

[102] Bullet. scient., l. c. p. 328.

[103] Recensio LXIII numorum Arabicorum, quorum major pars in Agro Dorpatensi reperta est. Dorp. 1838.

никомъ земли, много серебряныхъ англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ; 12 изъ числа послѣднихъ описаны Гансеномъ, и принадлежатъ: 2 Аббасидамъ, 5 Саманидамъ, 2 Гамданидамъ, 2 Бувейгидамъ и 1 по всей вѣроятности Окайлидамъ. Это самая поздняя и бита въ 996 году. Самою древнею была саманидская 895 года по Р. Х. [104].

Въ Курляндіи:

65. Въ 1796 году, вблизи городка *Гробина*, открылъ мельникъ, на казенномъ участкѣ земли, горшокъ, въ которомъ было болѣе 100 куфическихъ монетъ, въ томъ числѣ много разломленныхъ по-поламъ, и слитокъ серебра, что все, какъ казенная собственность, продано было въ томъ же году съ аукціона, и куплено евреемъ, который бо́льшую часть находки уступилъ золотыхъ дѣлъ мастеру въ Митавѣ. Этотъ пустилъ ихъ въ переплавку, такъ что отъ истребленія спаслось только около 20-ти, пріобрѣтенныхъ у него двумя любителями Нумизматики. Восемь изъ нихъ, хранящіяся теперь въ музеумѣ Курляндскаго Общества Литературы и Искусствъ, и описанныя въ «Трудахъ» его, принадлежатъ: Аббасидамъ—5, Саманидамъ—2, Бувейгидамъ—1. Изъ аббасидскихъ двѣ биты въ Африкѣ. Самая древняя изъ осьми монетъ бита въ 766 году, самая поздняя въ 946 году по Р. Х. [105].

66. Въ 1823 году, сообщена была Френу статскимъ совѣтникомъ Рекэ одна испегбедская монета, найденная на *Talsen*'ской землѣ [106].

Бѣлорусскія губерніи также всѣ извѣстны находками. Изъ одной такой, имѣвшей мѣсто въ Минской Губерніи,

67. Поступило, въ 1835 году, въ Азіятскій Музеумъ

---

[104] Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. I, Heft 1, s. 68—72. Bullet. scientif. l. c. p. 329.

[105] Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Bd. II, s. 395, и Sendungen того же общества, Bd. 1, s. 70. См. также *Ледебура*, s. 43, и *Френа*, въ Bull. scient. l. c. p. 327, выноска 54.

[106] Bullet. scient. l. c. p. 327.

Императорской Академіи Наукъ, 21 серебряная куфическая монета. Изъ того числа 1 была умейядская, битая въ 748, бо́льшая часть аббасидскія, съ 751 по 816 годъ, и между ними двѣ африканскія, битыя въ 791 и 796 гг. да нѣсколько африканскихъ же, Ибрагима I и Идриса I, битыхъ въ 802 и 790 годахъ по Р. Х. [107].

Въ Могилевской Губерніи:

68. Найдены въ 1822 году, въ городѣ *Гомелѣ*, при нивеллированіи рыночной площади, 82 серебряныя саманидскія монеты, битыя съ 896 по 943 годъ по Р. Х. [108].

69. Въ томъ же году, попался Френу въ Москвѣ, въ серебряномъ ряду, цѣлый мѣшокъ съ древними Восточными серебряными монетами, которыя привезъ туда еврей изъ *Могилевской* Губерніи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ были онѣ найдены. Въ мѣшкѣ заключалось ихъ вѣсомъ болѣе чѣмъ на 7 фунтовъ. Число цѣлыхъ монетъ простиралось до 1300; половинокъ и четвертушекъ было еще болѣе. Находка эта состояла изъ монетъ: 1) испегбедскихъ; ихъ находилось нѣсколько сотенъ, съ надписями какъ на одномъ пеглевійскомъ, такъ и на пеглевійскомъ и арабскомъ вмѣстѣ. Послѣднія относятся къ VIII столѣтію нашей эры и къ началу IX. 2) Восточныхъ Умейядовъ, съ 999 по 747 годъ. 3) Аббасидскихъ, съ 749 по 815. Монеты намѣстниковъ первыхъ въ Африкѣ биты между 729 и 731; намѣстниковъ ихъ въ Испаніи — между 728 и 736. Монеты аббасидскихъ намѣстниковъ въ Африкѣ — между 768 и 799. 4) Западныхъ или Испанскихъ Умейядовъ, съ 767 по 802; и наконецъ 5) Эдрисидовъ, съ 789 по 802 г. по Р. Х. Изъ куфическихъ монетъ этой находки далеко бо́льшая часть бита къ Африкѣ, и довольно значительное число въ Испаніи [109].

---

[107] Bullet. scient. l. c. p. 323.

[108] Journ. de St.-Pétersbourg. 1825. Nr. 100. Bullet. scient. l. c. p. 324.

[109] *Френъ*, въ Ibn Foszlan's Russen, s. 49; Journal Asiat. T. II. p. 21, и Bullet. scient. l. c. p. 325.

Въ Витебской Губерніи:

70. Найденныя здѣсь кантонистами мѣстнаго батальона 3 серебряныя цѣлыя монеты и 4 монетныхъ обломка препровождены были, въ 1839 году, г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, и оказались принадлежащими: 1 десятому умейядскому, 3 тремъ первымъ аббасидскимъ халифамъ, стало быть изъ VIII вѣка нашей эры, и 1, битая въ 834 году по Р. Х., третьему эмиру тагеридскому, Абдъ-ул-Лаху [110].

Изъ собственно русскихъ губерній, знаемъ о такихъ находкахъ въ Смоленской:

71. Въ 1785 году, прислалъ Палласъ въ Императорскую Академію Наукъ извѣстіе о 12 Восточныхъ монетахъ, здѣсь найденныхъ, изъ котораго можно видѣть, что это были испегбскія, умейядскія и аббасидскія монеты VIII вѣка [111].

72. Восточныя же монеты найдены, при разламываніи одной древней башни, въ самомъ Смоленскѣ. Находка эта хранится въ тамошней губернской гимназіи [112].

73. Въ 1830 году, вырыто, въ этой же губерніи, 10 саманидскихъ монетъ X вѣка, которыя Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Академіи Наукъ [113].

Въ Псковской:

74. «Въ полуверстѣ отъ города *Великихъ-Лукъ*, на мѣстѣ гдѣ видны еще развалины древняго городища, а теперь стоятъ только двѣ крестьянскія избы, нашли пастухи, въ 1802 или 1803 году, копаясь въ пескѣ на берегу *Ловати*, сначала нѣсколько разсѣянныхъ тамъ-и-сямъ почернѣвшихъ монетъ. Вскорѣ потомъ наткнулись они на небольшой сундучокъ, въ которомъ были такія же начинавшія чернѣть монеты. Наконецъ, при дальнѣйшемъ ро-

---

110 Bullet. scient. l. c. p. 326.

111 Bullet. scient. l. c. p. 325—326.

112 Объ этомъ узналъ я отъ Н. Н. Мурзакевича, уроженца смоленскаго.

113 Bullet. scient. l. c. p. 326.

зысканіи, отрыли они еще большой сундукъ, который, выскользнувъ у нихъ изъ рукъ, скатился съ крутаго берега въ рѣку, отчего высыпалась въ нее и часть заключавшихся въ немъ монетъ. Когда съ большимъ трудомъ вытащили они сундукъ изъ воды опять на берегъ, оставшихся въ немъ монетъ оказалось еще значительное количество. Вся находка долженствовала вѣсить отъ 6 до 7 пудовъ, и продана была въ Тоснѣ, во время тамошней ярманки, купцу. Мѣсто на берегу, гдѣ найдены монеты, отмывалось ежегодно водою болѣе и болѣе, такъ-что сдѣлалось теперь совершенно плоскимъ». Такъ писалъ къ Френу покойный Пфлугъ, въ 1818 году, когда купилъ для себя часть этой находки [114]. Френъ описалъ тогда только неизданныя дотолѣ монеты изъ числа пріобрѣтенныхъ Пфлугомъ [115]. Это были: 2 халифскія монеты, битыя въ 932 и 934 годахъ, 41 саманидская, съ 924 по 974 годъ; 4 бувейгидскія, изъ которыхъ самая поздняя бита въ 974 году; 4 зіяридскія; съ 969 по 977 годъ; 1 гамданидская 948 или 958 года, и 1 хорезмшаховъ, битая въ 959 году.

75. Въ 1836 году, сообщена была Френу княземъ Волконскимъ сдѣланная въ этой же губерніи находка. Она состояла изъ около 40 цѣлыхъ и 33 разломанныхъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ халифскихъ, битыхъ съ 872 по 944 годъ; саманидскихъ, съ 897 по 952, и наконецъ 5 волжско-булгарскихъ обломковъ [116].

76. Въ *Островскомъ* Уѣздѣ, въ 12 верстахъ отъ города *Острова*, въ курганѣ, на берегу рѣки *Вэликой*, найдено въ кожаномъ кошелькѣ 100, бо́льшею частію превосходно сохранившихся, куфическихъ монетъ. Находка эта, извѣстіе о которой сообщено г. Булгаринымъ, не была описана никѣмъ знающимъ дѣло [117]. Одну изъ составляв-

---

[114] Bullet. scient. l. c. p. 322.

[115] Novae symbolae ad rem numar. Muhammed. p. 1—27.

[116] Bullet. scient. l. c. p. 322—323.

[117] Сѣверная Пчела 1837 года, № 141.

шихъ ее монетъ получилъ я отъ г. Мурзакевича; это аббасидская, битая въ Багдадѣ, въ 156 году гиджры (772 по Р. Х.).

Въ Новгородской:

77. Найденныя въ 1833 году, въ *Череповецкомъ* Уѣздѣ и препровожденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, 5 серебряныхъ монетъ оказались: 2 халифскими, битыми въ 849 и 759 годахъ, а 3 тагеридскими 856, 862 и 863 годовъ по Р. Х.[118].

78. Изъ 3 цѣлыхъ и 3 половинокъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ томъ же году, близъ города *Демянска*, и присланныхъ въ Академію, 5 было халифскихъ, съ 716 по 823 годъ, и 1 тагеридская 824-5 года по Р. Х.[119].

79. Въ 1829 году, въ *Валдайскомъ* Уѣздѣ, на озерѣ *Шлинѣ*, вытащенъ рыбаками, изъ-подъ подмытаго водою дуба, сильно поврежденный временемъ, боченокъ и въ немъ около 200 серебряныхъ монетъ: 5 изъ этого числа, видѣнныя Френомъ, были всѣ саманидскія, битыя съ 928 по 951 годъ по Р. Х.[120].

Въ Ярославской:

80. Работавшими на ярославскомъ шоссе, между городомъ *Ростовомъ* и деревнею *Новоселками*, сдѣлана была, въ 1836 году, очень любопытная находка древнихъ серебряныхъ вещей, купленная потомъ для Азіятскаго Музея Императорской Академіи Наукъ. Изъ отчета представленнаго объ ней Френомъ заимствуемъ слѣдующія подробности. Всѣ найденныя вещи, числомъ 108, вѣсили около 1 фунта 24 золотниковъ. Это были: маленькія застежки, маленькія въ видѣ полулунія пластинки съ придѣланными къ нимъ остреями, обломки трубочекъ нѣсколько конической формы, согнутая серебряная проволока, дутые шарики, пуговицеобразныя вещицы, отчасти прикрѣпленныя къ кожѣ, дру-

---

118 119 120 Bullet. scient. l. c. p. 321.

гія такого же рода съ ушками или кольцами, продолговатыя оковки, и многія тому подобныя вещи, все такія которыя служили украшеніемъ конской сбруѣ, и наконецъ одна монета съ придѣланнымъ къ ней ушкомъ. На многихъ изъ помянутыхъ пластинокъ и пуговочекъ находятся арабскія слова, какъ: *берекетъ* (благословеніе!), или *эс-султанъ* или *лиллахъ* (во славу Божію!), или имя Божіе, *Аллахъ*, нѣсколько разъ повторенное. Почеркъ этихъ надписей относится по-видимому къ XI столѣтію нашей эры; но монета найденная вмѣстѣ съ этими вещами принадлежитъ X-му. Это диргемъ саманида Нуха II, сына Мансурова, битый въ Шашѣ, въ 982 или 985 году по Р. Х., на основаніи чего должно полагать, что находка зарыта была послѣ X вѣка. Вышеприведенныя арабскія слова, встрѣчаемыя на многихъ изъ помянутыхъ вещей, заставляютъ заключать, что сіи-послѣднія суть всѣ Восточнаго происхожденія, и, по-крайней-мѣрѣ первоначально, принадлежали какому нибудь магометанину — обстоятельство важное, тѣмъ болѣе что даетъ намъ возможность опредѣлить отечество и другихъ, частію очень сходныхъ, серебряныхъ украшеній, находимыхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы; ибо хотя таковыя и признаются археологами за произведенія Восточнаго искусства временъ всемірнаго владычества Арабовъ [121], однакоже, сколько извѣстно, доселѣ не найдено было ни одной такой, которая-бы находящимися на ней арабскими надписями свидѣтельствовала опредѣлительно свое Восточное происхожденіе [122].

Въ Владимірской:

81. Близь *Владиміра-на-Клязьмѣ*, найдены въ курганѣ, вмѣстѣ съ серебряными куфическими монетами, таковыя же германскихъ императоровъ Оттона II, Оттона III и Генриха (?). Часть этой находки пріобрѣтена въ 1821 году,

---

[121] *Ледебуръ*, l. c. s. 10 и 46.

[122] Bullet. scient. l. c. p. 318—320.

въ Москвѣ, покойнымъ нумизмофиломъ Неѣловымъ. Куфическія монеты этой части были: 1) умейядскія и аббасидскія, битыя съ 699 по 818 годъ, въ томъ числѣ африканскія, съ 774 по 787 годъ; 2) одна тагеридская 823 года; 3) саманидскія, битыя съ 906 по 977 годъ; 4) бувейгидскія, съ 975 по 979. Древнѣйшая монета относится такимъ образомъ къ 699, позднѣйшая къ 979 году, «предполагая»— говоритъ Френъ — «что всѣ принадлежатъ къ одной находкѣ» [123].

Въ Рязанской:

82. Въ началѣ 1839 года, въ селѣ *Бѣломъ-Омутѣ*, лежащемъ въ *Зарайскомъ* Уѣздѣ, на берегу Оки, противъ мѣста гдѣ видны еще остатки древняго города Перевитеска, найденъ, при рытьѣ земли подъ сваи, горшокъ съ серебряными монетами. Находка эта, поступившая въ собственность Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, благодаря его президенту, по разсмотрѣніи мною, оказалась состоящею изъ 25 цѣлыхъ, болѣе или менѣе истершихся, 10 обломанныхъ, 6 переломленныхъ по-поламъ, и 16 кусковъ куфическихъ монетъ. Многія изъ монетъ были проткнуты, иныя даже въ двухъ мѣстахъ. Куски и половинки, по тщательномъ сличеніи, найдены не подходящими одни къ другимъ и принадлежащими разнымъ монетамъ. Относительно происхожденія этихъ монетъ, изъ нихъ, какъ цѣлыхъ, такъ и обломковъ, 2 было аббасидскихъ, 41 саманидскихъ, 5 зіяридскихъ, 4 бувейгидскихъ, 3 волжско-булгарскихъ, и еще 2 такихъ обломка, на которыхъ ничего не видно. Относительно времени битья, самая ранняя есть аббасидская, битая въ 899, самая поздняя, волжско-булгарская, битая въ 976 или 986 году по Р. Х. Составленное мною подробное описаніе этой находки издано въ свѣтъ на счетъ означеннаго Общества [124].

---

[123] Muhammed. Münzkabinet, s. 120; Bullet. scient. l. c. p. 318.

[124] Подъ заглавіемъ: «Описаніе куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, въ 1839 году». С.-Петербургъ. 1841. 4°. Въ настоящей статьѣ

Въ Тульской:

83. Въ 1821 году, получилъ Френъ изъ Москвы извѣстіе что около семи верстъ отъ *Тулы* крестьянинъ, вспахивая землю, нашелъ сосудъ, въ которомъ было около 200 куфическихъ серебряныхъ монетъ [125].

84. Въ 1823 году, въ *Крапивенскомъ* Уѣздѣ, близь принадлежащихъ г. Лазареву деревни *Лапотковой* и села *Покровскаго*, найдены, при паханіи поля, 62 такія же монеты, вмѣстѣ съ парою серебряныхъ рукоятокъ, и кускомъ зеленаго воска съ оттискомъ на немъ (по видимому) печати. Древнѣйшая изъ монетъ относится къ 710 или 711 году, позднѣйшая къ 816 или 817 году по Р. Х. Частію онѣ азіятскія, частію африканскія. Первыя составляютъ большинство, и, за исключеніемъ 6 испегбедскихъ, биты халифами, съ 710-11 по 816-17 годъ. Испегбедскія есть съ надписями на пеглевійскомъ и арабскомъ вмѣстѣ. Изъ послѣднихъ, на трехъ написано куфическими буквами имя Омара (т. е. Омара Ибнъ-эль-Аѣлы), который съ 772 по 778, и съ 781 по 783 годъ былъ два раза намѣстникомъ въ Таберистанѣ отъ имени халифовъ Мансура и Могди. 12 африканскихъ монетъ этой находки принадлежатъ частію Мугаллебидамъ, и биты въ Кайрованѣ и Аббасійѣ съ 779 по 792 годъ, частію Идрисидамъ, и биты въ Мавританіи, въ городѣ Бедаѣ, съ 790 по 803 годъ нашего лѣтосчисленія. Саманидскихъ монетъ въ этой находкѣ и слѣда не было [126].

85. Отъ г. Покровскаго, изъ *Бѣлева*, получилъ Френъ, въ 1829 году, найденныя тамъ три монеты: халифа Гаруна, битую въ 806-7 году, саманида Нуха I, битую въ 951-52, и африканскую Идриса II, битую въ 796-97 году по Р. Х. [127].

представляются обѣщанныя въ этой книжкѣ доказательства исторической цѣнности подобныхъ находокъ для объясненія древнѣйшихъ судебъ нашего отечества.

[125] Bullet. scient. l. c. p. 316.

[126] St.-Petersburger Zeitung, 1828, Nr. 11; Bullet. scient. l. c. p. 317.

[127] Bullet. scient. l. c. p. 317 и 318.

86. Въ 1834 году, принесены г. Барышниковомъ въ даръ Азіятскому Музеуму Императорской Академіи Наукъ 9 куфическихъ монетъ, найденныхъ близь *Острога* въ *Каширскомъ* Уѣздѣ. Это были: 5 халифскихъ, съ 739 по 816 годъ, и 4 тагеридскія, съ 862 по 870 годъ [128].

Въ Казанской:

87. Изъ найденнаго здѣсь, въ 1840 году, большаго количества куфическихъ серебряныхъ монетъ, 365 пріобрѣтены графомъ С. Г. Строгановымъ; по разсмотрѣніи ихъ Френомъ, оказалось, что изъ того числа 4 аббасидскихъ и 6 соффаридскихъ биты съ 806 по 907 годъ. Остальныя, все саманидскія, биты съ 893 по 913 годъ нашей эры [129].

Эту-послѣднюю находку почитаетъ Френъ самою восточною изъ всѣхъ извѣстныхъ такого рода. Сталенбергъ однако же говоритъ, что на *Печорѣ* и въ-особенности около города *Чердыня* (Пермской Губерніи) находятъ въ курганахъ много монетъ древнихъ арабскихъ халифовъ [130]; но Френъ, на томъ основаніи, что во все время пребыванія его въ Россіи, никогда не доходило до свѣдѣнія его о такихъ находкахъ въ этихъ краяхъ, и что авторитетъ «добраго» Страленберга въ опредѣленіи древнихъ Восточныхъ монетъ кажется ему не довольно силенъ, сомнѣвается въ вѣрности приведеннаго Страленбергова извѣстія, и полагаетъ, что монеты, принятыя симъ-послѣднимъ за древнія халифскія, могли быть позднѣйшія, золото-ордынскихъ хановъ [131]. Раздѣляя съ знаменитымъ нумизматомъ сомнѣнія его относительно Страленберговыхъ познаній въ Мусульманской Нумизматикѣ, я смѣю думать однако же, что вопросъ о томъ, какія монеты видѣлъ Страленбергъ — дѣйствительно халифскія, или какія либо другія позднѣйшія, на-примѣръ джу-

---

[128] Bullet. scient. l. c. p. 317 и 318.

[129] Описаніе этой находки помѣщено *Френомъ* въ Bullet. scient. Vol. IX, Nr. 19, p. 295.

[130] Beschreibung von Nord- und Ost-Europa. s. 103.

[131] Bullet. scient. p. 302, выноска 2.

чидскія — можетъ оставаться еще sub judice, ибо покуда ни того, ни другаго, нельзя ни утверждать, ни отрицать положительно.

Въ Таврической:

88. Въ 1824 году, получилъ Френъ отъ г. Шпревица изъ Москвы, 82 серебряныя монеты, которыя, какъ писалъ г. Шпревицъ, найдены «должно быть» въ *Крыму*, въ развалинахъ древняго *Херсона*, между *Севастополемъ* и *Балаклавою*. Это были халифскія и тагеридскія, битыя съ 728 по 870 годъ, и одна аглебидская, 803 года по Р. Х. [132].

Это самая южная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ этого рода находокъ, если только она дѣйствительно имѣла мѣсто тамъ, гдѣ ее полагаютъ найденною. Ею и оканчиваемъ наше перечисленіе.

Теперь, чтобы приготовиться къ историческимъ выводамъ которые намѣреваюсь сдѣлать изъ свѣдѣній объ этихъ находкахъ, бросимъ на нихъ предварительно одинъ общій взглядъ.

Всѣ найденныя доселѣ въ исчисленныхъ и другихъ случаяхъ Восточныя монеты принадлежатъ къ одному періоду времени — отъ начала VIII по начало XI вѣка включительно. Большинство относится къ послѣдней четверти IX и тремъ первымъ X вѣка [133]. Иногда попадаются и болѣе раннія, изъ конца VII вѣка, какъ испегбедскія и первыя умейядскія; но позднѣйшихъ начала XI вѣка въ извѣстныхъ находкахъ не случалось, такъ-что монета 1012 года, найденная на Оландѣ, въ 1771 году, какъ считалъ ее Адлербетъ, такъ и теперь, остается самою младшею [134].

Относительно мѣста происхожденія своего, монеты эти

---

[132] Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences. (5-me serie) T. X, p. 397; Bullet. scient. I. c. p. 323.

[133] *Френъ*, въ Bullet. l. c. p. 304, и другихъ мѣстахъ.

[134] У *Ледебура*, s. 19, и *Боленъ*, l. c. s. 326.

суть или азіятскія, или африканскія и испанскія. Азіятскія принадлежатъ Испегбедскимъ князьямъ, халифамъ изъ рода Умейи и Аббаса, Тагеридамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Зіяридамъ, Бувейгидамъ и отчасти Гамданидамъ, Окайлидамъ, Мерванидамъ, Туркистантскимъ Илекамъ и другимъ, вообще мусульманскимъ династіямъ, властвовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи, отъ Евфрата до Сыръ-Дарьи. Къ этому разряду можно причислить нѣкоторымъ образомъ и монеты Волжскихъ Булгаръ. Африканскія, которыя изъ всѣхъ прибалтійскихъ странъ, находимы были, въ значительномъ количествѣ, только въ одной Россіи, биты намѣстниками Восточныхъ Умейядовъ и Аббасидовъ, Аглебидами и Идрисидами. Испанскія, найденныя доселѣ только въ Россіи, и то, сколько извѣстно, однажды [135], принадлежатъ намѣстникамъ Умейядовъ Восточныхъ и Умейядамъ Западнымъ. Нѣкоторые ученые прошедшаго столѣтія, на-примѣръ Адлербетъ [136] и О. Тихсенъ [137], утверждали, а за ними повторяютъ Размуссенъ [138] и Ледебуръ [139] въ нынѣшнемъ, что въ прибалтійскихъ находкахъ не встрѣчалось никогда мусульманскихъ монетъ династій египетскихъ, африканскихъ, испанскихъ и сицилійскихъ, и эти ученые были отчасти правы: относительно египетскихъ и сицилійскихъ, положеніе ихъ и доселѣ сохраняетъ всю свою силу, распространяя его даже и на Россію; испанскія, какъ уже замѣчено найдены только въ Россіи, и то черезъ долгое время по кончинѣ обоихъ помянутыхъ ученыхъ; африканскія-же, если и находимы были въ прибалтійскихъ странахъ, какъ это неоспоримо доказываетъ Френъ [140], то О. Тихсенъ и дру-

---

[135] Въ Могилевской Губерніи, въ 1822 году. См. находку № 69. Bullet. scient. I. c. p. 307.

[136] У *Ледебура*, s. 19.

[137] Introductio in rem num. Moham. p. 80.

[138] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia. p. 11 et 57.

[139] S. 18, 19, 36.

[140] Bullet. scient. p. 307—309. См. находку подъ № 31.

гіе современные нумизматы принимали ихъ, по незнанію, за азіятскія. Вообще должно сказать, что число найденныхъ африканскихъ и въ сравненіе не можетъ идти съ числомъ азіатскихъ. Изъ сихъ-послѣднихъ, кромѣ саманидскихъ и аббасидскихъ, монеты другихъ вышеисчисленныхъ династій попадаются также не въ большомъ количествѣ въ сравненіи съ монетами этихъ двухъ, составляющими главную часть почти всѣхъ находокъ. Количество ихъ, извлеченное изъ земли въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ, по истинѣ приводитъ въ изумленіе. Когда Френъ разбиралъ, въ 1817 году, Восточный мюнцкабинетъ нашей Академіи Наукъ, ему попадалось нерѣдко до 300 экземпляровъ одной и той же саманидской монеты [141]. Онъ и Адлербетъ того мнѣнія, что саманидскія однѣ превышаютъ числомъ своимъ монеты всѣхъ прочихъ династій [142]. На Прусскомъ побережьѣ, по замѣчанію Адлера, находятъ болѣе аббасидскія, на Шведскомъ и Померанскомъ — болѣе саманидскія [143]. Замѣчательно также и то, что послѣднія никогда не встрѣчаются въ одной находкѣ съ африканскими [144]. За монетами этихъ двухъ династій, по степени количества въ какомъ ихъ находятъ, я думаю можно помѣстить испегбедскія и умейядскія. Первыя попадаются преимущественно въ Бѣлоруссіи [145].

Монеты эти находятъ или однѣ, несмѣшанныя ни съ какими другихъ странъ, и ни съ какими другими вещами, или вмѣстѣ съ монетами другихъ народовъ, и различными вещами и украшеніями, часто золотыми. Первое случается по-видимому, чаще въ Россіи; послѣднее—въ сосѣднихъ прибалтійскихъ земляхъ. Чуземныя монеты, попадающіяся въ сообществѣ куфическихъ, бываютъ преимущественно англосаксонскія, нѣмецкія и византійскія, и всегда современныя

---

141 Recensio num. p. X.

142 у *Ледебура*, s. 18—19. Bullet. scient. l. c. p. 304.

143 у *Болена*, l. c. p. 327.

144 Bullet. scient. l. c. p. 310. Сравни находки № 31, 67, 69, 84.

145 *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

имъ, т. е. IX, X и XI вѣка. Мнѣ самому не удавалось видѣть вещей и украшеній находимыхъ вмѣстѣ съ монетами; но тѣ, которые видѣли ихъ и подвергали изслѣдованію, не сомнѣваются ни мало въ ихъ древности и Восточномъ происхожденіи [146]. Подтвержденіемъ достовѣрности этого мнѣнія, можетъ служить, какъ замѣчено выше, и ярославская находка № 80.

Что касается до металла этихъ монетъ, то обыкновенно находятъ и находили серебряныя, между которыми золотыя попадаются какъ рѣдкія исключенія, а мѣдныя не попадались никогда [147].

Иногда монеты эти находятъ отлично хорошо сохранившимися, такъ-что кажется будто онѣ попали подъ землю прямо съ монетнаго двора. Иногда — довольно потертыми, обломанными, съ проверченными дырочками. Часто — въ половинкахъ и даже очень мелкихъ кускахъ. Нерѣдко масса кусковъ и половинчатыхъ монетъ далеко превосходитъ число цѣлыхъ. Но замѣчено, что куски эти и половинки, въ бо́льшей части находокъ, принадлежатъ всегда разнымъ монетамъ, которыхъ остальныя соотвѣтствующія части тутъ не находятся: ни одинъ кусокъ, ни одна половинка не подходятъ къ другимъ таковымъ же, изъ чего видно, что это раздробленіе произошло умышленно, до ихъ зарытія, а не послѣ, отъ неосторожности при выкапываніи [148].

Наконецъ, относительно мѣстности находокъ, замѣтимъ

---

[146] *Ледебуръ*. passim. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей и украшеній могутъ быть не только арабской или персидской, но даже индѣйской работы, какъ золотое кольцо, найденное въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, близъ Монтроза, въ Шотландіи, и описанное извѣстнымъ антикваріемъ *Дж. Тодомъ*, въ Transactions of the royal asiatic society. Vol. II. p. 559 (London. 1830).

[147] *О. Тихсенъ*, l. c. p. 80, и другіе. Если въ нашихъ мюнцкабинетахъ и имѣются фульсы аббасидскіе, саманидскіе, тагеридскіе и другіе, то извѣстно положительно, что они привезены въ новѣйшее время, и открыты въ древнихъ Саманидскихъ Владѣніяхъ.

[148] *О. Тихсенъ*, l. c. p. 81, и другіе.

что онѣ случаются и въ лѣсахъ, подъ старыми деревьями, и на пашняхъ, и на высотахъ, и подъ камнями, вездѣ, но преимущественно по близости городовъ и дорогъ, которые, въ началѣ и половинѣ Среднихъ Вѣковъ, извѣстны какъ торговые, или неизвѣстны еще, но должны быть такими [149].

Когда-же попали эти диргемы на востокъ и сѣверъ Европы? Какимъ путемъ зашли они туда? Кто засѣялъ ими все пространство отъ Норвегіи и береговъ Эльбы до Оки и Камы? Что доказываетъ ихъ присутствіе въ этихъ странахъ? Вотъ вопросы, рождающіеся необходимо при представленіи себѣ этихъ подземныхъ богатствъ, оставленныхъ предками въ наслѣдіе нашей пытливости. И какіе еще это вопросы! — вопросы, съ которыми тѣсно связано объясненіе многихъ важнѣйшихъ задачъ въ исторіи Европейскаго Сѣвера и преимущественно нашего отечества, съ разрѣшеніемъ которыхъ много должна разрѣдѣть мгла, покрывающая теперь утро нашей народной жизни.

Объясненіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ занимались уже разные ученые, но бо̀льшею частію слишкомъ односторонно, основываясь на маломъ числѣ находокъ, не зная о таковыхъ же въ другихъ странахъ, и особенно въ Россіи. Въ свое время объясненія ихъ имѣли цѣну, теперь устарѣли, и едва-ли заслуживаютъ опроверженія, опровергаемыя однимъ накопленіемъ новыхъ находокъ по мѣстамъ, гдѣ они не подозрѣвали даже возможности ихъ существованія.

Такъ Шефферъ полагалъ, что въ Швецію занесли эти монеты Шведы, которые служили въ войскахъ Восточной Римской Имперіи, и могли добыть ихъ на войнѣ съ Мусульманами [150], а О. Цельсій внесеніе ихъ туда приписывалъ богомольцамъ, ходившимъ на поклоненіе св. гробу [151].

---

[149] *Адлеръ* у *Ледебура*, p. 52, и другіе.

[150] У *Аурривиллія*, въ Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II. p. 102.

[151] У *Френа*, въ Ibn-Foszlan. s. 80.

Шольцъ думалъ, что голштейнскія находки обязаны существованіемъ крестовымъ походамъ въ Азію [152]. Керъ, найденныя близъ Данцига монеты почиталъ занесенными туда изъ Палестины тевтонскими рыцарями [153]. Ауривиллій думалъ, что куфическія монеты привезены были въ Висби, вмѣстѣ съ товарами, изъ странъ при каспійскихъ, черезъ Россію, въ XIII вѣкѣ, послѣ разоренія Самарканда Чингисомъ, а изъ Висби, черезъ ганзеатическихъ торговцевъ, разошлись уже по берегамъ Балтики. Это мнѣніе основывалъ онъ на сказаніи Арабшаха, что въ развалинахъ Самарканда находили древнія куфическія монеты [154]. Бартелеми занесеніе этого рода монетъ приписывалъ пребыванію Татаръ въ Литвѣ и сосѣдственныхъ странахъ [155]. При нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній о мѣстности и числѣ находокъ, ни одно изъ этихъ мнѣній не выдержитъ критики. Шведы и вообще всѣ тѣ выходцы изъ сѣверныхъ европейскихъ народовъ, которые подъ именемъ «*варанг*'овъ» служили Восточно-Римскимъ императорамъ, никогда не могли, въ сраженіяхъ съ Мусульманами, добыть отъ нихъ столько монеты, сколько видимъ мы отрытой на пространствѣ, на которомъ ее находятъ и находили. Тѣмъ менѣе еще могли принести ее съ собою благочестивые паломники, возвращавшіеся домой обыкновенно съ пустою сумою. Этому мнѣнію, равно какъ и тому, которое внесеніе ихъ приписываетъ воинамъ возвращавшимся изъ крестовыхъ походовъ, противорѣчитъ еще и то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ надлежало-бы находить вмѣсто монетъ персидскихъ и мавераннагрскихъ VII, VIII, IX и X вѣка, монеты египетскія, сирійскія и малоазійскія XI, XII и XIII вѣка, монеты Фатимидовъ, Сельджукидовъ, Ортокидовъ, Атабековъ, Эй-

---

[152] У *Ледебура*, l. c. p. 70.

[153] У *Френа*, l. c.

[154] Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II, p. 105 et 106.

[155] Mémoires de l'acad. royale des inscriptions et belles lettres. Paris. 1759. Vol. XXVI. p. 571.

юбидовъ, а такихъ вовсе не находятъ. Нельзя также приписывать ихъ внесенія Татарамъ, или ганзейской торговлѣ во время татарскаго могущества: тогда-бы съ диргемами VIII, IX и X вѣка находили вмѣстѣ и монеты позднѣйшихъ турецкихъ и монгольскихъ династій XIII, XIV и XV вѣка, монеты Хорезмшаховъ, Джагатаидовъ, Гулагидовъ, Джучидовъ, а это еще ни разу не случалось, и, вмѣсто англосаксонскихъ, нѣмецкихъ и византійскихъ IX, X и XI вѣка, которыя находятъ съ современными имъ куфическими, находили-бы съ сими-послѣдними позднѣйшую мѣстную монету. Самое сказаніе Арабшаха, послужившее основаніемъ мнѣнію Ауривиллія, обращается противъ него же: Арабшахъ говоритъ о находкѣ древнихъ куфическихъ монетъ въ Самаркандѣ, какъ о рѣдкости въ его время. И точно, въ XIII, XIV и XV вѣкѣ, монеты испегбедскія, тагеридскія, саманидскія и другія VIII и трехъ слѣдующихъ вѣковъ, вышли уже изъ обращенія на Востокѣ, гдѣ одна династія переливаетъ монеты другой, и даже одинъ владѣтель — монеты своего предшественника. По-крайней-мѣрѣ, тамъ не было ихъ тогда такого количества, чтобы Татаре могли засыпать ими всю Русь и Польшу, а ганзеатическіе купцы—все Балтійское Побережье. Далѣе: Татаре не были ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, какъ-же могли они занести туда монеты о которыхъ идетъ рѣчь? Наконецъ, предположимъ на-время возможность привоза этихъ монетъ съ Востока черезъ Россію, въ XIII и XIV вѣкѣ, ганзейскими купцами. Что-жъ, изъ любви къ Нумизматикѣ собирали они эти монеты, или брали ихъ за товаръ? Разумѣется не изъ нумизматической любознательности, а за послѣдній. Въ такомъ случаѣ они брали-бы и привозили съ собою и татарскія деньги, по-крайней-мѣрѣ въ равномъ количествѣ съ этими древними; тогда-бы, вмѣстѣ съ послѣдними, находили въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и вообще по балтійскимъ берегамъ, и татарскія въ одинаковомъ количествѣ; а ихъ не только не выкапываютъ въ

этихъ мѣстахъ въ такомъ же количествѣ и вмѣстѣ съ древними куфическими, но не находятъ вовсе. Въ Россіи, дѣйствительно, отрываютъ тьму джучидскихъ монетъ; но эти находки служатъ новымъ подтвержденіемъ тому, что древнія куфическія зашли въ Россію, и вообще на сѣверъ Европы, ранѣе разлива монгольскаго въ началѣ XIII вѣка. Джучидскія находятъ, во-первыхъ, преимущественно по Волгѣ въ восточной и южной Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ только, гдѣ кочевали Татаре; во-вторыхъ, отдѣльно или вмѣстѣ съ русскими копѣечками XIV и XV вѣка, и, въ-третьихъ, что всего важнѣе — отнюдь не вмѣстѣ съ древними куфическими и испегбедскими, или англосаксонскими нѣмецкими и византійскими.

Самыя удовлетворительныя предположенія, которыми стараются объяснить находки многоупоминаемыхъ монетъ на сѣверѣ и востокѣ Европы, суть тѣ, которыя внесеніе ихъ въ эти края приписываютъ либо торговлѣ, которая съ VIII вѣка, или еще ранѣе, и вплоть до XI, должна была производиться между сѣверомъ Европы и Азіею, черезъ Россію, либо военнымъ экспедиціямъ Норманновъ, либо тому и другому вмѣстѣ. Эти мнѣнія существуютъ и повторяются, съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, съ конца прошедшаго столѣтія, и имѣютъ на своей сторонѣ авторитетъ многихъ уважаемыхъ именъ, каковы имена Сума, Адлербета, Тихсена, Френа, Гартмана, Болена, Лелевеля и другихъ, и я считаю ихъ вполнѣ основательными; но...

Но вѣдь все-таки это не иное что, какъ предположенія, которыя сами должны быть подкрѣплены доказательствами заимствованными изъ историческихъ источниковъ, каковы лѣтописи, записки современниковъ, саги и тому подобные письменные памятники. Вмѣсто того, чтобы объяснять несомнѣнный фактъ, каковы находки монетъ о которыхъ идетъ рѣчь, предположеніями, степень вѣроятности кото-

рыхъ зависитъ отъ степени достовѣрности письменныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствованы будутъ доказательства въ ихъ подкрѣпленіе — тогда-какъ не всѣ одинаково убѣждены въ достовѣрности многихъ изъ этихъ источниковъ — было-бы гораздо основательнѣе, по-видимому, объяснить этотъ фактъ изъ самыхъ его памятниковъ, если только это возможно; а я думаю что это возможно, и постараюсь доказать что находки заключаютъ сами въ себѣ разрѣшеніе почти всѣхъ вышепредложенныхъ вопросовъ, и не только мало нуждаются для этого въ помощи позднѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, лѣтописей, сагъ и тому подобнаго, но еще имъ же самимъ могутъ служить опорою, объясненіемъ и дополненіемъ; думаю, что подземныя сокровища эти могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, котораго не сдвинетъ никакой основательный скептицизмъ. Это современники VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, надъ которыми невидимо пролетѣло тысячелѣтіе, для которыхъ десять столѣтій прошли какъ десять минутъ, и которые выходятъ къ намъ изъ гробовъ свидѣтельствовать истину, не прибавляя и не убавляя ни единаго слова,—современники, сохранившіе всю свою свѣжесть, которыхъ мы можемъ разглядѣть, ощупать, которые позволяютъ намъ убѣдиться всѣми чувствами, что они существенность, дѣйствительность, истина, а не призракъ, не миѳъ, не сказка, не анахронизмъ, не описка переписчика, не вставка позднѣйшаго компилатора!

Посмотримъ, что́-же скажутъ эти свидѣтели при нашемъ допросѣ.

а) Вырываемыя куфическія монеты не восходятъ, какъ сказано, позже 1012 года. Стало-быть самые позднѣйшіе клады зарыты были вскорѣ послѣ этого: иначе находили-бы въ нихъ монеты позднѣйшія. Стало-быть въ мѣста, гдѣ ихъ нашли, онѣ попали нѣсколько ранѣе времени ихъ зарытія. Иначе быть не можетъ, иначе нельзя разсуждать.

б) Есть такія находки, что самыя позднія изъ состав-

ляющихъ ихъ монетъ относятся къ концу, къ половинѣ и къ началу X вѣка (№ 36, 64, 74, 81, 82; № 18, 30, 32, 49, 58, 68, 75, 79; № 10, 42, 87). Стало-быть такіе клады зарываемы были около того же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ X вѣка.

в) Есть находки, въ которыхъ самыя позднѣйшія изъ составляющихъ ихъ монетъ, принадлежатъ къ концу, къ половинѣ и началу IX вѣка (№ 62, 86, 88; № 11, 31, 77; № 48, 67, 69, 78, 84). Стало-быть такіе клады зарыты около того же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ IX вѣка.

Весьма возможно и вѣроятно, что есть находки, въ которыхъ самыя позднія монеты еще ранѣе девятаго вѣка: бо̀льшая часть кладовъ пошла въ плавильный котелъ безъ описанія; обо многихъ имѣемъ свѣдѣнія не довольно точныя и опредѣлительныя. Но не будемъ основываться на вѣроятностяхъ и возможностяхъ, предоставимъ оправдать предположенія наши будущему, ограничимся покуда извѣстнымъ, и остановимся на томъ, что самая ранняя изъ находокъ есть штегенская 1722 года, въ которой бо̀льшая часть монетъ биты между 802 и 813, и позднѣе 813 года нѣтъ.

г) Африканскія монеты встрѣчаются преимущественно въ кладахъ относящихся къ IX вѣку. Могилевская находка (№ 69), самая обильная ими, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ единственная по заключавшимся въ ней испанскимъ диргемамъ, относится къ началу этого вѣка. Въ позднѣйшихъ находкахъ попадаются онѣ рѣдко и въ маломъ числѣ, притомъ большинство ихъ принадлежитъ къ концу VIII, и только немногія къ первымъ годамъ IX вѣка, такъ-что доселѣ не было находимо битой позже 803 года нашей эры. Изо всего этого надлежитъ заключать, что африканскіе и испанскіе диргемы зашли туда, гдѣ ихъ находятъ, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ или даже въ началѣ IX вѣка.

Соединивъ вмѣстѣ извлеченныя показанія, видимъ, что азіятскія монеты прибывали въ Россію и при-Балтику постоянно въ-теченіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ, съ конца VIII по начало XI столѣтія, а африканскія и испанскія зашли въ эти страны, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ IX вѣка. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *когда* попали сюда монеты.

д) Изъ странъ Азіи, гдѣ владычествовали династія которымъ принадлежатъ находимыя азіятскія монеты, въ сѣверную и часть центральной Европы по-сю-сторону Эльбы должны были проникнуть эти монеты не инымъ путемъ, какъ чрезъ сѣверную, среднюю и западную Россію, ибо здѣсь видимъ повсюду слѣды этого перехода, тогда-какъ на западъ отъ Эльбы, и южнѣе 52° широты не находимъ ихъ нигдѣ. Изъ какой-же части Азіи, и какимъ путемъ зашли онѣ въ означенныя части Россіи? Самый ближайшій къ Азіи пунктъ Россіи, извѣстный находкою такого рода монетъ, есть покуда Казанская Губернія (см. находка № 87). Посему надлежитъ думать, что, если не исключительная, то главная дорога, которою текли монеты въ Россію, шла на нее изъ Азіи въ этомъ направленіи.

е) Въ числѣ находимыхъ монетъ есть и принадлежащія Булгарамъ Волжскимъ, называемымъ такъ въ отличіе отъ Дунайскихъ (см. находки № 75 и 82). Монеты этѣ наружностью своею такъ сходны съ саманидскими, что ихъ долгое время, пока Френомъ не объяснено было настоящее происхожденіе, принимали за сіи-послѣднія, хотя и не могли объяснить несообразностей, рождавшихся отъ такого qui pro quo [156]. Сходство это булгарскихъ монетъ съ саманидскими доказываетъ, что саманидскія служили имъ первообразомъ, и что потому Булгаре должны были находиться въ близкихъ связяхъ съ Саманидскими Владѣніями. А

---

[156] См. Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgaren, въ Mémoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg (9-me serie), Vol. I. p. 171.

какъ нынѣшняя Казанская Губернія составляетъ часть древней земли Булгаръ Приволжскихъ, то вотъ мы и находимъ непрерывную связь, соединяющую казанскую находку съ Саманидскими Владѣніями — рудникомъ большинства находимыхъ монетъ; значитъ саманидскіе диргемы шли въ Россію, а изъ нея въ при-Балтику, черезъ землю Волжскихъ Булгаръ. Сюда-же имъ не было другихъ путей какъ: либо черезъ Каспійское-Море, вверхъ по Волгѣ, либо отъ Аральскаго-Озера, черезъ нынѣшнія Киргизъ-Казачьи Степи, дорогами, которыми ходятъ нынѣ въ Оренбургъ бухарскіе и хивинскіе караваны.

ж) Но саманидскія монеты находятъ не отдѣльно отъ другихъ азіятскихъ, а бо̀льшею частію вмѣстѣ съ ними; стало-быть азіятскія разныхъ другихъ династій шли въ Россію отчасти черезъ тѣ же Саманидскія Владѣнія и тѣми же путями. Были для нихъ въ Россію, безъ сомнѣнія, и другіе пути, но пути не обозначаемые находками, потому здѣсь я и умолчу объ нихъ, ограничиваясь при настоящемъ изслѣдованіи только тѣмъ, что монеты сами открываютъ относительно возникающихъ объ нихъ вопросовъ.

з) Труднѣе опредѣлить дорогу, которою африканскія и испанскія монеты пришли въ Россію и прибалтійскіе края. Ихъ находятъ вмѣстѣ съ азіятскими: халифскими и испегбедскими, стало-быть ничто не мѣшаетъ думать, чтобы не могли онѣ притти черезъ Азію, тѣмъ же путемъ какъ и азіятскія. Это еще болѣе подтверждается рѣдкостью ихъ въ находкахъ прибалтійскихъ, тогда-какъ здѣсь-то именно и надлежало-бы находить ихъ въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ въ Россіи, если-бы изъ Африки и Испаніи шли онѣ въ Россію ближайшимъ, западнымъ, а не отдаленнѣйшимъ, восточнымъ, путемъ. Вмѣстѣ съ саманидскими однако-же ихъ до-сихъ-поръ не находили, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что путь или пути, которыми онѣ пришли въ Россію, были не тѣ которыми текли сюда саманидскія деньги; что пришли онѣ другимъ каналомъ, не черезъ Саманидскія Вла-

дѣнія. Монеты, составляющія могилевскую находку (№ 69), Размусенъ, опираясь впрочемъ на ложномъ основаніи что въ прибалтійскихъ краяхъ не находимо было африканскихъ монетъ, считаетъ зашедшими черезъ Константинополь[157] — предположеніе которое опровергается и другими обстоятельствами: ни въ настоящемъ случаѣ не было найдено византійскихъ монетъ вмѣстѣ съ прочими, составлявшими кладъ, ни въ другихъ находкахъ не попадались онѣ вмѣстѣ съ африканскими, но съ азіятскими весьма часто (см. № 6, 23, 28, 29, 46), что̀, доказывая сношенія Сѣвера съ Византіею, доказываетъ вмѣстѣ и то, что африканскія не имѣли въ ней хода, а потому не могли зайти черезъ нее и въ Россію, туда, гдѣ ихъ нашли. Въ такой большой массѣ, какую составляютъ эти африканскія и испанскія монеты, относительно къ количеству всей могилевской находки, едва-ли вѣроятно, чтобы онѣ могли попасть сюда и черезъ Азію. Очень можно думать, напротивъ, что пришли онѣ, хоть на этотъ разъ, другою, естественнѣйшею дорогою — съ Запада, моремъ; что, если не нѣсколько, то былъ хоть одинъ случай, когда какіе-либо изъ жителей окрестностей нынѣшняго Могилева находились въ прямыхъ или посредственныхъ, какого-бы то ни было рода, сношеніяхъ съ родиною этихъ монетъ — Испаніею и сѣверо-западною Африкою.

Итакъ саманидскія монеты, составляющія большинство въ находкахъ, и если не всѣ, то отчасти и другія азіятскія, въ особенности-же изъ сосѣднихъ Саманидскимъ Прикаспійскихъ и Персидскихъ владѣній — шли въ Россію и оттуда въ при-Балтику черезъ земли Волжскихъ Булгаръ. О пути-же въ Россію африканскихъ и испанскихъ извѣстно только, что онъ былъ не тотъ что саманидскихъ, не лежалъ черезъ Византію, а, всего вѣроятнѣе, шелъ черезъ

---

[157] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Hauniae. 1825. p. 11.

Западъ. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *какимъ путемъ* зашли монеты.

i) Вмѣстѣ съ цѣлыми монетами находятъ обыкновенно и обломки, массою своею превышающіе нерѣдко количество первыхъ. Какъ сказано уже, обломки эти разной величины, не бываютъ никогда частями одной монеты, а остатками разныхъ, такъ-что, соединяя ихъ между собою, никогда нельзя составить цѣлыхъ монетъ, изъ чего должно заключать, что раздробленіе это произошло до зарытія монетъ, а не отъ неосторожности при ихъ откапываніи, оттого, что при этомъ онѣ были разломлены неловкимъ ударомъ заступа или напоромъ сохи: въ такомъ случаѣ монета можетъ скорѣе согнуться, чѣмъ переломиться. Притомъ, обломки въ огромномъ числѣ находили вмѣстѣ съ цѣлыми, въ металлическихъ сосудахъ, подъ камнями, подъ деревьями, гдѣ не касалась ихъ ни соха, ни лопата. Ясно, что раздробленіе монетъ имѣло мѣсто до ихъ зарытія. Какая-же причина этому? А вотъ какая: извѣстно, что мелкая монета, серебряная или мѣдная, необходимо нужна при всѣхъ небольшихъ торговыхъ оборотахъ, особенно внутри страны. Гдѣ ея нѣтъ, и гдѣ еще притомъ монета принимается на вѣсъ, тамъ этому недостатку пособляютъ разрубая, или разламывая крупную монету на части различной величины, которыя такимъ образомъ и замѣняютъ въ обращеніи мелкую монету, а при взвѣшиваніи служатъ къ дополненію и уравненію вѣса. Примѣръ этого мы имѣемъ теперь въ Кантонѣ, гдѣ крупные испанскіе піастры подвергаются, въ такихъ обстоятельствахъ, намѣренному раздробленію. Тоже, въ XI и XII столѣтіяхъ, происходило въ Англіи, гдѣ, за неимѣніемъ мелкой монеты, разбивали penegas на двѣ и на четыре части, отъ чего и произошло данное этимъ фракціямъ названіе brokemoney, «ломаныхъ денегъ». Путешественникъ X вѣка, котораго Узли выдалъ ошибочно за Ибнъ-Хаукала, расказываетъ, что въ Самаркандѣ, гдѣ, какъ извѣстно, была и мелкая мѣдная монета,

находились въ обращеніи, между прочимъ, «ломаные диргемы» *(диргеми-шикестѐ)* [158]. Вспомнимъ, наконецъ, наши четвертаки и полтинники, которые первоначально имѣли форму $^1/_4$ и $^1/_2$ круга. Итакъ, причиною разломки монетъ бываетъ недостатокъ въ мелкой монетѣ, необходимой во внутреннемъ обращеніи. Никакое другое обстоятельство, кромѣ этого, не могло дать существованія и обломкамъ Восточныхъ монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Стало-быть обломки эти находились въ торговомъ оборотѣ у какого-либо народа. Гдѣ-же — на Востокѣ еще, или уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ ихъ? Знаемъ положительно о раздробленіи монеты только въ одномъ Самаркандѣ изо всѣхъ городовъ Востока, знаемъ потому, что путешественникомъ X вѣка замѣчено это какъ нѣчто необыкновенное. По другимъ мѣстамъ Мусульманскаго Востока этого не дѣлали. Притомъ, тамъ вездѣ находилась въ обращеніи мелкая мѣдная монета. Слѣдственно раздробленіе происходило либо въ Россіи и при-Балтикѣ, гдѣ, какъ извѣстно, не было тогда мѣстной монеты, либо при торгахъ въ странѣ Волжскихъ Булгаръ, или у другихъ народовъ, черезъ земли которыхъ шли въ Россію азіятскія деньги. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ существованіе или дѣятельной внутренной торговли въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ, или постоянной торговли Россіи съ Восточными странами, преимущественно съ Саманидскими Владѣніями. Раздробленіе диргемовъ въ Россіи и при-Балтикѣ, а не на Востокѣ, подтверждается еще и тѣмъ, что какъ сказано, мѣдной мусульманской монеты, фульсовъ, вовсе не находятъ въ этихъ странахъ [159].

---

[158] The oriental Geography by *Ibn Haukal*. London. 1800. p. 258.

[159] Доказательствомъ, что въ древней Россіи, въ періодѣ времени, о которомъ говоримъ, деньги ходили на вѣсъ, можетъ служить слово «золотникъ», которымъ означали тогда византійскіе солиды, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ извѣстный вѣсъ = 70 гранамъ. См. *Круга*, Критическія разъисканія о древнихъ Русскихъ монетахъ. Стр. 118 и 119.

и) Итакъ, обломки обязаны существованіемъ торговлѣ. Ей же преимущественно должно приписать занесеніе къ намъ и цѣлыхъ монетъ. Торговля и война суть два исключительные проводника денегъ изъ одной страны въ другую. Положимъ, что жители Россіи и вносили въ прикаспійскія страны побѣдоносное оружіе свое[160], и что слѣдствіемъ этихъ вторженій было пріобрѣтеніе и разсѣяніе по Россіи значительнаго количества азіятской монеты: все-таки война не могла доставить ее въ такомъ числѣ, въ какомъ она доселѣ найдена; притомъ, самое постоянство притока монеты въ-теченіе двухъ вѣковъ, если не болѣе, доказываетъ, что увлекало ее съ Востока не счастіе оружія, а что-то другое; другаго-же, кромѣ торговли, ничего быть не могло.

Изо всего сказаннаго заключаемъ, что, если не вся, то бо́льшая часть монеты въ Россіи и при-Балтикѣ обязана существованіемъ своимъ *торговлѣ*, которую эти страны должны были вести съ мусульманскими и не-мусульманскими владѣніями Передней-Азіи, преимущественно Каспійскаго Побережья. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *что̀ доказываютъ* находки.

Сдѣланными выводами однакожъ далеко не ограничивается число тѣхъ, которые можно извлечь изъ разсмотрѣнія монетъ, совокупно съ мѣстностью находокъ; притомъ, изъ первыхъ выводовъ вытекаютъ логически второстепенные и третьестепенные, важные не менѣе основныхъ. Пойдемъ далѣе.

к) Чтобы прибалтійскія земли могли получать монету черезъ Россію, надо чтобы онѣ были съ нею въ какихъ нибудь связяхъ, добровольныхъ или насильственныхъ; надо предполагать одно изъ трехъ: или что Азіятцы приходили за товарами въ приБалтику; или жители при-балтійскіе

---

[160] Дѣйствительность такихъ походовъ изслѣдовалъ и доказалъ я въ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія, годъ 1835 книжка II.

возили ихъ въ Азію; или посредниками и участниками въ этой торговлѣ служили жители Россіи, передававшіе серебро Восточное за товары прибалтійскимъ жителямъ, и получавшіе его за свои. Какой-бы изъ этихъ трехъ случаевъ ни имѣлъ мѣсто, всякій заставляетъ предполагать довольно тѣсную связь между всѣми народами принимавшими участіе въ торговлѣ, связь продолжавшуюся никакъ не менѣе, но вѣроятно гораздо болѣе двухъ столѣтій; итакъ Россія, въ-теченіе IX и X вѣка, не была страною изолированною, населенною совершенными дикарями. Во всякомъ случаѣ въ ней было сильное торговое движеніе, и, какъ необходимое слѣдствіе его, нѣкоторая образованность, если не во многихъ, то въ нѣсколькихъ пунктахъ; нѣкоторая роскошь, нераздѣльная съ производствомъ выгодной торговли, и извѣстная степень гражданской безопасности, нужная для ея поддержанія. Что торговля эта была выгодна для жителей Россіи, что торговый балансъ былъ на ихъ сторонѣ, доказывается тѣмъ, что выручавшаяся монета оставалась въ ихъ землѣ. Когда слѣды этой торговли находятся, быть можетъ, даже на отдаленныхъ берегахъ Печоры, когда изъ отрываемыхъ въ Россіи монетъ Волжскихъ Булгаръ узнаёмъ, что подлѣ насъ, на Волгѣ, въ странѣ благопріятствуемой природою отнюдь не болѣе чѣмъ прочія части Россіи, существовалъ въ X вѣкѣ народъ жившій въ городахъ, имѣвшій собственную монету, исповѣдывавшій Исламъ, и бывшій потому въ тѣсныхъ связяхъ съ багдадскими халифами [161] это заставляетъ предполагать, что при двухсотлѣтней постоянной торговлѣ должны были и въ Россіи явиться города, какъ складочныя мѣста для товаровъ, какъ мѣста отдохновенія для торговцевъ. Соображая, что монета занесена къ намъ, если не исключительно, то по-бо̀льшей-части торговлею, и то

---

[161] См. *Френа*, въ Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St.-Pétersburg (6-me serie), Vol. I, p. 171 и 527.

что въ Швеціи, на островахъ Балтійскаго-Моря и по южному побережью его, находятъ ее преимущественно около пунктовъ которые изъ другихъ источниковъ извѣстны намъ за торговыя мѣста въ Средніе Вѣка, можемъ заключать, что и у насъ торговля производилась живѣе, и торговыя мѣста — города, существовали тамъ, гдѣ болѣе находимъ монетъ.

л) Но тѣ же монеты, съ-другой-стороны, показываютъ, что гражданская образованность, неразлучная съ торговлею, не сдѣлала въ Россіи такихъ успѣховъ, какихъ надлежало-бы ожидать отъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго ея производства. Постоянное, а не случайное, одновременное зарытіе монетъ указываетъ на то, что жители Россіи и при-Балтики не умѣли дѣлать изъ нихъ надлежащаго употребленія, копили безполезныя сокровища только для того, чтобы зарывать ихъ, смотрѣли на монету какъ на мертвый капиталъ, какъ на цѣль, а не какъ на средство; изъ чего видно, что они имѣли нужды самыя ограниченныя, стояли еще на очень низкой степени гражданственности. Изъ самыхъ-же монетъ, изъ того, что на нихъ часто находимъ круглыя дырочки по краямъ, видно еще, что монета употреблялась какъ украшеніе, что ее нанизывали на снурокъ или что-нибудь подобное, и дѣлали такимъ образомъ повязки, ожерелья. поручни и т. д., или нашивали на платье, на пояса, на головной уборъ, какъ и донынѣ поступаютъ съ монетою многіе народы малообразованные.

Продолжая изслѣдованіе монетъ, я могъ-бы вывести еще нѣсколько заключеній; но не имѣя притязаній представить въ настоящемъ случаѣ nec plus ultra того, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи, я укажу еще только на одно очень важное обстоятельство.

м) Съ начала IX до начала XI вѣка мы видимъ, что монета постоянно прибывала. Въ началѣ XI вдругъ прекращается приливъ ея съ Востока. Въ Польшѣ находятъ богатые клады изъ мѣстныхъ, византійскихъ, нѣмецкихъ,

англосаксонскихъ, венгерскихъ, богемскихъ монетъ; но и позднѣйшіе изъ этихъ кладовъ, какъ найденные въ *Каскахъ* близь *Варшавы*, въ 1775 году, въ *Серповѣ* близь *Ленчицы*, въ 1823, и въ *Тршебуни*, въ 1824 году, относятся не позже, какъ къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ XI столѣтія [162]. На что-же указываетъ это явленіе? На какіе-нибудь великіе торговые или гражданскіе перевороты, которые должны были имѣть мѣсто въ первой половинѣ XI вѣка, на Востокѣ, или въ сѣверо восточной Европѣ, или тамъ и тутъ вмѣстѣ. Чтобы прекратить торговлѣ путь, которымъ шла она болѣе двухъ вѣковъ, или измѣнить вдругъ ея характеръ въ самыхъ основаніяхъ, надо сильныхъ потрясеній, необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ. Фактъ прекращенія или измѣненія образа торговли мы имѣемъ несомнѣнный: пусть объяснятъ намъ его причины. Отъ монетъ довольно покуда и того, что они открыли его намъ и обозначили.

Выше обѣщалъ я доказать, что находки, о которыхъ шла и идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, опорою, дополненіемъ и поясненіемъ всѣмъ позднѣйшимъ письменнымъ источникамъ о временахъ отъ VII до XI вѣка. Пора взглянуть теперь: не слишкомъ-ли много придавалъ я имъ значительности, не увлекло-ли меня пристрастіе къ объясняемому мною источнику, какъ обыкновенно водится, слишкомъ далеко? Посмотримъ.

Изъ многоупомянутыхъ находокъ узнаёмъ мы, какъ выведено выше:

1) Что съ конца VIII до начала XI вѣка включительно, жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ прикаспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями.

2) Что въ то же время и столь же постоянно вели они ее съ побережными народами Балтійскаго-Моря.

---

[162] *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 108 и слѣд.

3) Что торговля эта была выгодна, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

4) Что шла она черезъ нынѣшнія губерніи: Казанскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Курляндію и Лифляндію; сѣвернѣе: черезъ Ярославскую, Новгородскую, Петербургскую и южную часть Великаго-Княжества Финляндскаго, или черезъ Тверскую, Псковскую и Эстляндію, то есть, сколько можно покуда видѣть, водяными, единственно-возможными тогда, путями: по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, съ одной стороны; по Волгѣ, Шекснѣ, Вытегрѣ, Свири, Невѣ, черезъ озера: Бѣлое, Онежское и Ладожское — съ другой; и между этими двумя еще третьимъ середнимъ: по Волгѣ, Тверцѣ, Мстѣ, Ильменю, Волхову и Ладожскому-Озеру, гдѣ этотъ средній путь соединялся съ сѣвернымъ.

5) Что, слѣдовательно, выгодами этой торговли пользовались жители всѣхъ теперешнихъ остзейскихъ, бѣлорусскихъ и многихъ велико-россійскихъ губерній. Всѣ онѣ потому въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ, населены были болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли выгодной и продолжавшейся постоянно болѣе двухъсотъ лѣтъ; людьми, которые, по-крайней-мѣрѣ, не были дикарями, видали кое-что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя географическія и этнографическія свѣдѣнія.

6) Что на пространствѣ помянутыхъ губерній были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданскаго благоустройства.

7) Что къ востоку отъ Россіи обиталъ на Волгѣ народъ Булгаре, который также имѣлъ города, управлялся независимыми владѣльцами, исповѣдывалъ Исламъ, билъ свою

монету, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саманидскими Владѣніями, въ связяхъ съ главами Мусульманскаго Востока, халифами багдадскими, и служилъ жителямъ Россіи посредникомъ въ торговлѣ съ Закаспійскими Азіятцами.

8) Что въ первой половинѣ XI вѣка произошли какіе нибудь сильные перевороты, въ-слѣдствіе которыхъ торговля эта вдругъ прекратилась, или измѣнилась въ основаніяхъ.

Спрашиваемъ: развѣ перечисленные результаты, извлеченные изъ совокупнаго изученія монетъ и мѣстностей находокъ, равно-какъ и дальнѣйшіе выводы изъ этихъ первыхъ результатовъ, сдѣланные логически, на основаніи общихъ законовъ развитія народовъ, можно оспаривать съ добросовѣстностію? Смѣю думать, что нѣтъ. А много-ли такихъ *неоспоримыхъ* данныхъ о временахъ отъ исхода VIII по XI вѣкъ представляютъ намъ другіе, извѣстные доселѣ источники нашей исторіи? Единственный туземный источникъ, лѣтопись приписываемая преподобному Нестору, принимая даже, что она дѣйствительно написана имъ въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, и писана въ первыхъ годахъ XII вѣка, а не позже, получила слѣдовательно существованіе черезъ 250 лѣтъ послѣ древнѣйшаго событія въ Россіи, о которомъ упоминаетъ хронологически, а это древнѣйшее, которымъ начинается въ ней исторія Русскаго Сѣвера, по-крайней-мѣрѣ полувѣкомъ моложе тѣхъ, о которыхъ узнаемъ изъ монетъ. При этомъ не худо припомнить и то, что древнѣйшій списокъ помянутой лѣтописи, какой мы доселѣ имѣемъ (пушкинскій или лаврентьевскій), относится ко второй половинѣ XIV вѣка (1377 г.), писанъ слѣдовательно черезъ *пять вѣковъ* послѣ древнѣйшихъ событій, упоминаемыхъ лѣтописью. Гдѣ-же было лѣтописцу, монаху, сидя въ Кіевѣ, знать съ достовѣрностью о томъ, что за 250 лѣтъ дѣлалось въ Новѣгородѣ и на Бѣло-Озерѣ? Источниками его, за исключеніемъ византій-

скихъ, и пожалуй болгарскихъ хронографовъ, могли быть лишь преданіе да пѣсни историческія — «слова», а извѣстно сколько въ источникахъ этого рода къ дѣйствительности примѣшивается вымыслу, какъ измѣняются и преобразуются они въ устахъ народа, временемъ, однимъ временемъ! Еще менѣе достовѣрны, въ-отношеніи къ нашей исторіи, саги исландскія, которыя слагались часто Богъвѣсть кѣмъ, перелагаемы были въ прозу изъ пѣсенъ, и съ устъ передавались письменамъ черезъ нѣсколько вѣковъ по смерти творцовъ своихъ. Такъ, важнѣйшая для насъ изъ извѣстныхъ доселѣ сагъ, Еймундова, преобразилась въ сагу изъ пѣсни, списана на бумагу въ XIII, и имѣется лишь въ рукописи XIV вѣка. Извѣстія о Россіи мусульманскихъ путешественниковъ X вѣка относятся только къ этому времени, а не восходятъ выше, къ тому же собраны ими не на мѣстѣ, и не отличаются ни подробностью, ни точностью. Нѣмецкіе хроникеры почти вовсе не упоминаютъ объ насъ до XI вѣка; а византійскіе писатели начинаютъ знать о Руси тоже не ранѣе какъ съ половины IX вѣка. Перебирая такимъ образомъ источники древнѣйшей отечественной исторіи, я вовсе не имѣю въ виду унизить ихъ достоинство, чтобы возвысить этимъ цѣнность того который выводится на свѣтъ мною; я очень далекъ отъ этой мысли: всѣ они болѣе или менѣе важны, всѣ, болѣе или менѣе, могутъ итти въ дѣло при возсозданіи нашей древнѣйшей исторіи, и многіе гораздо болѣе чѣмъ монеты о которыхъ идетъ рѣчь; цѣль моя въ этомъ случаѣ— выказать превосходство свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ сего-послѣдняго источника, предпочтительно передъ другими въ одномъ только отношеніи — въ-отношеніи ихъ *достовѣрности, неоспоримости*. А это достоинство такъ важно вообще, и относительно древнѣйшей Русской Исторіи въ-особенности, что нельзя не выставить его сколь можно рельефнѣе: разумъ человѣческій такъ склоненъ къ сомнѣнію, что слыша дѣйствительно правду, готовъ часто не вѣрить

ей и сомнѣваться, потому только, что не знаетъ, *какъ* дошла до него эта правда, *какимъ образомъ* могла она дойти правдой, когда всякая правда обростаетъ отъ времени ложью, столь же необходимо, какъ камень мхомъ. Итакъ, по степени достовѣрности, свѣденія сообщаемыя монетами имѣютъ неоспоримое преимущество предъ сказаніями заимствуемыми изъ другихъ извѣстныхъ источниковъ, потому-что свидѣтели наши не старецъ Янъ, не наемные варяги Біорнъ и Гарда-Кетилль съ товарищи, сгнившіе со всѣми праправнучатами, а имѣются на лицо, и могутъ быть спрошены всякимъ, и отвѣтятъ ни болѣе, ни менѣе того сколько могли отвѣтить за тысячу лѣтъ назадъ. Имѣютъ преимущество эти свѣдѣнія и потому еще, что восходятъ въ древность, по-крайней-мѣрѣ, на полвѣка глубже, чѣмъ самыя раннія сказанія Византійцевъ и Несторовой Лѣтописи, не говоря уже о прочихъ. Стало-быть мы правы, полагая, что монеты о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей Русской Исторіи.

Далѣе. Пусть данныя, сообщаемыя монетами, были-бы даже мелочны и не новы; все-бы онѣ имѣли большую цѣну по своей неоспоримой достовѣрности: по одному этому могли бы онѣ служить *опорою* шаткимъ сказаніямъ лѣтописей, сагъ и тому подобныхъ источниковъ. Знанія наши не увеличились-бы ничѣмъ новымъ, но мы узнали бы *нѣчто несомнѣнно достовѣрное*, а въ настоящихъ обстоятельствахъ такое «нѣчто» надлежитъ почитать большимъ пріобрѣтеніемъ. Но заслуга нашихъ находокъ передъ исторіею далеко не такъ ограничена: къ великому достоинству несомнѣнной достовѣрности своихъ показаній онѣ присоединяютъ еще и другія немаловажныя: *новость* и *цѣнность*. Обо многомъ изъ того, что повѣдали намъ находки, развѣ знали мы изъ другихъ источниковъ? Развѣ лѣтописи, саги, записки путешественниковъ и т. п. говорятъ о такой обширной и долговременной торговлѣ, существованіе какой въ Россіи, съ исхода VIII по начало XI столѣтія, откры-

лось изъ монетъ; о такихъ постоянныхъ связяхъ ея съ Востокомъ и Западомъ, въ теченіе болѣе двухъсотъ лѣтъ, какія предполагаетъ эта торговля? Развѣ Россія представлялась намъ въ этихъ лѣтописяхъ, сагахъ и запискахъ такою, какою должна быть по монетамъ? Развѣ заикнулся хоть одинъ извѣстный источникъ о великомъ переворотѣ, вслѣдствіе котораго около половины XI вѣка пресѣклась, или приняла другой видъ, торговля азіятская на востокѣ и сѣверѣ Европы? Нѣтъ. Извѣстно было, правда, съ одной стороны изъ сагъ и сѣверныхъ лѣтописцевъ, что ѣздили Норманны въ Гардарикъ и Біармію для торговли; извѣстно было съ другой, изъ арабскихъ путешественниковъ и географовъ, что купцы какого-то народа Русь, жившаго на островѣ, красноріжіе и крайне неопрятные, пріѣзжали въ Итиль къ Хазарамъ съ товарами, и что Булгаре торговали въ-молчанку съ Вису, въ землѣ мрака; да развѣ это то же, что говорятъ находки? Развѣ изъ этихъ открывочныхъ, неточныхъ сказаній можно было видѣть всю значительность, древность и обширность торговли русской, которыя открылись намъ изъ находокъ? Итакъ свѣдѣнія, сообщаемыя находками, *дополняютъ* сказанія другихъ источниковъ фактами *новыми*, о которыхъ источники эти не доставляютъ, бо́льшею частію, никакого понятія; мало того: освѣщая множество явленій въ исторіи отношеній жителей Россіи къ Востоку и Западу, явленій темныхъ и непонятныхъ безъ этого свѣта, они, свѣдѣнія эти, *дополняютъ* часто отрывочныя и безсвязныя сказанія другихъ источниковъ самымъ важнымъ — *смысломъ* и *связью!*

Много-бы можно было перечислить въ тѣхъ или другихъ источникахъ разныхъ сказаній, которыя *объясняются* изъ свѣдѣній доставляемыхъ находками, указать на многія темныя явленія озаряющіяся теперь этимъ новымъ подземнымъ свѣтомъ, да это завело-бы насъ слишкомъ далеко: ограничимся немногими, первыми, какія приходятъ на память. Послѣ того, что узнали мы изъ находокъ, намъ

понятно, на-примѣръ, вслѣдствіе чего, посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топкихъ болотъ Россіи, преимущественно западной, могли возникнуть города, о которыхъ Несторова Лѣтопись упоминаетъ современно съ рожденіемъ Руси: Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Смоленскъ, Изборскъ, Черниговъ, Любечъ, Овручъ, Коростенъ, Полоцкъ; почему новгородская сага о призваніи Чудью и Славянами трехъ братьевъ Варяговъ, сага сохранившаяся въ лѣтописи Нестора, разсадила братьевъ въ Ладогѣ, Бѣлозерскѣ и Изборскѣ [163]; откуда проистекало благосостояніе и богатство Трузо, Юлина, Висби и другихъ городовъ Славянъ прибалтійскихъ — богатство, которому не могли надивиться западные лѣтописцы; чѣмъ могла существовать торговля въ Біарміи; какъ могъ св. Олафъ закупать для себя дорогія ткани въ Гольмгардѣ [164]; какимъ путемъ зашли въ Майнцъ саманидскіе диргемы Насра сына Ахмедова, и индѣйскіе товары, каковы перецъ, инбирь, гвоздика, нардъ и другіе которые, въ концѣ XI столѣтія, видѣлъ тамъ съ удивленіемъ испанскій арабъ Абу-Бекръ Тортуши [165]; и какимъ образомъ могли имѣть арабскіе географы тѣ свѣдѣнія о торговыхъ городахъ Балтійскаго-Моря, которыя у нихъ находимъ [166]. Извѣстія этихъ географовъ о торговлѣ Руси въ Хазаріи [167] получаютъ новый видъ и цѣну; проблематическое существованіе торговыхъ связей съ Славянами прибалтійскими становится несомнѣннымъ; а сътѣмъ-вмѣстѣ большое вѣроятіе получаетъ предположеніе, что въ числѣ Норманновъ, опустошавшихъ въ IX вѣкѣ берега Франціи, Испаніи и Африки, были и жители Россіи.

---

[163] *Несторъ*, по кенигсбергскому списку, стр. 16.

[164] *Снорре Стурлезонъ*. I, 449, у *Круга*, въ Крит. розыск. стр. 123.

[165] Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI Jahrhundert über die Stadt Maynz, *Френа*, въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, 6-me serie. Vol. II, p. 87.

[166] *Размусенъ*: De orientis commercio. p. 46 et seq.

[167] *Френа* Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Petersburg. 1823.

Такъ могилевскую находку (№ 69) очень можно считать однимъ изъ памятниковъ счастливаго разбоя какого-нибудь кривичскаго витязя, громившаго, въ числѣ другихъ, испанскія и африканскія владѣнія халифовъ.

Остановимся здѣсь. Нельзя сказать, чтобы изъ разсмотрѣнія находокъ мы вывели мало результатовъ; но тоже еще, и съ гораздо-бо̀льшею опредѣлительностью, можно было-бы вывести, если-бъ мы имѣли ихъ болѣе, и притомъ описанныхъ удовлетворительно; находокъ, о которыхъ бы извѣстно было, въ какомъ или близь какого урочища онѣ сдѣланы; найдены-ли монеты просто подъ землею, подъ камнемъ, подъ деревомъ, или въ сосудѣ и т. п.; какимъ династіямъ онѣ принадлежатъ, въ какихъ городахъ и въ какихъ годахъ биты, или, по-крайней-мѣрѣ, къ какому году относится самая древняя, къ какому самая поздняя изъ нихъ, и между какими годами бито большинство; относительно металла — золотыя онѣ, серебряныя, или мѣдныя; относительно вида — цѣлыя или обломанныя, стертыя или хорошо сохранившіяся, и не носятъ-ли на себѣ какихъ особенныхъ знаковъ: дырочекъ, наскобленныхъ рунъ, и т. п. Если съ этими Восточными найдены вмѣстѣ какія-либо другія монеты иноземныя, на-примѣръ византійскія, англосаксонскія [168],

---

[168] Византійскія, англосаксонскія и нѣмецкія монеты, современныя многоупомянутымъ Восточнымъ, находятъ у насъ нерѣдко въ значительномъ количествѣ, не только вмѣстѣ съ послѣдними, но и отдѣльно; первыя—наиболѣе по Днѣпру и даже до Волги (немалое число ихъ найдено было близь Пскова. *Шодуаръ*, Aperçu sur les monnaies russes. I, 53); вторыя и третьи —частію въ западныхъ, преимущественно-же въ сѣверныхъ, за-московскихъ, губерніяхъ; но объ этихъ находкахъ мы вовсе не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, а не худо-бы и на нихъ обратить вниманіе: судя по аналогіи, ближайшее изученіе ихъ также могло-бы обогатить насъ какими-нибудь немаловажными результатами для древнѣйшей отечественной исторіи. Въ этомъ отношеніи многаго можно ожидать въ-особенности отъ англосаксонскихъ: нѣтъ сомнѣнія, что праотцы наши были знакомы съ ними очень издавна, можетъ-быть даже ранѣе чѣмъ съ Восточными. Это убѣжденіе основываю я на томъ, что древнѣйшее иноземное названіе звонкой монеты на Руси, встрѣчающееся въ Несторовой Лѣтописи, есть англосаксонское *шелягъ*, scylling (*Несторъ* подъ 883 и 964 годами); всѣ-же народы, какъ доказываетъ сравнительная

надлежало-бы знать и объ нихъ тѣ-же самыя обстоятельства; а если вещи—то металлическія онѣ, каменныя, или изъ другаго-какого матеріала, ихъ назначеніе, форму, вѣсъ и т. п. Изъ числа извѣстныхъ находокъ очень немногія описаны съ такою точностью и подробностью.

Наконецъ, независимо отъ недостаточности свѣдѣній, которыя имѣемъ мы о большинствѣ извѣстныхъ находокъ, я не могъ представить здѣсь дѣла объ нихъ столь удовлетворительно, какъ-бы желалъ, и потому еще, что не имѣлъ возможности прочитать многаго изъ писаннаго объ этомъ предметѣ въ Швеціи и Германіи, долженъ былъ полагаться нерѣдко на чужія ссылки, не имѣя средствъ повѣрить ихъ. Во всякомъ случаѣ, съ меня довольно и того, что я, первый изъ Русскихъ, обращаю вниманіе соотечественниковъ на этотъ новый источникъ нашей исторіи, и что способъ объяснять находки изъ нихъ же самихъ — не былъ никѣмъ доселѣ употребленъ, сколько я знаю.

Тысячи находокъ должны были погибнуть неописанными, безъ слѣда и памяти; но почва Россіи и при-Балтики не истощилась еще этими Восточными сокровищами: каждый годъ почти открываются десятки новыхъ. Чѣмъ жа-

---

филологія, крестятъ вещь тѣмъ именемъ, какимъ называлась она на языкѣ націи, отъ которой они впервые узнали объ ней, или научились ея употребленію. Что «шелягъ» или «шлягъ» лѣтописи означаетъ «звонкую монету», а не мѣру хлѣбную, не мѣхъ, или иное-что, я нимало не сомнѣваюсь. Сомнѣваться въ этомъ можно было только покуда думали, что въ IX и X вѣкахъ не было звонкой монеты въ Заднѣпровской Руси; теперь-же, когда находками Восточныхъ и другихъ монетъ неопровержимо доказано противное, объясненіе этого слова въ лѣтописи не представляетъ болѣе прежнихъ затрудненій. Если «шеляги», которыми платили дань Вятичи и Радимичи, и не были монетою англосаксонскою, такъ могли быть азіятскими диргемами. Мое мнѣніе то, что слово «шелягъ» означало англосаксонскую монету только первоначально, впослѣдствіи-же значеніе его могло быть распространено вообще на металлическія деньги, какому-бы народу онѣ ни принадлежали, и какое-бы имя ни носили въ своемъ отечествѣ.—Любопытно было-бы также имѣть свѣдѣнія, находятъ-ли далеко внутри Россіи монеты греческія и римскія, отрываемыя иногда, по словамъ Лелевеля, въ Литвѣ, Украйнѣ и Подоліи (Numismatique du moyen âge, II, 77 и 80).

лѣть о невозвратимомъ, лучше стараться о сохраненіи того что еще можетъ найтись, и я льщу себя надеждою, что настоящее изслѣдованіе не останется безъ содѣйствія къ обращенію бо̀льшаго вниманія на эти и другія находки древностей подобнаго рода, и спасетъ отъ огня хоть нѣкоторыя. Hoc erat in votis. Хорошо, если-бы со временемъ онѣ привели къ какимъ-нибудь новымъ историческимъ открытіямъ, и къ скромному желанію, теперь нами высказанному, можно было прибавить вмѣстѣ съ Гораціемъ:

Auctius atque
Dî melius fecêre.

О ДОСТОВѢРНОСТИ ЯРЛЫКОВЪ ДАННЫХЪ ХАНАМИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ РУССКОМУ ДУХОВЕНСТВУ *.

Къ числу памятниковъ нашей исторіи, не разобранныхъ еще и не объясненныхъ критически, но заклейменныхъ уже подложностію по однѣмъ подозрѣніямъ, принадлежатъ и льготныя или жалованныя грамоты данныя разнымъ митрополитамъ русскимъ четырьмя золото-ордынскими ханами и одною ханшею, и дошедшія до насъ подъ именемъ «ярлыковъ».

Только семь такихъ ярлыковъ знаемъ мы, именно: 1) Отъ хана Менгу-Темира русскимъ митрополитамъ безъименно и всѣмъ церковнымъ людямъ вообще; 2) отъ хана Узбека митрополиту Петру; 3) отъ ханши Тайдулы митрополиту Ѳеогносту; 4) отъ нея же митрополиту Алексѣю; 5) емуже отъ хана Бирдибека; 6) отъ Тайдулы же митрополиту Іонѣ или Ивану; 7) отъ хана Атюляка митрополиту Михаилу.

Всѣ семь изданы впервые Новиковымъ въ его «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», Москва. 1787. Т. IV. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этихъ семи, другихъ такихъ ярлыковъ не было ни найдено, ни напечатано. Откуда и какъ добылъ ихъ Новиковъ — неизвѣстно. Изъ введенія и послѣсловія, со-

* Изслѣдованіе это напечатано было впервые особою книгою, вышедшею въ Москвѣ, въ 1842 году. *Изд.*

провождающихъ эти акты въ его изданіи, должно заключать, что онъ извлекъ ихъ изъ ихъ какой-нибудь лѣтописи доселѣ ненапечатанной. Во второй разъ ярлыки явились на свѣтъ въ такъ-называемой «Суздальской Лѣтописи», изданной Н. Львовымъ въ С. Петербургѣ въ 1792 году; но здѣсь помѣщено ихъ только шесть. Четыре: Атюляковъ, Тайдулины Ивану и Ѳеогносту и Менгу-Темировъ — подъ 1342, и два: Тайдулинъ Алексѣю и ему же Бирдибековъ — подъ 1357 годомъ (т. III, стр. 101 и 123). Третьяго изданія удостоились ярлыки въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», во второмъ томѣ котораго (Москва, 1819. № 2, 7, 9, 10, 11, 12) напечатано ихъ также шесть: Менгу-Темировъ, Узбековъ, Тайдулины Ѳеогносту и Алексѣю, Бирдибековъ и Атюляковъ. Печатали ихъ со списковъ сихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

До Карамзина, сколько мнѣ извѣстно, ярлыки эти не обратили на себя ни чьего вниманія; никто не пользовался ими какъ источниками для монгольскаго періода нашей исторіи, никто не подвергалъ ихъ изслѣдованію, но за то никто и не подозрилъ ихъ достовѣрности. Карамзинъ, также не употребившій ярлыковъ въ дѣло, первый предположилъ относительно ихъ возможность подлога. Напечатавъ въ 245 примѣчаніи къ IV тому своей «Исторіи» ярлыкъ Узбека митрополиту Петру, какъ самъ говоритъ, изъ Ростовской Архивной Лѣтописи, онъ присовокупилъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: «Нѣсколько сихъ ярлыковъ истинныхъ или подложныхъ, напечатано въ Россійской Виѳліоѳикѣ, т. VI. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ и бо́льшею частію несправедливо» (Ист. Гос. Росс. Изд. перв. Т. IV. Стр. 411).

«Истинныхъ или подложныхъ» говоритъ Карамзинъ; стало-быть онъ не былъ увѣренъ въ достовѣрности ярлыковъ. Что-же дало незабвенному исторіографу поводъ усомниться въ ней и предположить подлогъ? Содержаніе ярлы-

ковъ или форма? предположеніе что они не могли быть писаны въ Ордѣ на русскомъ языкѣ, или что подлинники ярлыковъ, монгольскіе, татарскіе или даже русскіе, не дошли до нашего времени, и что мы имѣемъ ярлыки только въ позднѣйшихъ спискахъ? Анахронизмы, наконецъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, или какія-либо другія обстоятельства? Отвѣта на эти вопросы не находимъ у Карамзина, и, судя по всему, должно полагать, что выраженное имъ сомнѣніе не было плодомъ очень основательнаго изслѣдованія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только тѣнь, наброшенная Карамзинымъ на достовѣрность этихъ актовъ, удалила отъ пользованія ими послѣдовавшихъ за нимъ историковъ и изслѣдователей нашихъ. Такъ Гагемейстеръ, который въ изслѣдованіяхъ своихъ «О финансахъ древней Россіи» (Спб. 1833), могъ бы почерпнуть изъ ярлыковъ много новаго для объясненія предмета своего въ-теченіе монгольскаго періода, не пользовался ими какъ бы слѣдовало, на томъ основаніи, что «подлинность ярлыковъ еще оспаривается» (стр. 151). Даже тѣ, которые и не выражали явно своей недовѣрчивости, все-таки не пользовались ярлыками какъ бы исповѣдуя ее tacite; труда-же прояснить дѣло никто на себя не бралъ, такъ что вопросъ о ярлыкахъ остается доселѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Карамзинъ. Къ сказанному имъ прибавилъ нѣсколько предположеній только Полевой. Онъ думаетъ, что ярлыки дошли до насъ въ переводѣ, то-есть первоначально не были писаны на русскомъ; что переводъ не современенъ подлинникамъ, а переведены всѣ они позже и въ одно время, вѣроятно по случаю какого-нибудь притѣсненія духовенству (можетъ быть на соборѣ бывшемъ въ 1500 году при Іоаннѣ III, или на соборѣ 1580 года); что основаніе ихъ истинно, но что въ новѣйшія времена они передѣланы или, по крайней мѣрѣ, измѣнены переводчиками и списывателями (Ист. Русскаго Народа, т. IV. стр. 176—177).

Иностранцы писавшіе объ исторіи Россіи и Золотой-

Орды, Штраль и Гаммеръ, тоже не съумѣли извлечь изъ этихъ драгоцѣнныхъ актовъ болѣе нашего. Первый, разбирая источники церковной русской исторіи въ своихъ Beyträge zur russischen Kirchengeschichte (Halle, 1827), опредѣлилъ ярлыкамъ видное мѣсто между ними (I, 18-20); но въ свой Geschichte der Russischen Kirche (Halle, 1830), вмѣсто того чтобы на дѣлѣ показать важность этого источника, ограничился помѣщеніемъ въ переводѣ Узбекова ярлыка митрополиту Петру. Второй и въ глаза не видалъ ярлыковъ, кромѣ одного, сейчасъ поименованнаго, да и тѣмъ не воспользовался (Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth. 1840. s. 589).

Вотъ какъ пользовались до сихъ поръ ярлыками, и что высказали объ нихъ — весьма немного и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Между тѣмъ акты эти заслуживали бы, по мнѣнію нашему, несравненно бо́льшаго вниманія. Мы думаемъ, и со временемъ постараемся доказать на дѣлѣ, что ярлыки суть одни изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей древности, замѣчательные не менѣе чѣмъ договоры Олега и Игоря съ восточно-римскими императорами, чѣмъ договоры великихъ князей тверскихъ и московскихъ съ Новымъгородомъ, духовныя завѣщанія сихъ-послѣднихъ, или какіе-либо другіе акты изъ древняго періода нашей исторіи. Они содержатъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ историческихъ фактовъ и указаній, которые, при умѣньи пользоваться ими, и при знаніи быта, обычаевъ и установленій монгольскихъ, могутъ объяснить многое въ исторіи двухсотлѣтняго рабства нашего подъ желѣзнымъ хотя и хрупкимъ скиптромъ сихъ завоевателей; но такъ какъ степень довѣренности къ этимъ фактамъ и указаніямъ зависитъ отъ степени довѣренности къ подлинности актовъ, въ которыхъ они заключаются, то, прежде чѣмъ приступать къ пользованію сими актами, состоящими подъ подозрѣніемъ въ подложности, должно подвергнуть ихъ изслѣ-

дованію и доказать ихъ достовѣрность. Эту цѣль и предположили мы себѣ въ настоящемъ разсужденіи [1].

I.

О ярлыкахъ вообще.

Начнемъ изслѣдованія наши разсмотрѣніемъ происхожденія и значенія слова «ярлыкъ» — техническаго названія льготныхъ грамотъ о которыхъ идетъ рѣчь.

«Ярлыками» названы эти грамоты въ нихъ самихъ. Въ Менгу-Темировомъ находимъ: «Тако молвя *ярлыкъ* далъ». Въ Узбековомъ: «А кто нашъ *ярлыкъ* и наше слово преслушаетъ»; далѣе: «А мы, по томужъ пути, тѣмижъ *ярлыки* жалуемъ»; далѣе: «Вся его люди... какъ *ярлыкъ* имѣетъ», и «такъ *ярлыкъ* данъ». Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту: «Такъ молвя, Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою *ярлыкъ* далъ». Въ Бирдибековомъ: «Такъ рекше и *ярлыкъ* со алою тамгою дали есмя». Въ Атюляковомъ: «Такъ рекше утвердихомъ, со алою тамгою *ярлыкъ* дали есмя».

«Ярлыками» же называются онѣ и въ припискѣ, сопутствующей имъ въ Новиковскомъ изданіи: «Суть же и иніи велицы *ярлыцы* преданы быша церкви Божіей». И далѣе: «Елико же обрѣтохомъ во святѣйшей Митрополіи старыхъ Царей *ярлыки*, сихъ и написахомъ. Мнози же

---

[1] Для ясности дѣла мнѣ казалось не лишнимъ чтобы читатели, для повѣрки изслѣдованій моихъ, могли имѣть передъ глазами и самые ярлыки. Я помѣстилъ ихъ приложеніемъ, перепечатавъ изъ «Виѳліоѳики» съ сохраненіемъ введенія и заключенія, которыя имъ тамъ сопутствуютъ. Къ Новиковскому изданію, принятому за текстъ, присоединены варіанты изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Ростовской Лѣтописи (по Карамзину), да нѣкоторыя важнѣйшія изъ Суздальской. Я не могъ сохранить пунктуаціи ни котораго изъ трехъ изданій, по причинамъ объясненнымъ ниже, въ главѣ шестой, и ввелъ свою.

суть... иные велицы *ярлыцы*, но иныхъ не возмогохомъ превести».

Въ самихъ же ярлыкахъ говорится, что акты одинаковаго съ ними содержанія и названія даваемы были русскому духовенству въ разное время и отъ разныхъ хановъ. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: «Чингій Царь, потомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ... и какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не изыначивая, потомужъ жалуемъ». Въ Узбековомъ: «Да вси покаряются и повинуются Митрополиту... по первымъ изначала закономъ ихъ, и первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ». Въ Бирдибековомъ: «Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей... *ярлыки* подавали. И то увѣдавши, всѣ иже по нихъ иные Цари *ярлыки* свои давали. И мы нынѣ, первыхъ *ярлыковъ* не изыначивая, и думавъ, по томужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали». Въ Атюляковомъ: «Отъ первыхъ Царей, при Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей... да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, *ярлыки* давали. И нынѣ мы, по первымъ *ярлыкомъ* изыскавши, и удумавши, не изыначиваемъ первыхъ *ярлыковъ*, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя».

Итакъ, изъ семи ярлыковъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ, равно какъ и изъ всѣхъ вышеприведенныхъ изъ нихъ же мѣстъ, должно заключать, что «ярлыками» назывались на Руси и въ самой Ордѣ льготныя или жалованныя грамоты, которыя ордынскіе ханы давали русскому духовенству. Что-жъ, справедливо это? Дѣйствительно существовали въ Ордѣ и Россіи акты, которые носили такое названіе и даны были ханами нашему духовенству? — Дѣйствительно; и акты этого названія даваемы были не только духовенству нашему, но и князьямъ (а можетъ быть еще и ли-

цамъ другихъ сословій). Это доказывается словами разныхъ лѣтописей и современныхъ государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Иногда, преимущественно въ началѣ монгольскаго владычества, когда Русскіе были еще мало знакомы съ языкомъ и обычаями своихъ повелителей, ярлыки ханскіе упоминаются просто подъ именемъ «грамотъ царскихъ». Такъ въ «Волынской Лѣтописи» говорится, что, когда около 1255 г. Татаре пришли къ Кременцу, сидѣвшій тамъ Андрей, королевичь венгерскій, сказалъ имъ: «Батыева *грамота* у мене есть» (Ист. Гос. Росс. изд. первое, т. IV, прим. 102, стр. 319). Въ договорной грамотѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новымъгородомъ, писанной около 1270 года, сказано: «А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по *Царевѣ грамотѣ*» (Собр. Гос. Грамотъ, т. I. № 3, стр. 4) [2]. На оборотѣ этой же грамоты приписано, что для того, чтобы посадить Ярослава на престолъ Новгородскій, пріѣзжали «отъ Мангу Темеря Царя послы Чевгу и Байши съ *грамотою*».

Позднѣе объ ярлыкахъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ ихъ собственнымъ названіемъ. Въ «Троицкой» подъ 1303 годомъ, при описаніи съѣзда князей въ Переяславлѣ, говорится, что «Ту чли грамоты Царевы, *ярлыки*» (Ист. Гос. Росс. Т. IV. прим. 191). Въ «Никоновской» подъ 1351 годомъ находимъ: «Тогожъ лѣта Князь Василію Михаиловичу Тверскому пріиде изъ Орды отъ Царя посолъ Ахматъ, и привезе ему *ярлыкъ* на его имя» (Ник. Лѣт. Т. III. стр. 198). Въ ней же, подъ 1362 годомъ — что къ В. К. Дмитрію Іоанновичу Донскому прибылъ во Владиміръ

---

[2] Объ этой «царевой грамотѣ» упоминается и во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Новагорода съ великими князьями Тверскими и Московскими: съ Михаиломъ Ярославичемъ—писанныхъ между 1305 и 1308 годами; съ Александромъ Михаиловичемъ—писанномъ въ 1327 году, и съ Іоанномъ Васильевичемъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ—писанномъ въ 1471 году (Собр. Гос. Грамотъ, т. I).

«посолъ изъ Мамаевы Орды отъ Царя Авдула съ *ярлыки* на великое княженіе Володимерское» (ibid. Т. IV. стр. 4), и вслѣдъ за тѣмъ: «Тогожъ лѣта Амуратъ Царь, братъ Хидыря, услышавъ, что отъ Царя Авдула посолъ ходилъ съ *ярлыки*... отпусти князя Ивана на Русь, а съ нимъ посла своего Иляка съ 30 Татарины, съ *ярлыки* ко князю Дмитрію Константиновичу». Тамъ же, подъ 1364 годомъ: «Тогожъ лѣта пріиде изъ Орды отъ Царя Озиза князь... а съ нимъ Царевъ посолъ, имя ему Урусъ Малды, и вынесе *ярлыки* на княженіе великое князю Дмитрію Константиновичу Суздальскому» (ibid. Т. IV. стр. 9). Тамъ же, подъ 1370 годомъ, — что посолъ ханскій «посылалъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу, зовя его въ Володимеръ къ *ярлыку*, и онъ отвѣщалъ къ *ярлыку* не ѣду»... (ibid. Т. IV. стр. 28). Тамъ же, еще нѣсколько разъ подъ 1381, 1400 и 1432 годами (ibid. Т. IV. стр. 137, 296, и Т. V. стр. 111). Въ Суздальской, подъ 1375 годомъ: «Тогоже лѣта... нѣкомасъ пріиде посломъ изъ Орды съ Ацыхожею... съ *ярлыки* ко князь Михаилу на великое княженіе» (Лѣтописецъ Русской. Спб. 1792, часть II, стр. 151). Въ договорныхъ грамотахъ Юрія Дмитріевича Галицкаго съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ, писанныхъ въ 1433 году, Юрій Дмитріевичь говоритъ: «А что есмь взялъ Царевъ *ярлыкъ* на Дмитровъ, и тотъ ми *ярлыкъ* тобѣ дати» (Собр. Гос. Грамотъ. Т. I. № 49 и 50, стр. 100 и 102). Въ договорной грамотѣ князя можайскаго Ивана Андреевича съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ, писанной въ 1447 году, помянутый князь можайскій обязуется возвратить взятые имъ изъ казны великокняжеской «грамоты докончалные, и *ярлыки*, и дефтери, и иные которые грамоты надобные» (ibid. № 66, стр. 148). О такихъ же ярлыкахъ, грамотахъ и дефтеряхъ, хранившихся въ казнѣ великокняжеской, упоминается еще и въ договорной записи Дмитрія Юрьевича Шемяки и можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ братомъ послѣдняго, княземъ Михаиломъ

Андреевичемъ, и съ княземъ боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ, писанной въ 1448 году (ibid. № 67, стр. 150); а въ договорныхъ грамотахъ князя суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ, писанныхъ около 1451 года, князь суздальскій говоритъ: «А што будетъ у мене *ярлыковъ* старыхъ на Суждаль и на Новгородъ на Нижней, и на Городець, и на все на Новугородское Княженье, и мнѣ, Господине, князю Ивану, тѣ *ярлыки* всѣ отдати тебѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ безхитростно. А новыхъ ми *ярлыковъ* не имати; а хотя, Господине, который Царь *ярлыки* свои мнѣ каковы дастъ на Новгородъ и на Суждаль, или ко мнѣ пришлетъ, и мнѣ и тѣ *ярлыки* всѣ отдати тобѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ по крестному целованью, а у собе мнѣ ихъ не держати» (ibid. № 80 и 81, стр. 186 и 188).

А вотъ мѣста изъ лѣтописей, которыми подтверждается полученіе ярлыковъ отъ хановъ и духовенствомъ нашимъ. Въ Ростовской, подъ 1213 годомъ, когда повѣствуется о хожденіи въ Орду митрополита Петра съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, сказано между прочимъ: «Милостію Божіею Петръ Митрополитъ въ Ордѣ у Царя былъ въ чести велицѣй и отпущенъ бысть вскорѣ съ управою и съ *ярлыки* и съ дефтери» (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 245). Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской: «И вси прихождаху во Орду, того ради понеже тогда во Ордѣ и *ярлыки* имаху, коиждо на свое имя, и князи, и епископы» (Н. Л. т. III. стр. 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1341 годомъ: «Того же лѣта пріиде изъ Орды отъ Царя Чанибека митрополитъ Ѳеогностъ, ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо и митрополитъ и епископъ *ерлыки* на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ» (ibid. Т. III, стр. 179).

Въ томъ, что слово ярлыкъ, какъ названіе извѣстнаго намъ рода жалованнымъ грамотамъ, перешло въ Россію изъ Орды, и употреблялось тамъ въ такомъ же смыслѣ, нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія. Слово это принадле-

житъ первоначально языку Монголовъ, которыми произносится *дзарликъ*, и значитъ: «слово старшаго къ младшему», а потомъ вообще «повелѣніе», «приказаніе» (Монгольская Христоматія О. Ковалевскаго. Казань, 1836, стр. 248) [3]. Отъ существительнаго *дзарликъ* произошелъ, на томъ же языкѣ, глаголъ *дзарликлаху*, «приказывать», «повелѣвать». Встарину слогъ *дза* въ словѣ *дзарликъ* и другихъ произносимъ былъ Монголами, а можетъ быть нѣкоторою частію народа произносится и нынѣ, какъ *я;* тюркскіе народы [4], заимствовавъ это слово у Монголовъ съ его древнимъ произношеніемъ [5], стали произносить это *я* иногда какъ *е*, причемъ окончаніе *икъ* измѣнили въ *ыкъ* или *ыгъ* [6]. Такимъ образомъ явилась у нихъ та форма этого слова въ которой перешло оно и въ нашъ языкъ. Изъ существительнаго ярлыкъ, ярлыгъ, ерлыкъ, ерлыгъ, Джагатайскіе Турки также сдѣлали глаголъ — يارليماق *ярлымакъ*, имѣющій одинакое значеніе съ монгольскимъ *дзарликлаху* [7]. Кромѣ тюркскихъ и

---

[3] Въ Монгольскомъ Словарѣ Я. Шмидта (Спб. 1834. стр. 298) *дзарликъ* переведено такъ: «слово знатныхъ особъ», «приказаніе».

[4] Тюркскими народами, по примѣру новѣйшихъ оріенталистовъ, называемъ мы всѣ народы говорящіе діалектами одного и того же первоначальнаго языка Тюркскаго تركى, совмѣщая одинаково подъ этимъ названіемъ какъ Татаръ Сибирскихъ, Уральскихъ, Волжскихъ, Крымскихъ и Закавказскихъ, такъ и Османлы, Тюркменовъ, Узбековъ, Туркистанцевъ, Киргизъ-Казаковъ и другіе одноплеменные и одноязычные съ этими народы и поколѣнія.

[5] Можетъ быть, впрочемъ, что въ тюркскихъ языкахъ слово *ярлыкъ* столь же древне какъ и въ монгольскомъ, и принадлежитъ обоимъ одинаково. Взаимныя отношенія этихъ двухъ вѣтвей одного ствола еще вовсе не изслѣдованы, потому часто случается что не знаешь какому языку въ собственность отнести то или другое слово, встрѣчаемое равно въ обоихъ; въ которомъ признать его кореннымъ, въ которомъ заимствованнымъ. Таковы слова: *ага*, *аймакъ*, *арсланъ*, *багадыръ*, *тенгри*, *улусъ*, *черикъ*, *ханъ*, *ярлу* и множество другихъ.

[6] Слово это пишется въ тюркскихъ языкахъ разнымъ образомъ. Встрѣчаемъ его въ формахъ: يارليق и يارلق يرليق يرلق يارليغ يرليغ يرلغ

[7] То-есть «приказывать», но употребляющійся и въ значеніи «говорить» когда рѣчь идетъ о важныхъ особахъ, точно такъ же какъ и *дзарликлаху*

русскаго, слово ярлыкъ, во время блестящаго періода владычества Монголовъ, перешло и въ языки иныхъ подвластныхъ имъ народовъ, въ персидскій, арабскій, сирійскій, армянскій, а можетъ быть еще и въ нѣкоторые другіе (Collection Orientale. Histoire des Mongols de la Perse. Vol. 1, p. 179—180) [8]. Въ нашемъ языкѣ слово это потеряло въ послѣдствіи времени настоящее значеніе, и вмѣсто его приняло совершенно иное, стало означать то, что по-французски называется étiquette; но во всѣхъ вышеисчисленныхъ оно постоянно сохраняло то значеніе, съ которымъ перешло въ нихъ первоначально. Значеніе это впрочемъ было уже не коренное, въ какомъ находимъ мы его доселѣ въ монгольскомъ, т. е. «словеснаго приказа», а второстепенное, именно «письменный приказъ», «указъ». Слово ярлыкъ приняло его въ тюркскихъ языкахъ во время Чинкгиса и первыхъ его преемниковъ [9]. Тогда всякая бумага, получавшая существованіе въ монгольскихъ канцеляріяхъ, и исходившая отъ высочайшей власти — былъ ли это указъ, приказъ, дипломъ, паспортъ, прокламація, грамота дарственная или охранная, письмо или инаго рода писанье — получала одинаковое названіе ярлыка, «повелѣнія», «приказанія». Другаго названія государственнымъ

Монголовъ, بيورمك *буюрмекъ* Турокъ, и فرمودن *фермуденъ* Персіянъ; которые глаголы значатъ въ одно время и «приказывать», и «говорить».

[8] На-примѣръ манджуйскій, гиндустани, грузинскій. Аравитяне изъ единственнаго ярлыкъ образовали, въ духѣ языка своего, множественное يراليق *яралыкъ*, по формѣ فعاعيل, и эта форма множественнаго вошла въ употребленіе и у Персіянъ.

[9] Если не имѣло его уже прежде того въ языкѣ Уйгуровъ, тюркскаго народа славившагося по Средней Азіи знаніемъ письменнаго искусства еще за долго до Чинкгиса, и имѣвшаго свою азбуку, передѣланную изъ сирійскаго Эстрангело, которую азбуку заимствовали у нихъ и Монголы. См. Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. Paris. 1820; Клапрота Abhandlung ueber die Sprache und Schrift der Uiguren, въ Verzeichniss der chinesischen und mandschuischen Bücher und Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin. Paris, 1822. folio.

бумагамъ разнаго рода не было; ярлыкъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ виды ихъ, такъ же какъ нѣкогда унасъ «грамота». Если станемъ отыскивать причину этому, мы найдемъ ее отчасти въ бѣдности кочевыхъ языковъ, не имѣющихъ словъ для выраженія канцелярско-юридическихъ понятій, развивающихся у народовъ осѣдлыхъ болѣе образованныхъ, и потому необходимо принужденныхъ довольствоваться для выраженія видовыхъ понятій употребленіемъ одного родоваго; но еще болѣе найдемъ ее въ томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣли о своей власти монгольскіе хаганы или императоры, мнѣніи заимствованномъ ими у Китайцевъ, которые искони служили кочевымъ сосѣдямъ своимъ образцомъ во всемъ, что касалось до государственнаго или придворнаго устройства и удобствъ жизни [10]. Подобно им-

---

[10] Китайскіе историки пишутъ, что еще за два вѣка до Р. Х. при хуннскомъ владѣтелѣ Модо-Шаньюѣ, Монголы заимствовали у Китайцевъ ихъ гіероглифическое письмо и переняли многія обыкновенія (Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Спб. 1828, Т. I. стр. 201 и 212). Во время владычества домовъ киданьскаго и нючжискаго въ X, XI и XII вѣкѣ, монгольская образованность совершенно облеклась въ стѣснительныя формы китайской церемоніальности, какъ повтореніе того же видимъ нынѣ на Манджуяхъ. По разрушеніи Нюджискаго Царства оружіемъ Чинкгиса, и расширеніи владѣній и могущества сего-послѣдняго на счетъ Китая, много китайскаго перешло также и къ сѣвернымъ Монголамъ, и заимствованія становились тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе проникались китаизмомъ преемники Чинкгиса, властвовавшіе въ Великой-Ордѣ. Многія званія, должности, обряды и принадлежности ихъ, которыя встрѣчаемъ у Монголовъ, ведутъ происхожденіе изъ «Срединной Имперіи». Даже наружная форма и стиль въ произведеніяхъ монгольскихъ канцелярій рабски скопированы были съ китайскихъ. Такъ отъ Рашидъ-уд-Дина узнаёмъ, что уже при Угедеѣ былъ особенный чиновникъ, обязанный записывать ежедневно замѣчательныя слова его, и что такой же былъ и при братѣ его Джагатаѣ (д'Охсона Histoire des Mongols. La Haye. 1834. Vol. II. p. 189 и 499). Это древній китайскій обычай, который находимъ впрочемъ и въ царствѣ Ахеменидовъ. Мангу, по примѣру Китайцевъ, покойнаго отца своего Тули произвелъ въ императоры, и далъ ему почетное прозваніе въ храмѣ предкамъ (Гань-Му, въ Исторіи перв. четырехъ хановъ изъ дома Чинкгисова. Пер. съ китайск. О. Іакинѳа. Спб. 1829. стр. 309); а Хубилай былъ уже совершеннымъ китайцемъ по понятіямъ, по привычкамъ, по образу жизни. — Золотыя и серебряныя бляхи, бывшія въ употребленіи у Монголовъ, и извѣстныя подъ именемъ *паизе*, پایزه, самымъ

ператорамъ, великіе ханы монгольскіе именовали себѣ «сынами Неба», и на землѣ никого не признавали себѣ равнымъ. Весь шаръ земной считали они своимъ законнымъ владѣніемъ, всѣхъ государей и всѣ народы—рабами своими, всякое сопротивленіе своей власти—бунтомъ, заслуживающимъ жестокаго наказанія [11]. Отсюда ясно почему каждое слово ихъ къ другому, изустно или письменно сообщаемое, было необходимо «словомъ старшаго къ младшему, «повеленіемъ», «приказаніемъ».

названіемъ обнаруживаютъ китайское происхожденіе свое. Это китайское *пан* съ прибавленіемъ частицы *цзы* (Сенъ-Мартена Mémoires sur L'Armenie. Paris. 1819. vol. II. p. 281). *Тугъ*, توغ, родъ знамени изъ древка съ привязаннымъ къ нему буйволовымъ или лошадинымъ хвостомъ, издревле принятаго Монголами, есть тоже китайское *тау* или *ту* (Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. vol. I. p. 303). По словамъ Марка Поло, важнѣйшіе придворные сановники жгли въ новый годъ ладонъ на жертвенникѣ, поставленномъ посреди двора передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая (книга II, глава XII). Не имѣетъ ли эта китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмѣ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописи?

[11] «Сынъ Неба», *тянь-цзы*, китайскій титулъ императора, католическіе миссіонеры XIII вѣка, ѣздившіе въ Азію, переводили всегда filius Dei, «сынъ Бога», потому, что какъ на китайскомъ слово *тянь*, такъ и на монгольскомъ слово *тенгри*, означаетъ вмѣстѣ и «небо», и «божество». Такъ Плано Карпини говоритъ: Ipse (Imperator) quoque gloriatur se esse filium Dei, seque sic ab hominibus apellari. Онъ же въ другомъ мѣстѣ: Tantae vero impietatis et arrogantiae sunt (Tartari) ut Dominum suum Cham filium Dei appellent ipsum loco Dei super terram venerantes adorent.... nam et ipse Cham se filium Dei appellat, et in litteris suis sub hoc nomine mandat omnibus. По его же словамъ, на печати императора Куюка написано было: «Богъ въ небесахъ, а Куюкъ-ханъ на земли. Силою Божіею печать повелителя всѣхъ людей» (Собр. Путешествій къ Татарамъ, изд. Языковымъ. Спб. 1825. стр. 44 и 104). Num scit ille (papa) quod Cham sit Dei filius? говорилъ воевода Байджу-Ноянъ монаху Асцелину, когда тотъ разсказывалъ ему, что Папа выше всѣхъ людей (Ibid. стр. 222). Такимъ же образомъ выражается армянскій лѣтописецъ Ваграмъ о воцареніи Мангу, говоря, что онъ провозглашенъ былъ «сыномъ Бога въ небесахъ» (Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia during the time of the Crusades, translated from Armenian by Ch. Neumann. Lond. 1831. p. 49). Ярлыкъ, присланный отъ Чингисъ-хана Байджу-Нояну, и сохранившійся для насъ въ варварскомъ латинскомъ переводѣ, Татаре, по словамъ Асцелина, называли litterae Dei.

Потомки Чинкгиса основавшіе себѣ независимыя владѣнія въ Азіи и Восточной Европѣ, и преемники ихъ наслѣдовавшіе эти владѣнія, не могли, разумѣется, имѣть тѣхъ же понятій о своей власти, какъ великіе хаганы; тѣмъ не менѣе слово ярлыкъ оставалось въ ихъ кочевыхъ и осѣдлыхъ канцеляріяхъ общимъ наименованіемъ всякаго рода и содержанія бумагамъ изъ нихъ выходившимъ, независимо отъ того, что для разныхъ видовъ ихъ заимствованы были со-временемъ, особенно въ царствѣ Гулагидовъ, другія названія изъ арабскаго и персидскаго языковъ, какъ на-примѣръ پروانه *перване* и برات *бератъ* [12]. Крымскіе Гиреи, какъ положительно извѣстно, сохранили ярлыку

Это — китайское выраженіе: «небесныя писанія», которымъ дѣйствительно означаются въ Китаѣ повелѣнія императора. Эта грамота или ярлыкъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образчиковъ какого мнѣнія былъ о себѣ Чинкгисъ, или какое хотѣлъ внушить онъ о себѣ другимъ. Вотъ его же прокламація къ жителямъ Нишабура: «Начальники, люди именитые и народъ! Знайте, что Богъ далъ мнѣ власть надъ міромъ отъ Востока до Запада. Кто покорится, будетъ пощаженъ; но горе тѣмъ, кто станетъ противиться: они будутъ избиты съ женами, дѣтьми и домочадцами» (Рашидъ-уд-Динъ, въ Hist. des Mongols д'Охсона, vol. I. p. 249). Преемники Чинкгиса были рѣшительно убѣждены, что Небо опредѣлило имъ быть властителями цѣлаго міра. Это говорили они и писали всѣмъ и каждому. Отъ того и происходило, что въ началѣ своихъ завоеваній, Монголы, отправляясь войною на какой-либо народъ, требовали отъ него покорности себѣ какъ должнаго, и на сопротивленіе оружію своему смотрѣли какъ на дерзостное сопротивленіе волѣ Неба, вызывавшее со стороны ихъ, какъ орудій этой воли, истребленіе виновныхъ. Когда-же владѣтель, котораго Монголы призывали къ тягостной покорности, рѣшался покориться и сдѣлаться ихъ вассаломъ, онъ долженъ былъ непремѣнно ѣхать къ императору для засвидѣтельствованія ему своего подданства. Такъ, послѣ того какъ В. К. Ярославъ Всеволодовичь торжественно призналъ надъ собою власть Монголовъ въ ордѣ Батыя, Батый послалъ его на поклоненіе къ «Кановичемъ», какъ говорятъ наши лѣтописи, то есть, къ великому каану или хагану.

[12] Но и у Гулагидовъ жалованныя грамоты, дипломы и паспорты всегда сохраняли названіе ярлыка. Извѣстительное письмо къ султану египетскому Келауну о восшествіи своемъ на престолъ, султанъ Ахмедъ называетъ ярлыкомъ (ordre, ordonnance). Письмо это, въ французскомъ переводѣ, можно видѣть у д'Охсона въ его Hist. des. Mongols, vol. III, p. 563. См. еще тамъ же, vol. IV. p. 410—711 и Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations poli-

эту обширность значенія до послѣднихъ временъ своего существованія. Вотъ доказательства: Договоръ свой съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, писанный въ 1474 году. Менгли-Гирей называетъ «ярлыкомъ»: «Какъ писано въ семъ *ярлыцѣ*» (Ист. Гос. Росс. Т. VI, пр. 124, стр. 378); а великій князь, въ наставленіяхъ послу Старкову, называетъ тотъ же договоръ «шертнымъ ярлыкомъ». Письма разнаго содержанія отъ Менгли-Гирея къ королямъ польскимъ, Александру и Сигизмунду I, и къ воеводѣ молдавскому Богдану, равно какъ и жалованная грамота отъ Менгли-Гирея Сигизмунду I, писанныя въ 913 г. гиджры (1506 по Р. Х.), называются ярлыками (иногда «листами»), какъ въ нихъ самихъ, такъ и тогда, когда о нихъ упоминается въ другихъ актахъ (Сборникъ Князя Оболенскаго. Москва. 1839. № I). Ярлыкомъ величаетъ помянутый Сигизмундъ даже письмо полученное имъ отъ хана казанскаго Магметъ-Аминя (ibid. стр. 43). Льготная грамота, данная въ 1550 году ханомъ Сахибъ-Гиреемъ нѣкоторому Шагану Чагаріару, зоветъ себя ярлыкомъ (Журналъ Министерства Народн. Просв. на 1836 г., книжка третья). Наконецъ я самъ имѣлъ въ рукахъ болѣе десяти подлинныхъ татарскихъ грамотъ различнаго содержанія и разныхъ крымскихъ хановъ, съ начала XVI по конецъ прошедшаго столѣтія, которыя всѣ одинаково носятъ титулъ ярлыковъ [13].

То же, что у Гиреевъ въ Крыму, было, должно полагать, и у Джучидовъ въ Золотой-Ордѣ, менѣе подверженной персо-арабскому вліянію чѣмъ ханство Гулагидовъ въ Персіи или Джагатаидовъ въ Мавераннагрѣ. Положеніе это подтверждается всѣми извѣстными доселѣ, изданными въ подлинникѣ или переводѣ, актами золото-ордын-

---

tiques des princes Chrétiens avec des empéreurs mongols. Paris. 1824, p. 96). Манифестъ свой о томъ же къ народу преемникъ Ахмеда Аргунъ-Ханъ величаетъ тѣмъ же именемъ (Абель Ремюза. l. c. p. 97.)

[13] Ярлыки эти, въ fac-simile, подлинникѣ и переводѣ, изданы будутъ въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

скихъ канцелярій. Договоры, заключенные Венеціянами съ Джанибекомъ въ 1347, и съ Бирдибекомъ въ 1358 году, названы въ нихъ «commandamento», т. е. ярлыками (см. ихъ въ Гаммеровой Gescichte d. Gold. Horde, s. 517—522). Тарханная грамота Кутлукъ-Тимура, данная имъ въ 1397 году нѣкоему Мохаммедъ-Бею съ сыновьями, объявляетъ себѣ ярлыкомъ: التون نشانلق آل تمغاليق يارليق بيرلدى, *Алтунъ нишанлыкъ аль тамгалыкъ ярлыкъ бирильди*, «данъ сей ярлыкъ за золотымъ вензелемъ, за алою тамгою» (Mines de l'Orient. Vol. VI, p. 359). Льготная грамота Тохтамыша, данная имъ въ 1382 году Бику Хаджи съ племенемъ, называетъ себя ярлыкомъ (Журналъ Министерства Нар. Просв. на 1840 годъ, книжка осьмая). Письмо свое къ Ягайлѣ, писанное въ 1392 году, Тохтамышъ величаетъ тѣмъ же названіемъ [14]. Такъ же называетъ и Едигей письмо свое къ В. К. Василію Дмитріевичу, писанное въ 1409 году (Собр. Гос. Грамотъ. Т. I. № 15, стр. 16). Ярлыками же, наконецъ, именуются жалованныя грамоты Тохтамыша и другихъ золото-ордынскихъ хановъ королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ, какъ въ письмахъ Менгли-Гирея къ Сигизмунду I, такъ и въ отвѣтахъ ему сего-послѣдняго, имѣвшихъ мѣсто въ 1506 году (Сборникъ Князя Оболенскаго, № I, стр. 45, 84 и 89).

И мало того, что «ярлыкъ» было общимъ наименованіемъ всякаго рода бумагамъ, исходившимъ отъ хановъ татарскихъ: на Руси и въ Литвѣ привыкли къ нему до того, что стали звать ярлыками даже письма и грамоты русскихъ и литовскихъ владѣтелей къ ханамъ. Такъ въ Нико-

---

[14] О существованіи этого важнаго документа и содержаніи его публика знаетъ доселѣ только изъ Гаммеровой Geschichte d. Gold. Horde, и только то, что онъ написалъ объ немъ (стр. 355). Fac-simile этого письма уйгурскими буквами, съ татарскою транскрипціею, современнымъ бѣлорусскимъ переводомъ, и переводомъ и объясненіями нѣсколькихъ нашихъ оріенталистовъ, явится вскорѣ на свѣтъ въ драгоцѣнномъ «Сборникѣ» Князя М. А. Оболенскаго.

новской Лѣтописи, подъ 1379 годомъ, читаемъ: «Олегъ Рязанскій посла посла своего къ Царю Мамаю и *ярлыки* свои написа къ нему сице:» (Ник. Лѣт. Т. IV, стр. 90). Такъ ярлыкомъ же названо письмо короля Сигизмунда I къ хану Менгли-Гирею въ «Посольской Книгѣ Великаго Княжества Литовскаго» (Сборникъ Князя Оболенскаго, № I, стр. 82).

Послѣ всего сказаннаго не остается, надѣюсь, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Золотой-Ордѣ существовали акты носившіе названіе «ярлыковъ», и что ханы ея давали таковые князьямъ нашимъ и духовенству. Теперь спрашивается: семъ ярлыковъ на русскомъ языкѣ, дошедшіе до нашего времени, и находимые въ разныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ [15], истинны или подложны?

Разсмотримъ сначала содержаніе и форму этихъ ярлыковъ, поищемъ: не представляетъ ли то или другое какихъ нибудь обстоятельствъ, которыя подтвердили бы ихъ достовѣрность, или обнаружили въ нихъ подлогъ; а тамъ разслѣдуемъ, съ тою же цѣлію, лица дававшія и получавшія ихъ, мѣсто, время и поводъ ихъ дачи, языкъ этихъ актовъ и, наконецъ, какъ могли сохраниться они до нашего времени, и въ какомъ видѣ сохранились.

II.

Содержаніе ярлыковъ

Ярлыки, за исключеніемъ Тайдулинаго Алексѣю, который есть не что иное какъ подорожная на случай отправле-

---

[15] Въ Суздальской, въ Ростовской, въ неизвѣстной, откуда извлекъ ихъ Новиковъ, и должно быть еще въ разныхъ другихъ. Карамзинъ говоритъ: «во многихъ рукописныхъ ярлыкахъ означенъ годъ»: стало-быть онъ имѣлъ въ рукахъ какіе нибудь списки ихъ. При изданіи Софійскаго Временника, П. Строевъ пользовался однимъ сборникомъ изъ библіотеки Воскресенскаго Монастыри, въ которомъ сборникѣ между прочимъ помѣщены и «ярлыки (числомъ 5) иже суть давали Цари Ординскіе Митрополитамъ Кіевскимъ всея Русіи на церковные домы и на люди» (Софійскій Временникъ. Москва. 1820. Т. I. стр XXVII).

нія его въ Константинополь, всѣ одинаковаго содержанія. Во всѣхъ даются нашему духовенству разныя права и преимущества; освобождается оно отъ платежа всякаго рода пошлинъ, даней и повинностей; митрополитамъ предоставляется право суда и расправы надъ всѣмъ духовенствомъ и подвѣдомственными ему людьми, равно какъ и распоряженія всякаго рода церковнымъ и монастырскимъ имуществомъ; Татарамъ предписывается величайшее уваженіе къ нашей религіи, за хулу на которую, такъ же какъ и за нарушеніе всѣхъ вышеозначенныхъ преимуществъ, опредѣляется наказаніемъ не менѣе какъ смертная казнь. И за всѣ эти преимущества, даруемыя духовенству, ханы просятъ у него только молитвъ за себя и благоденствіе своего рода и племени.

Спрашивается: сообразное ли съ чѣмъ это дѣло, чтобы властители Золотой-Орды, исповѣдывавшіе Исламизмъ, покровительствовали духовенству враждебнаго Исламизму христіанскаго исповѣданія въ такой мѣрѣ, что дѣлались почти отступниками отъ своей вѣры, и все это не только безъ выгоды для себя, но съ ущербомъ для собственной казны, и того, что называется гордостію народной? Чтобы они давали христіанскому духовенству такія преимущества, и оказывали такое уваженіе къ христіанской религіи, тогда какъ ихъ, мусульманская, предписываетъ величайшую нетерпимость и презрѣніе къ иновѣрцамъ; тогда какъ извѣстно какія притѣсненія терпѣли Христіане и какому униженію подвергались они въ Азіи вездѣ, гдѣ находились подъ властію Магометанъ; тогда какъ историки разсказываютъ, что государи, которымъ приписываются ярлыки, славились ревностными приверженцами ученія Магометова, и лѣтописи наши полны печальными сказаніями о разореніи Татарами церквей и монастырей, и слезными повѣстями о разныхъ князьяхъ принявшихъ въ Ордѣ отъ этихъ же самыхъ хановъ смерть мученическую за твердость свою въ вѣрѣ христіанской? Не находится ли поэтому содержаніе

ярлыковъ въ совершенномъ противорѣчіи съ исторіею? Не показываютъ ли эти самыя права и преимущества, даруемыя въ нихъ духовенству, что ярлыки сочинены въ Россіи самимъ духовенствомъ, не во время татарскаго владычества, когда это ни къ чему бы не послужило, а въ позднѣйшее время, съ тою цѣлію чтобы, показавъ какъ самые враги Россіи, нехристи, бусурмане, покровительствовали духовенству, подвигнуть этимъ православныхъ царей къ соревнованію и дарованію духовнымъ новыхъ правъ или сохраненію прежнихъ; чтобы, такъ сказать, попрекать ихъ этими ярлыками, приговаривая какъ авторъ приписки къ нимъ у Новикова: «Вы, православніи и христолюбивіи Царіе и Князи и Бояре, потщитеся къ святымъ Божіимъ церквамъ всяко благотвореніе показати.... и милость и милостыню.... да не посрамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный!»

Отвѣчаемъ: нѣтъ! Въ-продолженіе тысячелѣтняго существованія Народа Русскаго духовенство наше, всегда вѣрное высокому призванію своему, не осквернялось никогда такою ложью, такими дѣлами духа тьмы; довольствовалось всегда тѣмъ, что имѣло, не стремилось къ увеличенію свѣтскаго могущества своего путями неправыми; потому нѣтъ повода обвинять его въ подлогѣ и въ настоящемъ случаѣ, не говоря уже о томъ, что противъ подлога съ его стороны вопіютъ и другія обстоятельства: ярлыки даны не одному какому-либо монастырю, не одной эпархіи, а духовенству цѣлой Россіи, митрополитамъ извѣстнымъ святостію жизни. Предполагая подлогъ, надо предположить согласіе на оный цѣлаго духовенства, по крайней мѣрѣ высшаго, а намъ нравственное чувство не позволяетъ вѣрить возможности такого ужаснаго поступка въ какомъ бы то ни было народѣ, тѣмъ болѣе въ православномъ Царствѣ Русскомъ. Исчисленныя въ ярлыкахъ права̀, льготы и преимущества оно дѣйствительно должно было получить отъ хановъ, ибо дѣйствительно пользовалось ими какъ из-

древле, такъ и долгое время по сверженіи монгольскаго ига. Когда Іоаннъ III Васильевичь хотѣлъ отобрать у духовенства принадлежавшія ему села и деревни, и собралъ для этого въ 1500 году соборъ, то митрополитъ Симонъ отъ лица всего народа писалъ ему: «...Такоже, Государь, и въ нашихъ Русскихъ странахъ при твоихъ прародителяхъ, при В. К. Владимірѣ и при его сынѣ В. К. Ярославѣ.... даже и до сихъ мѣстъ, святители монастыри, грады и волости, слободы и села имѣли, и суды и управы и пошлины и оброки и дани церковныя держали по божественнымъ велѣніемъ и установленіемъ» и пр. И далѣе: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ Царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквей и отъ священныхъ мѣстъ ни что же не имаху.... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ, но и въ Русскомъ вашемъ царствіи, и *ярлыки* давали» (Истор. Гос. Росс. т. VI. прим. 622, стр. 340 и 457). Да и въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ этому подтвержденіе. Въ Софійскомъ Временникѣ, подъ 1255 годомъ читаемъ: «Тое же зимы пріѣхаша численницы отъ Татаръ, и сочтоша всю землю Руськую.... только не чтоша игуменовъ, поповъ и черньцовъ и кто служитъ святымъ церьквамъ» (Соф. Врем. изд. Строева. Т. I, стр. 269). Въ Никоновской Лѣтописи подъ 1257 г.: «Тое же зимы пріѣхаша числѣницы исъ Татаръ и изочтоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую.... точію не чтоша архимандритовъ и игуменовъ и иноковъ и поповъ и дьяковъ и крилошанъ и всего причета церковнаго» (т. III. стр. 37). И въ ней же подъ 1275 годомъ: «Тогожъ лѣта бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число (перечисленіе народа) второе изъ Орды отъ Царя. Изочтоша вси кромѣ священниковъ» (ibid. стр. 59). Когда лица духовныя и весь причетъ церковный не входили въ общую народную перепись, значитъ они избавлены были отъ податей, не платили ничего въ казну завоевателей Россіи; потому, что цѣлью переписи у Монголовъ было не иное

что, какъ правильное обложеніе народа податями. Для этого единственно принимали они на себя трудъ перечислять подвластные имъ народы, а не изъ статистическаго любопытства. Такъ было въ Китаѣ, Мавераннагрѣ, Персіи: такъ должно было быть и въ Россіи.

Теперь, когда сомнѣнія относительно дачи правъ и льготъ, помянутыхъ въ ярлыкахъ, удалены положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописей, остается объяснить еще: почему ханы дѣйствовали такимъ образомъ, что̀ заставляло ихъ питать такое уваженіе къ нашей религіи и служителямъ ея, и выражать его столь убыточно для казны своей и мусульманскаго правовѣрія? Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. Т. IV, стр. 71), а вслѣдъ за нимъ и другіе, старались объяснить это явленіе; но вмѣсто того чтобы отыскивать его причины, ихъ придумывали; вмѣсто того чтобы проникнуть основательно въ сущность дѣла, ограничивались предположеніями безъ доказательствъ, и противорѣчили сами себѣ. Такъ какъ настоящій вопросъ довольно важенъ, мы считаемъ нелишнимъ объяснить его съ нѣкоторою подробностію.

Можно предполагать, какъ и предполагаютъ вообще, что причины расположенія къ нашему духовенству со стороны хановъ были политическія; что, покровительствуя ему, они имѣли въ виду упрочить свое владычество, связавъ его съ выгодами класса, который всегда и вездѣ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ; сдѣлавъ себѣ изъ духовныхъ не враговъ ярыхъ, какими бы они необходимо явились терпя притѣсненія отъ Татаръ, а заступниковъ усердныхъ, которые видѣли бы свою пользу въ игѣ наложенномъ иноплеменными на ихъ соотечественниковъ. Но мы не думаемъ, чтобы золото-ордынскіе ханы были въ состояніи понять такую умную хотя и простую политику, и слѣдовать ей постоянно въ-теченіе двухъ сотъ лѣтъ. Изъ исторіи ихъ владычества надъ Россіею, изъ того, ка̀къ допустили они усилиться московскимъ князьямъ, ка̀къ

сами содѣйствовали соединенію раздробленной Россіи, тогда какъ имъ должно было поддерживать всѣми силами это раздробленіе, нельзя заключать, чтобы они были хитрыми, дальновидными правителями. Нѣтъ, причины ихъ покровительства духовенству, ихъ уваженія къ нашей религіи, были другія, именно: отсутствіе въ нихъ религіи, а вслѣдствіе того и всякой религіозной ревности, величайшая вѣротерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльное суевѣріе.

Національной религіи у Монголовъ не было. До Чинкгиса мѣсто религіи заступали имъ нѣкоторыя темныя вѣрованія въ какое то Высочайшее Существо (которое, равно какъ и Небо, они означали словомъ *Тангри*), и поклоненіе солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ, стихіямъ и предкамъ, которымъ приносились жертвы нерѣдко кровавыя [16]. Виновниками всѣхъ золъ и бѣдствій своихъ считали они злыхъ духовъ, которыхъ боялись ужасно и старались задабривать приношеніями, черезъ посредство *камовъ*, бывшихъ вмѣстѣ жрецами, кудесниками, гадателями и лекарями. Существованіе этихъ злыхъ и отчасти добрыхъ духовъ, и могущественное вліяніе на нихъ камовъ — были капитальными догматами ихъ вѣрованій; кромѣ того они имѣли тьму разныхъ другихъ предразсудковъ и суевѣрій, короче: у нихъ былъ тотъ родъ религіи, который нѣкогда существовалъ у всѣхъ средне и сѣверо-восточныхъ азійскихъ народовъ, и нынѣ называется шаманствомъ, котораго держатся еще и теперь всѣ дикари Сѣверной Азіи, и который, по ученію Конфуція, сорокъ вѣковъ исповѣдуютъ Китайцы (Плано Карпини, кн. II, глава 3; д'Охсона: Hist. des Mon-

---

[16] Такъ китайскіе историки разсказываютъ, что по смерти Апаки, основателя Царства Киданьскаго, вдова его Шуру лишила жизни нѣсколько сотень киданьскихъ вельможъ, для того чтобы они сопровождали покойнаго на тотъ свѣтъ (Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Т. II, стр. 160). Такъ изъ персидскаго историка Вассафа узнаёмъ, что въ могилу Гулагу зарыты были вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ (д'Охсона Hist. des Mongols. vol. III. p. 407). См. также Марка Поло, кн. I. глава LIII и LIV, и Жана де Мандевиля, гл. XXXIX.

gols. Vol. I, p. 16—17; Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Ч. I. стр. 188—190). Чинкгисъ явился Монголамъ чѣмъ-то въ родѣ пророка. Самъ выдавалъ онъ себя за человѣка предназначеннаго Небомъ для владычества надъ міромъ, такимъ признанъ былъ отъ единоплеменниковъ, и велѣнія его сдѣлались для нихъ самыми святыми, самыми ненарушимыми законами, сдѣлались для нихъ почти религіозными догматами. Чинкгисъ самъ не держался ни какого вѣроисповѣданія, признавалъ бытіе одного Высочайшаго Существа, но былъ при томъ суевѣренъ какъ всякій монголъ [17], потому боялся всѣхъ боговъ, и буддійскаго, и мусульманскаго, и христіанскаго; всѣхъ ихъ желалъ задобрить, какъ задабривалъ національныхъ злыхъ духовъ [18], потому оказывалъ всегда величайшую вѣротерпимость, и одинаково покровительствовалъ духовнымъ всѣхъ религій [19], какъ посредникамъ между людьми и ихъ относительными божествами, какъ камамъ, которые могли укрощать ихъ гнѣвъ или испрашивать ихъ милость по волѣ. Эту же вѣротерпимость, равное уваженіе ко всѣмъ религіямъ, освобожденіе отъ всякихъ податей и повинностей ихъ служителей, а также и всякаго рода ученыхъ, предписывалъ онъ и своимъ преемникамъ. Эти и другія предписанія и

---

[17] «Монгольскій государь (Чинкгисъ) передъ каждымъ походомъ заставлялъ Ѣлюй-Чуцая предварительно ворожить удачно ли будетъ предпріятіе; также и самъ повѣрялъ его ворожбу сожиганіемъ бараньяго легкаго (кости?) и потомъ уже приступалъ къ дѣйствію» (Гань-Му въ Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чинкгисова. Пер. съ Китайск. О. Іакинѳа. Спб. 1829. стр. 107).

[18] Любопытнымъ памятникомъ вѣрованія Чинкгиса въ злыхъ духовъ остался для насъ камень, посвященный имъ 335 *эльсе*, особеннаго рода крылатымъ демонамъ. См. объ этомъ Bericht ueber eine Inschrift aus der aeltesten Zeit der Mongolen-herrschaft, von. I. J. Schmidt, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Petersbourg. VI-me serie. Sciences hist. Tome II.

[19] چون جنکیزخان تابع هیچ دین وملت نبود از تعصب و ترجیح ملتی بر ملتی احتراز واجتناب نمودی Мирхондъ, въ Роузетъ-эс-Сефа. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi. vol. V. p. 205 и 221.

установленія Чинкгиса, основанныя бо́льшею частію на древнихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Монголовъ (и обнародованныя имъ на курилтаѣ (сеймѣ) 1206 года), собраны были въ одну книгу, которую Монголы называли *Тунджинъ*, и которую персидскіе писатели цитируютъ подъ именемъ ياسا نامه *Яса-Намэ*, «Книги Запретовъ», чаще просто подъ именемъ ياسا *Яса*, иногда же подъ именемъ ياسا وتورای جنکیزخانی *Яса ве Тура-и-Дженгизхани*, «Запретовъ и Законовъ Чинкгисъ-хановыхъ» [20]. По смерти Чинкгиса, эти «запреты и законы» сдѣлались для премниковъ его и всѣхъ Монголовъ вообще единственными, но за то въ высшей степени обязательными правилами въ жизни и правленіи, стали для нихъ Ведами, Евангеліемъ, Кораномъ. При восшествіи хановъ на престолъ приносили Яса, и присутствующіе клялись соблюдать въ точности всѣ содержащіяся въ ней постановленія [21]. Нарушеніе ихъ какимъ бы то ни было лицомъ считалось величайшимъ преступленіемъ и наказывалось строжайшимъ образомъ. Въ самомъ Яса, государя не соблюдавшаго ихъ предписывалось свергать съ престола и держать въ заточеніи цѣлую жизнь (Notices et Extraits, vol V, p. 206). Сообразно съ этими законами всѣ монгольскіе императоры, преемники Чинкгиса, покровительствовали одинаково всѣмъ религіямъ [22], одинаково

---

[20] Этотъ памятникъ Чингкисова законодательства не дошелъ до насъ въ цѣлости, и мы знаемъ его только по отрывкамъ, цитированнымъ разными мусульманскими писателями. О законахъ Чинкгисовыхъ см. Пти-де-Лакруа Vie de Genghizkhan; Notices et extraits des manuscrits, vol. V. p. 205—229; д'Охсона Hist. des Mongols. V. I. p. 290 и слѣд.; Де-Саси Chrestomathie arabe, II, 58; Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-el-Din. vol. I. p. CLX — CLXIX; Гаммера Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, s. 182 — 202.

[21] Hist. des Mongols de la Perse par Raschid-el-Din. Préface. p. CLXVII. Онѣ исполнялись еще при Тамерланѣ и его преемникахъ, и, какъ говоритъ Макризи, имѣли силу закона даже въ Египтѣ. Ibidem, и въ Chrestomathie arabe par De Sacy, vol. II. p. 60.

[22] «Они не принуждаютъ никого къ отступленію отъ своей вѣры или закона» говоритъ Плано Карпини о Татарахъ, а Винцентій Бовезскій при-

освобождали отъ податей какъ поповъ и монаховъ, такъ муллъ, ламъ и шамановъ, и въ одно и то же время исполняли обряды и присутствовали при церемоніяхъ Христіанъ различныхъ сектъ, Магометанъ, Буддистовъ и язычниковъ другихъ религій. Жены и приближенные императоровъ слѣдовали въ точности ихъ примѣру. Разсказывая о послѣднемъ обстоятельствѣ, Рубруквисъ (глава XXXVI) объясняетъ, что «дѣлали они все это для того, чтобы получить тѣ блага, которыхъ желали, и избѣгнуть тѣхъ золъ, которыя могли ихъ постичь, не подозрѣвая чтобы религіозные обряды могли имѣть какую-либо другую цѣль». Императоръ Мангу любилъ слушать споры проповѣдниковъ разныхъ вѣръ; но когда Рубруквисъ началъ говорить ему настоятельнѣе о своей, Мангу отвѣчалъ: «Всѣ люди обожаютъ одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его какъ угодно; благодѣянія-же Божіи, равно на всѣхъ изливаемыя, заставляютъ каждаго изъ нихъ думать будто его вѣра лучше другихъ». Несмотря на чистый деизмъ этихъ словъ, Мангу «приносилъ жертвы небу, солнцу, лунѣ и горамъ», и «крайнѣ вѣрилъ волхвованіямъ шамановъ и ворожей, при каждомъ предпріятіи призывалъ ихъ къ себѣ, и не скучалъ быть съ ними почти каждый день», говоритъ китайская исторія дома Юань (Ист. перв. чет. хановъ. Стр. 322, 331 и 350). Преемникъ Мангу, Хубилай, хотя и особенно расположенный къ Буддизму, уважалъ тѣмъ не менѣе и религію Христіанъ, Мусульманъ и Евреевъ. Марко Поло (кн. II. гл. II) разсказываетъ, что въ тѣ дни, когда Христіане праздновали большіе праздники свои, онъ призывалъ ихъ предъ себя, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Евангеліе, приказавъ прежде окадить

бавляетъ: «Христіанамъ и всякимъ сектамъ и всякимъ вѣроисповѣданіямъ позволяютъ они у себя отправлять богослуженіе свободно и безопасно; да и во всѣхъ владѣніяхъ своихъ не обращаютъ вниманія на людскіе обычаи, только бы повиновались имъ во всемъ, и служили какъ приказываютъ» (Собр. путеш. къ Татарамъ; изд. Языковымъ. Стр. 86 — 87).

его. — Но къ Христіанамъ монгольскіе государи были вначалѣ вообще болѣе расположены чѣмъ къ Магометанамъ или послѣдователямъ другихъ религій [23]. Виною сему были преимущественно два обстоятельства: то, что нѣкоторыя монгольскія и турецкія поколѣнія, какъ Кераиты и Уйгуры, были болѣе или менѣе обращены въ Христіанство несторіанскими проповѣдниками еще задолго до Чинкгиса; и то, что многіе государи имѣли женъ христіанокъ, сильно покровительствовавшихъ своимъ единовѣрцамъ. Это особенное благоволеніе къ Христіанамъ, и крещеніе, которое многіе государи и вельможи принимали какъ неважную и ни къ чему не обязывающую церемонію, и подали поводъ западнымъ Европейцамъ считать Монголовъ за Христіанъ, слѣдствіемъ чего были многочисленныя посольства миссіонеровъ въ Среднюю-Азію ко двору императоровъ, посольства, совершенно не достигшія своей цѣли [24].

Гулагу и первые преемники его въ Персіи отличали Христіанъ особенными милостями, все потому же, что жены ихъ были христіанки. О женѣ Гулагу, по имени Докузъ-хатунъ, Рашидъ-уд-Динъ расказываетъ: «Она постоянно поддерживала Христіанъ, и при жизни ея они очень усилились. Гулагу, изъ уваженія къ ней, оказывалъ имъ большія милости и почести, до такой степени, что на всемъ пространствѣ его владѣній они выстроили себѣ но-

---

[23] Плано Карпини пишетъ, что Куюкъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе, и что передъ большимъ шатромъ его стояла всегда христіанская часовня, въ которой они явно и открыто пѣли и звонили къ часамъ (Собр. Пут. къ Татарамъ. Стр. 42). «Мангу-Ханъ былъ благочестивъ, и при дверяхъ главнаго дворца своего имѣлъ церковь, гдѣ священники отправляли свои религіозныя обязанности безпрестанно и безъ всякой помѣхи. Онъ очень любилъ Христіанъ» (Стеф. Орпеліанъ, въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена. Vol. II. p. 135).

[24] Подробности этихъ посольствъ и дѣйствій христіанскихъ миссіонеровъ въ Средней-Азіи можно найти въ Мосгеймовой: Historia Tartarorum ecclesiastica. Helmstadi. 1741.

выя церкви, у входа-же въ орду (ставку) Докузъ-хатунъ стояла всегда походная часовня и звонили въ колокола» (Hist. des Mongols de la Perse par Rachid-el-din. Paris, 1836, vol 1, p. 94). Это покровительство, которое оказывали Христіанамъ Гулагу и жена его, и было причиною того, что армянскіе и сирійскіе историки не находили довольно словъ, чтобы превознести достойно высокія качества обоихъ супруговъ, тогда какъ Гулагу былъ такой же варваръ монголъ какъ и другіе (см. Исторію Орпеліановъ Стефана Орпеліана въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена, vol II. p. 123 и 151 [25]; Баръ-Гебрея Chronicon Syriacum, p. 542; Гайтона Hist. orient. гл. XXVII). Преемникъ Гулагу, Абака, женатъ былъ на побочной дочери императора Михаила Палеолога, и милостями своими къ Христіанамъ также заслужилъ ихъ похвалы (Пахимеръ, кн. III, гл. 3; Стефанъ Орпеліанъ. l. c. p. 153); но здѣсь эти милости имѣли уже отчасти и цѣль политическую. Въ расположеніи къ себѣ Христіанъ онъ и его преемники могли имѣть опору и помощь противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта и Сиріи, съ которыми безпрерывно находились къ войнѣ. Какъ цѣнили они эту помощь и какъ искали ее у западныхъ Христіанъ, доказываютъ многочисленныя посольства ихъ къ папамъ и дворамъ французскому, англійскому, испанскому и другимъ (см. Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièremant des rois de France, avec les empereurs mongols, par M. Abel-Rémusat. Paris. 1822 и 1824). Обстоятельство это было такъ важно, что преемники Абаки долго колебались: принять ли имъ Исламизмъ или Христіанство,

---

[25] Вотъ слова Стефана: «Господу извѣстно, что они (Гулагу и Докузъ-хатунъ) относительно благотворительности ни чѣмъ не уступали Константину и матери его Еленѣ». Сукіасъ Сомаль доказываетъ, впрочемъ, что «Исторія Орпеліановъ, переведенная Сенъ-Мартеномъ, не есть произведеніе Стефана Орпеліана, а часть другаго сочиненія: «Исторіи Грузинцевъ», напечатанной въ 1775 году въ Мадрасѣ. См. Quadro della storia letteraria di Armenia estesa da Placido Sukias Somal. Venezia. 1829. p. 119.

чего ревностно добивались ихъ подданные и окружающіе, исповѣдывавшіе ту или другую изъ этихъ религій. Принятіе религіи было тутъ для нихъ политическою мѣрою, а не дѣломъ убѣжденія. Окруженные проповѣдниками разныхъ сектъ, Христіанами, Евреями, Магометанами, Буддистами, которые безпрестанно спорили о догматахъ и превосходствѣ одной вѣры передъ другою, они невольно лишались всякаго религіознаго убѣжденія, и если покровительствовали болѣе той или другой религіи, то не вслѣдствіе убѣжденія, а разсчета, или привычекъ дѣтства. Такъ преемникъ Абаки, Тегударъ, крещеный въ младенчествѣ, оказывалъ потомъ болѣе расположенія къ Мусульманамъ, и по восшествіи на престолъ торжественно принялъ Исламъ, ибо былъ воспитанъ Мусульманами (Гайтонъ, гл. XXXVII); но ревность его къ Исламизму была не въ духѣ тогдашнихъ Монголовъ, и онъ лишенъ былъ престола недовольными за оставленіе имъ древнихъ обычаевъ (Баръ-Гебрей. Стр. 605). Преемнику Тегудара, Аргуну, который любилъ Христіанъ и Буддистовъ, и у котораго дѣти были крещены, Мусульмане приписывали намѣреніе выдать себя за пророка и основать новую религію (Вассафъ, въ Дохсоновой Hist. des Mongols. IV. 51—53). Это очень вѣроятно, ибо сообразно съ обстоятельствами. Великіе Моголы въ Индіи, относительно религіозныхъ понятій, находились въ такомъ же положеніи какъ Гулагиды въ Персіи, и нѣкоторымъ изъ нихъ приходили въ голову такія же идеи и намѣренія, какъ и Аргуну. Однѣ и тѣ же причины, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, производятъ однѣ и тѣ же слѣдствія. Очеркъ Байду-хана, шестаго владѣтеля Персіи изъ рода Гулагу, оставленный намъ сирійскимъ историкомъ Баръ-Гебреемъ, превосходно изображаетъ религіозное состояніе всѣхъ монгольскихъ властителей Персіи, колебаніе, нерѣшительность, страхъ ихъ предаться тому или другому исповѣданію. «Байду»—говоритъ онъ—«былъ государь кроткій, скромный, человѣколюбивый; любилъ уче-

ныхъ и даровитыхъ людей какой бы націи они ни были, осыпалъ ихъ щедротами и одарялъ почетными платьями. Въ бесѣдахъ съ греческою принцессою, женою Абаки, которую посѣщалъ въ-теченіе многихъ лѣтъ, онъ получилъ хорошее мнѣніе о Христіанахъ, позволилъ имъ имѣть часовни въ своей ордѣ и звонить въ колокола. Онъ сказывался имъ даже христіаниномъ и носилъ крестъ на шеѣ; но онъ не смѣлъ показывать къ нимъ своего расположенія очень открыто, потому что сдѣлался магометаниномъ по примѣру бо̀льшей части Монголовъ въ Персіи, которые въ это время обратились въ Исламъ. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не соблюдалъ обрядовъ этой вѣры, и Магометане были очень злы на него за расположеніе его къ Христіанамъ, которые получили многія должности въ его столь кратковременное царствованіе» (Chron. Syriac. p. 609). Гайтонъ паденіе этого государя также приписываетъ злобѣ на него Мусульманъ. «Государь этотъ», говоритъ онъ, «былъ хорошій христіанинъ, далъ позволеніе строить церкви, и приказалъ чтобы никто не осмѣливался проповѣдывать ученія Магометова между Татарами; но какъ изъ нихъ было много такихъ, которые приняли уже Исламъ, то это приказаніе пришлось имъ очень не по сердцу. Ради того отправили они тайно людей къ Газану, сыну Аргунову, предлагая возвести его на престолъ, если только онъ отречется отъ христіанской вѣры. Газанъ, который былъ не очень ей преданъ (qui n'avait pas grande réligion), принялъ ихъ предположеніе и поднялъ бунтъ. Байду собралъ войско чтобы захватить его, ибо не зналъ объ измѣнѣ своихъ. Такимъ образомъ, когда дѣло дошло до битвы, всѣ тѣ, которые были Магометанами въ войскѣ Байду, оставили его и перешли на сторону Газана. Видя себя оставленнымъ, Байду обратился въ бѣгство, но былъ преслѣдованъ и убитъ» (Hist. orient., глава XL). Мусульманскіе историки превозносятъ православіе и ревность къ Исламу этого Газана; но мы не думаемъ чтобы это было справедливо. По

сказаніямъ самихъ Магометанъ онъ принялъ Исламъ только для достиженія престола. Религія служила ему только средствомъ для выполненія замысловъ честолюбія. Да и законы Чинкгиса, предписывавшіе религіозное равнодушіе, пользовались еще между персидскими Монголами слишкомъ большимъ уваженіемъ, чтобы Газанъ могъ ихъ нарушать смѣло исключительною привязанностію своею къ Мусульманамъ: предшественникъ Байду-хана, Гайхату, сверженъ былъ съ престола именно за несоблюденіе законовъ Чинкгиса и обычаевъ предковъ (Chron Syriac. Стр. 601). Противъ преданности Газана Исламу говорятъ многія обстоятельства. Самъ онъ имѣлъ женою христіанку, дочь государя армянскаго, и одну изъ родственницъ своихъ отдалъ въ замужество за армянскаго же владѣтеля Семпада; искалъ союза съ Христіанами противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта, и когда христіанскіе государи Запада, считавшіе его полу-христіаниномъ, въ письмахъ къ нему называли Мусульманъ «врагами божіими», мало того что не оскорблялся этимъ и не старался разувѣрить ихъ въ противномъ, отъ отвѣчалъ на эти письма дружескими посольствами и увѣрялъ ихъ въ готовности своей принять Христіанство (History of Armenia by Mich. Chamich, translated from Armenian by J. Audall. Calcutta, 1827, vol. II, p. 272; Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations polit. etc. p. 127—130). Наконецъ мусульманскій же писатель Новайри именно говоритъ, что Газанъ на словахъ исповѣдывалъ Исламъ, а дѣлами доказывалъ противное, покровительствуя Христіанамъ (Hist. des Mongols д'Охсона. IV, 260). Когда помянутый выше Гайхату лежалъ одержимый опасною болѣзнію, то, по словамъ Вассафа, собраны были улемы, имамы, епископы, монахи и даже раввины, чтобы молить Бога о продолженіи его жизни (ibid. IV. 86). Преемникъ Газана, Олджайту, также былъ въ дѣтствѣ крещенъ матерью своею Урукъ-хатунъ, женатъ на Маріи, сестрѣ императора Андроника младшаго, и только

въ-послѣдствіи принялъ Исламъ (Гайтонъ, гл. XLV; Пахимеръ, кн. VII, гл. XXV). Наконецъ и скорое паденіе владычества Гулагидовъ въ Персіи Абель-Ремюза приписываетъ религіозному равнодушію, не позволившему имъ укрѣпить своего могущества искреннимъ принятіемъ вѣрованій христіанской или мусульманской части своихъ подданныхъ (Mémoires sur les relations etc. p. 125). И точно, покровительствуя то тѣмъ, то другимъ, они не могли привязать къ себѣ ни которыхъ.

Таково было религіозное поведеніе властителей Персіи изъ потомства Чинкгисова. Такъ же строго соблюдались предписанія Яса и въ Ордѣ Джагатайской. Въ подвержденіе сего имѣемъ мы свидѣтельство путешественника XIV вѣка Ибнъ-Батуты, который разсказываетъ о джагатайскомъ ханѣ Тарма-ширинѣ: «Этотъ Тарма-ширинъ нарушилъ нѣкоторые уставы Чинкгисъ-хана, обнародовавшаго книгу подъ названіемъ *эль-ясакъ*, «Запретъ», которою постановлялось, что нарушитель какого-либо изъ ея уставовъ долженъ былъ лишиться своего мѣста (слѣдуетъ описаніе одного изъ установленій Яса)... Тарма-ширинъ нарушилъ это постановленіе, что̀ почтено было великимъ оскорбленіемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ мы выѣхали изъ этой земли, Татаре, вмѣстѣ съ своими вельможами, собрались и низложили его, а на престолъ возвели одного изъ его родственниковъ. Тарма-ширинъ бѣжалъ, но былъ умерщвленъ (Travels of Ibn Batuta, p. 92). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что этотъ ханъ старался о введеніи Ислама между своими подданными. Вѣроятно, что это обстоятельство было также одною изъ причинъ неудовольствія на него блюстителей Яса (Geschichte der Hunnen und Türken etc. von Deguignes. Uebersetzt von J. K. Dähnert. Greifswald, 1769, vol. III, s. 334 [26].

---

[26] Слѣды уваженія къ установленіямъ Яса сохранялись въ Туркестанѣ еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, какъ видно изъ описанія этой

Обратимся къ Золотой-Ордѣ. Общій законъ проявляется во всѣхъ частныхъ явленіяхъ. Ханы Золотой-Орды были такіе же потомки Чинкгиса какъ Гулагиды въ Персіи, какъ Джагатаиды въ Мавераннагрѣ и Туркестанѣ, точно также обязаны были исполнять велѣнія Яса, соблюдать тоже предписанное Чинкгисомъ равнодушіе ко всѣмъ вѣрованіямъ, покровительство духовенству всѣхъ исповѣданій: слѣдственно и въ Золотой-Ордѣ должны были повторяться болѣе или менѣе тѣ же явленія, какія видѣли мы въ другихъ родственныхъ ей ордахъ. Такъ и было. До Бергехана предшественники его оставались вполнѣ вѣрными однѣмъ суевѣріямъ предковъ. О Батыѣ Хондемиръ говоритъ, что «онъ не исповѣдывалъ никакой религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ, поклонялся только единому Богу» (Исторія Монголовъ. Пер. съ Персидскаго. Спб. 1834, стр. 49). О сынѣ его Сартакѣ шли слухи, что онъ христіанинъ; но Рубруквисъ разубѣдился въ этомъ, когда увидѣлъ его лично. Берге первый изъ золото-ордынскихъ хановъ принялъ Исламъ (ibid. и Абулъгази Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita. Casani. 1825 p. 97). Что̀ побудило его къ этому, не знаемъ, но знаемъ что Русскіе свободно отправляли свое богослуженіе въ столицѣ его Сараѣ, потому что въ 1261 году митрополитъ Кириллъ учредилъ тамъ эпархію, извѣстную подъ именемъ Сарайской, и поставилъ туда епископомъ Митрофана (Никон. Лѣтоп. т. III, стр. 41). Знаемъ, что прежде того, въ 1257 году, при перечисленіи народа въ Россіи, духовенство и весь причетъ церковный не во-

---

страны, составленнаго въ 1773 году однимъ маньчжуйскимъ чиновникомъ. «Въ первый день новаго года», говоритъ онъ, «ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ Акимъ-Бека. Если находили его добродѣтельнымъ, то оставляли, а если открывали какія противузаконныя дѣла, то вмѣстѣ съ народомъ отмѣняли его и предавали смерти». О. Іакинѳъ прибавляетъ, что обыкновеніе это продолжается и донынѣ (Описаніе Джуньгаріи и Восточнаго Туркистана. Пер. съ Китайск. монахомъ Іакинѳомъ. Часть II, стр. 199).

шли въ «число», то есть не были обложены податями (ibid. стр. 37; Софійск. Временникъ, т. 1, стр. 269). О Ногаѣ извѣстно, что онъ женатъ былъ на христіянкѣ Эвфросиніи, побочной дочери императора Михаила Палеолога (Пахимеръ, кн. III, гл. 5). При Менгу-Темирѣ, въ 1275 году, было второе перечисленіе народа въ Россіи, и духовенство опять не вошло въ «число» (Ник. Лѣт. III, 59). Удѣльный князь можайскій Ѳедоръ Ростиславичъ женился на его дочери, ханъ позволилъ ей креститься, и она отличалась потомъ ревностію къ вѣрѣ и благочестіемъ (Степенная Книга. Москва. 1775, часть 1, стр. 393—397; Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 105) [27]. Ханъ Тохтогу женатъ былъ на дочери императора Андроника старшаго, а Узбекъ на дочери Андроника младшаго (Пахимеръ, кн. III, гл. XXVII; Ибнъ-Батута, стр. 83). Обо всѣхъ этихъ бракахъ съ христіанскими княжнами упоминаемъ мы потому, что они не могли оставаться безъ вліянія на благосостояніе Христіанъ, по крайней мѣрѣ духовенства христіанскаго, а съ другой стороны доказываютъ, что ханы вовсе не были такими жаркими приверженцами Магометова ученія, какими изображаютъ ихъ наши историки. Пойдемъ далѣе. Объ Узбекѣ лѣтописи наши говорятъ: «Озбякъ войде въ богомерскую вѣру Срачиньскую» (Воскрес. Лѣт. II, 281); и «Сяде Царь Азбякъ на царство и обесерменился» (Ник. Лѣт. III, 189). Абульгази (Hist. Mong. et Tatar. p. 98) повѣствуетъ, что онъ ايل واولوسنى دين اسلام غه كيركوزدى «обратилъ къ Исламу народъ свой и землю свою», о самомъ-же Узбекѣ выражается, что онъ آتا باباسينينك دستورى برلان ضبط قيلدى «пра-

---

[27] «Если сія повѣсть новѣйшихъ лѣтописцевъ справедлива», говоритъ Карамзинъ, «то вѣроятно, что Ѳедоръ былъ зятемъ не Менгу-Темира, а Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры магометанской». Вотъ что̀ значитъ увлечься какою нибудь ложною мыслью, какъ мысль Карамзина о ревностномъ исламизмѣ золото-ордынскихъ хановъ: вездѣ она будетъ показывать вещи не въ настоящемъ свѣтѣ и вводить въ ложныя сужденія и заключенія.

вилъ по закону (или обычаю) отцовъ и дѣдовъ своихъ». Изо всего этого необходимо надо заключить:

1) Что если Берге и принялъ прежде того Исламъ, то онъ не утвердился ни въ родѣ его, ни между подданными: иначе не за чѣмъ было Узбеку принимать его вновь. Что по этому вѣроятно, что ни Менгу-Темиръ или Тохтогу, ни Тула-Буга, ни Туда-Мангу, ни другіе предшественники Узбека не были мусульманами [28].

2) Что самъ Узбекъ до вступленія на престолъ не былъ мусульманиномъ, и принявъ Исламъ уже по вступленіи на царство, сдѣлалъ это изъ какихъ нибудь видовъ, тѣмъ болѣе, что правилъ потомъ не по закону Пророка, а по обычаю дѣдовъ и отцовъ.

Вотъ вамъ и «Узбекъ славный въ лѣтописяхъ Востока ревностію къ вѣрѣ Магометовой», какъ выражается Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 162). Этотъ же Узбекъ, какъ видимъ изъ Ибнъ-Батуты, покровительствуетъ Христіанамъ въ Кафѣ (Travels, p. 75), позволяетъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ Христіанство Ясовъ и другіе народы по берегамъ Чернаго-Моря, въ чемъ Валенсъ и подвизается съ успѣхомъ (Raynaldi Annales ecclesiastici, ad ann. 1338, № 74 и 75; Штраля Beyträge zur Russischen Kirchengesichte. Halle. 1827. I, 158). И этотъ же Узбекъ выдаетъ за Георгія Даниловича московскаго сестру свою

---

[28] Правда, на монетахъ этихъ хановъ встрѣчаемъ символы магометанскіе, изъ которыхъ надлежало бы заключать, что если не по убѣжденію, такъ наружно исповѣдывали они Исламъ; но мы не можемъ сдѣлать такого заключенія въ настоящемъ случаѣ, предполагая, что монетчиками первыхъ хановъ были вѣроятно булгарскіе, харизмскіе или бухарскіе Мусульмане, которые могли sua sponte выбивать эти символы на монетахъ; ибо видимъ тѣже самые символы на монетахъ Чингиса, Мангу, Гулагу, Абаки, о которыхъ знаемъ навѣрное, что они не принимали Ислама, и видимъ христіанскій символъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единосущнаго» на монетахъ того же Абаки, Аргуна, о которомъ не извѣстно чтобы онъ торжественно исповѣдывалъ религію Спасителя, и Ахмеда, о которомъ знаемъ что онъ являлся ревностнымъ магометаниномъ. См. Френа: Recensio numorum etc. p. 179, 193—204, 634—637; и его же: Монеты хановъ улуса Джучи. Стр. 60.

Кончаку и позволяетъ ей креститься. «Дѣло не весьма согласно съ ревностію сего хана къ вѣрѣ Магометовой!» восклицаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 167). Точно, несогласно съ ревностію къ вѣрѣ Магометовой, — да мы не видимъ этой ревности ни въ Узбекѣ, и ни въ комъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Теперь, если до Узбека ханы Золотой-Орды не исповѣдывали Ислама, или исповѣдывали только на словахъ, а не на дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ можно ожидать, что послѣ него они были уже настоящими Мусульманами; но что̀ же дѣлаетъ преемникъ его Джанибекъ, когда жена его Тайдула впадаетъ въ тяжкую болѣзнь? — Ждетъ исцѣленія ея отъ христіанина, шлетъ къ В. К. Іоанну Іоанновичу по митрополита Алексѣя, и пишетъ ему: «Слышали мы, что есть у васъ попъ, которому Богъ даетъ все по молитвѣ его. Пустите къ намъ сего служителя Божія, да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ» (Степенная Книга. I, 455). И Алексѣй отправляется въ Орду, кропитъ ханшу святою водою, и мольбами угодника Божія ханша выздоравливаетъ. Если бы ханы Золотой-Орды и не соблюдали вѣротерпимости и уваженія къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, предписанныхъ Чинкгисомъ, такъ они могли и должны были жаловать наше духовенство за однѣ этакія услуги и чудеса; и нѣтъ сомнѣнія, что такія чудеса не мало содѣйствовали поселенію въ нихъ уваженія къ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенію его къ мусульманской; ибо, какъ въ настоящемъ случаѣ, они видѣли, что Небо явно благосклоннѣе къ молитвамъ духовныхъ русскихъ, чѣмъ ихъ мусульманскихъ. Наконецъ, лѣтописи наши разсказываютъ, что у Бирдибека были сыновья Михаилъ и Иванъ, стало быть Христіане (Ник. Лѣт. III, 312; Троицкая, въ Ист. Гос. Рос. IV, прим. 391).

Спрашиваю: гдѣ-же во всѣхъ исчисленныхъ фактахъ видѣнъ изступленный фанатизмъ магометанскій? Вездѣ, напротивъ, находимъ уваженіе къ вѣрѣ христіанской, или,

по крайней мѣрѣ, терпимость религіозную [29]. Теперь, надѣемся, понятно почему ханы давали нашему духовенству тѣ права, льготы и преимущества, которыя видимъ мы данными ему въ ярлыкахъ: милости эти не были ни чѣмъ особеннымъ, необыкновеннымъ, исключительнымъ, а проявленіемъ общаго закона вѣротерпимости, слѣдствіемъ покровительства духовнымъ всѣхъ вѣроисповѣданій, которое предписано было Чинкгисомъ, и соблюдалось потомками его вездѣ, гдѣ они властвовали, въ Китаѣ какъ въ Персіи одинаково. Понятно почему ханы оказывали такое уваженіе къ нашей религіи, что за хулу на нее грозили смертною казнію: уваженіе это завѣщано было имъ законодателемъ ихъ великимъ Чинкгисомъ, память котораго и уставы были для нихъ священны. Такое же уваженіе питали они и ко всѣмъ другимъ религіямъ въ мірѣ, такой же смертной казни подвергался всякой, кто бы вздумалъ хулить ихъ. Понятно почему они просили молитвъ за себя и родъ свой: это было слѣдствіемъ вѣрованія ихъ, что всѣ религіи одинаково хороши, одинаково ведутъ въ одной цѣли — отвратить зло которымъ грозятъ небеса, или низвести его милости, и что сдѣлать то и другое зависитъ отъ воли духовныхъ какъ посредниковъ между людьми и небомъ — вѣрованія, оставленнаго имъ въ наслѣдіе также Чинкгисомъ. И вслѣдствіе этого вѣрованія молитвы христіанскаго священника казались для суевѣрія ихъ одинаково дѣйствительными, одинаково достигающими цѣли, какъ и молитвы имама и ламы, или заклинанія шамана.

Страннымъ можетъ показаться, какъ могла держаться

---

[29] По этому Штраль очень ошибается говоря, что со временъ Берге Татаре сдѣлались пламенными приверженцами Корана; что wilder Fanatismus und Intoleranz bezeichneten nun alle ihre Handlungen, und Grausamkeiten geübt an Christen schienen ihnen Werke der Tugend (Geschichte der Russischen Kirche. Halle. 1830. s. 258). Столько же несправедливъ онъ, когда по случаю освобожденія духовенства отъ податей, замѣчаетъ: So geschah es doch keineswegs aus Grossmuth oder Achtung vor fremder Religion, sondern aus blosse Schlauheit und List (ibid. s. 248).

такая система абсолютнаго безвѣрія или совершеннаго суевѣрія; но вглядитесь въ нее ближе, и увидите что она заключала въ себѣ много элементовъ жизненности, ибо уживалась удивительно и съ умами тѣсными, и съ умами обширными. Въ умахъ тѣсныхъ она давала огромную пищу суевѣрію, свойственному невѣжеству и недальновидности, а умы обширные, но непросвѣщенные свѣтомъ ученія Спасителева, могли смотрѣть на нее съ той точки зрѣнія, что всѣ религіи суть не иное что, какъ видоизмѣненія поклоненія одному и тому же Высочайшему Существу; что каждая имѣетъ свою хорошую сторону, но ни одна не соединяетъ всѣхъ, и потому умный человѣкъ можетъ въ одно и тоже время исповѣдывать всѣ и не держаться ни одной, если это ему полезно, или оказывать преимущественное покровительство той или другой, смотря по обстоятельствамъ. На обряды разныхъ вѣръ можно было смотрѣть съ этой точки зрѣнія не болѣе какъ на обряды и не придавать имъ особенной важности. Система эта была, слѣдственно могла и должна была быть. Она родилась и поддерживалась вслѣдствіе обстоятельствъ. Столкновеніе столькихъ вѣрованій въ одну точку, соединеніе столькихъ разновѣрныхъ народовъ подъ одинъ скипетръ, не могло и произвести въ необразованныхъ властителяхъ такихъ массъ ничего кромѣ суевѣрія, или религіознаго равнодушія. Но по мѣрѣ того, какъ условія, подъ которыми образовалась эта система, уничтожались, уничтожалось и владычество ея надъ умами. Мѣстныя религіи пріобрѣтали постепенно болѣе и болѣе силъ, и толерантизмъ Монголовъ потонулъ наконецъ совершенно въ Исламизмѣ и Буддизмѣ. Впрочемъ, той же самой системы держатся доселѣ манджуйскіе властители Китая. Въ одно и тоже время, какъ патріархи класса ученыхъ, они совершаютъ поклоненіе Небу, Землѣ и Конфуцію, молятся духамъ которыхъ чтутъ Даосы, и обожаютъ Шакьямуни-будду, воплощеннаго въ лицѣ хутухтъ, не находя никакого противорѣчія во всѣхъ трехъ столь противуположныхъ религіяхъ.

Остается разрѣшить еще одно недоумѣніе. Если золото-ордынскіе ханы оказывали терпимость и уваженіе ко всѣмъ религіямъ, слѣдовательно и къ христіанской, то какимъ же образомъ многіе изъ нашихъ князей погибли въ Ордѣ мученическою смертію за твердость свою въ сей-послѣдней, какъ разсказываютъ наши лѣтописи, а за ними повторяютъ тоже и наши историки? Тутъ было недоразумѣніе и со стороны князей, и со стороны лѣтописцевъ и исторіографовъ. Что князья наши погибали въ Ордѣ, и что причиною тому была отчасти и ихъ христіанская ревность — это фактъ неоспоримый, но который не только не служитъ опроверженіемъ существованію въ Ордѣ системы покровительства и уваженія ко всѣмъ религіямъ, но служитъ новымъ оному доказательствомъ. Припомнимъ, что смертная казнь назначалась тамъ наказаніемъ за хулу всякой религіи, а не одной христіанской, слѣдственно и за хулу магометанской. За что̀ напримѣръ замученъ былъ въ Ордѣ Романъ Ольговичь рязанскій? За то, что «хулилъ законъ Магометовъ», говоритъ лѣтописи; по понятіямъ-же Монголовъ, наказывать за хулу одной вѣрѣ было совсѣмъ не то, что за приверженность къ другой. Тутъ есть большая разница. Припомнимъ также, какъ доказано выше, что есть довольно-основательный поводъ думать, что Менгу-Темиръ, при которомъ произошла мученическая смерть Романа, не былъ даже мусульманиномъ, слѣдовательно никакъ не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по внушенію мусульманскаго фанатизма, а исполнялъ только со строгостію законы Чинкгиса. Но по понятіямъ самаго Романа, по понятіямъ его соотечественниковъ и единовѣрцевъ, умереть ругая мусульманскую вѣру значило умереть за твердость въ христіанской. И князь былъ правъ, и лѣтописцы правы. Доказательствомъ, что не за приверженность къ Христіанству, не изъ мусульманскаго фанатизма, убивали князей нашихъ въ Ордѣ, можетъ служить и умерщвленіе Михаила Ярославича тверскаго. Во все время пребыванія въ Ордѣ,

и даже по произнесеніи ему смертнаго приговора, Татаре, замѣчаютъ лѣтописи, не мѣшали ему «творити ничтоже, еже по Закону Христіанскому творима суть» (Ник. Лѣт. III, 119). Справедливо или нѣтъ, но ханы казнили князей за преступленія политическія, какъ ослушниковъ своей воли, какъ измѣнниковъ, бунтовщиковъ. Многіе князья погибли безвинно, жертвою клеветы, шли въ Орду на вѣрную гибель, единственно для спасенія народа своего отъ бѣдствій, и цѣною собственной жизни покупали спокойствіе подданныхъ. Эти жертвы благородной любви къ отечеству, эти мученики, полагавшіе животъ за братій, будутъ вѣчно поминаемы съ благодарностію въ Землѣ Русской, будутъ всегда служитъ украшеніемъ бытописаніямъ нашего отечества, но — Татаре мучили ихъ не изъ фанатическаго пристрастія къ ученію Корана!

Грабежи церквей и монастырей нашихъ войсками хановъ также не доказываютъ противъ уваженія ихъ къ нашей религіи. Это имѣло мѣсто въ военное время, во владѣніяхъ ослушныхъ князей, а когда надлежало наказывать ослушниковъ, то, по Чинкгисовымъ же законамъ, Монголы ничего не должны были щадить.

Полагаемъ, что мы удалили всѣ поводы сомнѣваться въ истинности ярлыковъ, и предполагать подлогъ, какіе могли возникнуть изъ ихъ содержанія. Оно ни въ чемъ не противорѣчитъ открывающемуся изъ соображенія другихъ историческихъ источниковъ. Формы, въ которыхъ изложено это содержаніе, также не подаютъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію, будучи совершенно сходны съ таковыми же другихъ однородныхъ произведеній монгольскихъ канцелярій, какъ докажетъ это ихъ сравненіе.

III.

Форма ярлыковъ.

Старѣйшій изъ ярлыковъ, Менгу-Темировъ, начинается такъ: «Безсмертнаго Бога силою»; Бирдибековъ и Атюля-

ковъ: «Безсмертнаго Бога силою и величествомъ»; Узбековъ: «Вышняго и безсмертнаго Бога силою и величествомъ и милостію его многою». Всѣ эти варіаціи простаго начала Менгу-Темирова ярлыка суть переводъ монгольской фразы: *Монгкэ Тегрійинъ кючундуръ* «Вѣчнаго Бога (или Неба) силою», которая относится къ слѣдующему за нею имени хана, и означаетъ, что властію своею считаетъ онъ себя обязаннымъ одному Богу или Небу. Фразою этою начинаются всѣ древнѣйшіе извѣстные памятники монгольской письменности. Въ письмѣ хана Аргуна къ королю французскому Филиппу Прекрасному, писанномъ въ 1289 году, она находится въ томъ самомъ видѣ, какъ привели мы ее по-монгольски (Mémoires sur les relations etc. par Abel-Rémusat. p. 170; Zugabe zu den zwei mongolischen original-Briefen der Könige von Persien Argun und Oldshaitu. Von I. J. Schmidt. St. Petersburg, 1842. s. 7). Въ указѣ Чинкгиса Байджу-Нояну, сохраненномъ для насъ Асцелиномъ въ латинскомъ переводѣ, она переведена такъ: «Per praeceptum Dei vivi» (Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 206). Въ томъ же видѣ, какъ въ письмѣ Аргуна, находимъ ее и въ письмѣ Ахмеда къ египетскому султану Келауну, писанномъ въ 1282 году [30], и на монетахъ хана Газана [31]. Въ-послѣдствіи, при болѣе преданныхъ Исламизму ханахъ чинкгисидскихъ фраза эта замѣнилась изрѣченіями Корана, какъ видно это изъ ярлыка Тохтамышева Беку Хаджи, въ которомъ мѣсто ея занимаетъ слѣдующая: «Надежда моя на Бога и упованіе на благость и милость его» (Журн. Мин. Нар. Просв. годъ 1840, книжка осьмая).

---

[30] Въ французскомъ переводѣ д' Охсона: Par la puissance de Dieu (Hist. des Mongols. III, 563). Въ переводѣ Ремюза: Par la puissance du Dieu très-haut (Mémoires etc. p. 96).

[31] Френа De Ilchanorum numis. Petropoli. 1834. p. 30. См. также Nachtrag къ цитированной выше книжкѣ академика Шмидта: Philologisch-kritische Zugabe u s. w. Шмидтъ первый прочелъ на гулагидскихъ монетахъ эту и другія монгольскія надписи, которыя не могли объяснить Тиксенъ, Адлеръ и Марсденъ, описывавшіе монеты, на которыхъ онѣ находятся.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ Ахмеда находимъ какъ древнюю языческую, такъ вмѣстѣ съ нею и мусульманскую: «Во имя Аллаха всемилостиваго, всемилосердаго».

Далѣе въ помянутыхъ четырехъ ярлыкахъ слѣдуетъ обращеніе съ *словомъ*: «Менгу-Темирово слово»; «Азбяково слово»; «Бердебеково слово»; «Атюлякъ Царь слово рекъ». Такъ и во всѣхъ ярлыкахъ, которые имѣемъ мы на татарскомъ и другихъ языкахъ, за изрѣченіемъ «силою Бога» слѣдуетъ имя хана, такой-то, «слово мое», *укге мину* по-монгольски, *сёзюмъ* по-татарски.

Ярлыкъ отъ ханши Тайдулы митрополиту Іонѣ или Ивану начинается прямо: «Тайдулино слово», безъ предшествующаго въ другихъ «Силою Божіею». Такъ и быть должно: если Тайдула и имѣла власть дѣлать и приказывать то или другое, такъ власть эту имѣла она въ качествѣ жены ханской, имѣла ее не отъ Бога, а отъ мужа.

Тайдулины ярлыки митрополитамъ Ѳеогносту и Алексѣю начинаются такъ: «По Зенебекову ярлыку Тайдулино слово». «По Зенебекову ярлыку» можетъ значитъ либо то, что свой ярлыкъ она давала въ дополненіе къ мужнину, какъ знакъ своей благосклонности, какъ приказъ своимъ собственнымъ чиновникамъ въ подтвержденіе мужнина ярлыка: это можно заключать изъ ярлыка Ѳеогносту, въ которомъ упоминается, что Ѳеогностъ пожалованъ уже былъ ханскимъ ярлыкомъ за алою тамгою; либо слово ярлыкъ должно принимать здѣсь не въ смыслѣ «письменнаго указа», а просто «повелѣнія словеснаго», то-есть, словами этими Тайдула означаетъ, что ярлыкъ свой даетъ она по приказанію или съ позволенія мужа. Въ этомъ значеніи, то-есть «приказанія» находимъ мы слово ярлыкъ и на монетахъ Узбека, битыхъ въ Сараѣ, въ 726 году гиджры (1325-6 по Р. Х), на которыхъ написано: يرليغ همايون «бита по Высочайшему повелѣнію»[32]. Такъ же начинается и письмо Байджу-

---

[32] На другихъ, вмѣсто يرليغ همايون видимъ حكم همايون, какъ на сарай-

Нояна къ папѣ, сохраненное Асцелиномъ: Dispositione Divina ipsius Chaan transmissum, Baiothnoy verbum. «Силою Божіею, по приказанію (или вслѣдствіе ярлыка) самаго хагана, Баіотной слово мое». Тоже находимъ и въ письмахъ персидскихъ хановъ Ахмеда и Аргуна, признававшихъ надъ собою верховную власть хагановъ Великой-Орды. Они писали: «Силою Божіею, по милости (или изволеніемъ) хагана, слово (или повелѣніе, ярлыкъ) такого-то».

Вслѣдъ за «словомъ» идетъ во всѣхъ ярлыкахъ (кромѣ даннаго Тайдулою Іонѣ или Ивану) исчисленіе разныхъ военныхъ, гражданскихъ, финансовыхъ, полицейскихъ и придворныхъ чиновниковъ, къ которымъ обращается это слово. Не во всѣхъ ярлыкахъ порядокъ перечисленія одинаковъ, но почти во всѣхъ перечисляются одни и тѣже чиновники. Тоже самое расположеніе, перечисленіе тѣхъ же самыхъ чиновниковъ и почти въ такомъ же порядкѣ, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ или прибавкою другихъ, находимъ въ помянутыхъ выше ярлыкахъ Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура и Сахибъ-Гирея, равно какъ и въ договорахъ Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

По перечисленіи чиновниковъ начинается въ нашихъ ярлыкахъ самое дѣло, изложеніе даруемыхъ правъ, льготъ и преимуществъ. Такъ и въ другихъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто: за переборомъ чиновъ, къ которымъ ханы обра-

---

скихъ 1336-7 года, или از حكم همايون, что означаетъ тоже самое. См. Recensio numorum Muhammedanorum Acad. imp. scient. Petropolitanae. Auct. C. M. Fraehn. Petropoli. 1826. p. 211, 218, 219; и его же: Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832. стр. 7 и 9. Знаемъ еще монету Чинкгиса съ такою же надписью: قآان العادل جنكيز خانينك يرليغى «Велѣніемъ правосуднаго каана Чинкгиса», и нѣсколько съ таковыми же, битыхъ джагатайскими владѣтелями Сююргатмишемъ и Махмудомъ. На первыхъ читаемъ: سيورغتمش يرلغى امير تيمور كوركان «По повелѣнію Сююргатмиша, эмиръ Тимуръ Курканъ»; на вторыхъ: سلطان محمود يرلغى امير تيمور كوركان «По повелѣнію султана Махмуда, эмиръ Тимуръ Курканъ». См. Recensio. p. 224-6; Монеты улуса Джучи, стр. 60.

щаютъ слово, излагается кому, почему, и на какой конецъ дается ярлыкъ.

Все заключается показаніемъ: 1) года, мѣсяца и дня, когда писанъ ярлыкъ по монгольскому лѣтосчисленію, а иногда и съ прибавленіемъ мусульманскаго; 2) мѣста, гдѣ находилась орда, когда писанъ ярлыкъ; 3) лицъ, докладывавшихъ и писавшихъ ярлыкъ. Тѣмъ же самымъ и въ такомъ же порядкѣ оканчиваются и многоупомянутые ярлыки Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура, Сахибъ-Гирея, договоры Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

Образъ и порядокъ изложенія, пріемы и формы изслѣдуемыхъ нами ярлыковъ совершенно одинаковы съ таковыми же татарскихъ, подлинники которыхъ существуютъ и достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Стало-быть и съ этой стороны ярлыки наши выходятъ изъ боя съ побѣдой.

IV.

Лица давшія и получившія ярлыки

Изъ имѣющихся семи ярлыковъ четыре даны ханами, три ханшею. Что ханы имѣли право и могли давать льготныя и жалованныя грамоты своимъ подданнымъ, какими въ отношеніи къ нимъ были Русскіе, этого никто не станетъ оспаривать. Кромѣ того въ вышеприведенныхъ мѣстахъ нашихъ грамотъ и лѣтописей мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что ханы давали ихъ. Трое изъ этихъ хановъ: Менгу-Темиръ, Узбекъ и Бирдибекъ — лица извѣстныя въ исторіи, и намъ не нужно объяснять, когда они царствовали. По крайней мѣрѣ наши и мусульманскіе лѣтописцы говорятъ объ нихъ довольно, для того чтобы мы не сомнѣвались въ ихъ существованіи; но не таковъ четвертый изъ этихъ хановъ, тотъ который далъ ярлыкъ митрополиту Михаилу — ханъ Атюлякъ, по Новиковскому изданію ярлыковъ, или Тютякъ, какъ въ Суздальской Лѣтописи.

Хана, который бы носилъ то или другое изъ этихъ именъ, мы не находимъ ни въ спискахъ хановъ Золотой-Орды, оставленныхъ намъ мусульманскими писателями, ни въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Стало-быть этого хана не существовало, стало-быть это ханъ выдуманный и ярлыкъ его подложенъ? Нѣтъ, ни то, ни другое. Были въ Ордѣ такіе ханы, о которыхъ не упоминаютъ ни наши лѣтописи, ни магометанскіе историки, но въ существованіи которыхъ мы нимало не сомнѣваемся, потому что до насъ дошли другія неопровержимыя свидѣтельства онаго — монеты сихъ хановъ. Таковъ, на примѣръ, Орду-Меликъ ханъ, котораго знаемъ только по монетамъ его, битымъ въ Азовѣ и Новомъ-Сараѣ въ 762 г. гиджры (1362-1 по Р. Х. См. Recensio etc. p. 272; Монеты хановъ улуса Джучи, стр. 17). Можетъ статься, что были и такіе ханы, отъ которыхъ даже и монетъ не осталось, какъ не осталось ихъ, или по крайней мѣрѣ не извѣстно доселѣ, отъ хановъ, которыхъ знаемъ по другимъ историческимъ источникамъ, на-примѣръ отъ Тула-Буги, Тинибека, Токтакія, Барака и другихъ. Слѣдовательно если бы мы и не нашли имени Атюляка или Тютяка ни на монетахъ, ни въ лѣтописяхъ нашихъ и мусульманскихъ, все бы мы не имѣли права отвергать существованіе такого хана; но мы отыщемъ его, припомнивши, въ какомъ исковерканномъ видѣ встрѣчаемъ иногда въ нашихъ лѣтописяхъ имена хановъ. Абдъ-ул-Лаха называютъ онѣ Овдуломъ; Джелаль-эд-Дина — Зелени или Зелетъ-Салтаномъ; Мохаммедъ-Булака — Мамантъ или Маматъ-Салтаномъ. Такъ и въ Атюляка или Тютяка могли перекрестить переводчики или переписчики ярлыковъ какого нибудь хана сходнозвучнаго имени татарскаго, подъ которымъ мы давно уже его знаемъ. Принимая это въ соображеніе, равно какъ имя Мамая, который въ ярлыкѣ называется дядею Атюляка, и 1379 годъ, когда данъ и писанъ ярлыкъ, мы признаемъ въ Атюлякѣ или Тютякѣ — Тулунъ-бекъ-хана, отъ котораго дошли до насъ монеты,

битыя въ Новомъ-Сараѣ въ 773 году гиджры (1371-2 по Р. Х. См. Френа Recensio etc. p. 294; и его же Монеты улуса Джучи, стр. 22).

Три ярлыка: митрополитамъ Ѳеогносту, Алексѣю и Іонѣ или Ивану, дала ханша Тайдула, жена Джанибекова. Объ ней молчатъ Восточныя лѣтописи, за то цѣлую повѣсть разсказываютъ наши. За исключеніемъ этой повѣсти объ исцѣленіи ея митрополитомъ Алексѣемъ, мы узнаёмъ еще изъ лѣтописей, что въ 1359 году она лишена была жизни во время смятеній въ Ордѣ, при низверженіи съ престола Неврузъ-хана (Ник. Лѣт. III, 216). Вопросъ: правдоподобно ли, чтобы ханши могли давать ярлыки вообще, и такого содержанія какъ Тайдулины тѣмъ болѣе, то-есть, чтобы онѣ могли вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія въ такой степени, въ какой видимъ мы вмѣшательство со стороны Тайдулы? Можемъ ли мы вѣрить этому, тогда какъ въ Европѣ привыкли думать, что женщины у всѣхъ азіатскихъ народовъ не только не принимаютъ ни какого участія въ правленіи, но едва ли имѣютъ какія-либо права гражданскія? Да, мнѣніе это существуетъ и отъ частаго повторенія пріобрѣло силу аксіомы, но оно неосновательно. Всегда и у всѣхъ азіатскихъ народовъ женщины имѣли часто огромное вліяніе на дѣла, были виновницами многихъ важныхъ событій. Гаремныя интриги не разъ свергали и возводили на престолъ государей, и есть много примѣровъ, что самый престолъ этотъ занимали женщины, даже въ государствахъ мусульманскихъ, гдѣ менѣе чѣмъ-либо на Востокѣ уважалось и уважается достоинство женщины. Исчисленіе подобныхъ случаевъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ Азіи удалило бы насъ слишкомъ отъ предмета нашихъ изслѣдованій, потому мы ограничимся здѣсь бѣглымъ взглядомъ на значеніе и права женскаго пола только въ государствахъ монгольскихъ.

Одна кочевая жизнь сама по себѣ дѣлаетъ уже женщину болѣе дѣятельнымъ членомъ общества, чѣмъ какимъ является

она у народовъ осѣдлыхъ. Въ трудахъ и опасностяхъ ея женщины принимаютъ большое участіе, оттого пользуются и бо́льшими правами и бо́льшимъ уваженіемъ. Если вѣрить словамъ Волынскаго Лѣтописца, а мы не видимъ почему бы имъ не вѣрить, то Монголы поклонялись тѣнямъ не только отцовъ своихъ и предковъ мужескаго пола, но и тѣнямъ матерей (Ист. Гос. Росс. Т. IV, пр. 45); значитъ женщина высоко стояла во мнѣніи монгола, была совершенно равною мужчинѣ. Изъ преданій, сохраненныхъ китайскими, персидскими и монгольскими историками, видимъ, что женщина по имени Алунгъ-Гоа, или Аланкова, была долгое время правительницею разныхъ монгольскихъ поколѣній по смерти мужа своего. Тоже самое и въ тѣхъ же источникахъ читаемъ о Менулуни (Geschichte der Ost-Mongolen. s. 61; Historia Mongol. et Tatar. p. 37; Исторія перв. чет. хановъ. Стр. 2 и 37; Исторія Монголовъ. Спб. 1834. Стр. 8-9). Когда, по смерти Исукая, отца Чинкгисова, повиновавшіяся ему поколѣнія отложились отъ сего-послѣдняго и откочевали, вдова Исукая погналась за ними лично предводительствуя войскомъ, и бо́льшую часть успѣла вернуть (Ист. перв. чет. хановъ, стр. 9 и 38). Чинкгисъ оказывалъ большое уваженіе къ своимъ женамъ, и въ Яса повелѣлъ щадить женщинъ и не причинять имъ зла даже во время смятеній и войны, когда противъ непокорныхъ надлежало употреблять неумолимую жестокость, когда забывались даже правила вѣротерпимости и уваженія къ предметамъ религіознаго обожанія и лицамъ духовнымъ (д'Охсона Hist. des Mongols. III, 605). Жены монгольскихъ императоровъ и хановъ имѣли каждая свою орду, то есть дворъ, своихъ конюшихъ, букауловъ и другихъ чиновниковъ (ibid. II, 4), имѣли каждая свой юртъ, т. е. удѣлъ, состоящій изъ одного или нѣсколькихъ городовъ, или цѣлой области, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ собственную казну и собираемы были ихъ собственными чиновниками (Hist. des Mongols д'Охсона, vol. III, 420, IV, 90 и въ другихъ мѣстахъ). По край-

ней мѣрѣ такъ было въ Великой-Ордѣ и Персіи, а потому по аналогіи можно предполагать существованіе того же и въ другихъ ордахъ. Думаемъ, что ханши могли имѣть иногда даже свои войска, какъ имѣли ихъ принцы крови, и мнѣніе это основываемъ на томъ, что Чинкгисъ оставилъ въ наслѣдство матери своей Улунъ три тысячи воиновъ (ibid. II, 5). Жены и матери властвующихъ хановъ играли всегда значительную роль въ правленіи, имѣли огромное вліяніе на всѣ дѣла государственныя, на всѣ милости, исходившія отъ трона, наконецъ на самое избраніе государей; ибо видимъ что въ Великой-Ордѣ и Персіи онѣ участвовали, и по законамъ Яса (Ibn-Batuta Travels. p. 92) должны были участвовать, во всѣхъ курилтахъ или государственныхъ сеймахъ, собиравшихся какъ для избранія новаго императора или хана, такъ и въ случаѣ другихъ какихъ-либо важныхъ событій. По кончинѣ-же императоровъ или хановъ, участіе ихъ вдовъ въ правленіи увеличивалось еще болѣе. До собранія сейма и избранія новаго государя, правительницею государства оставалась всегда одна изъ женъ покойнаго. Такъ по смерти Угедэя правительницею избрана жена его Туракина-хатунъ; на избирательномъ сеймѣ она успѣла соединить голоса въ пользу сына своего Куюка, который и провозглашенъ былъ императоромъ; но и по вступленіи Куюка на престолъ правленіе все еще нѣсколько времени оставалось въ рукахъ его матери (Ист. дома Юань и Гань-му, въ Исторіи перв. чет. хановъ. Стр. 299 и 300). По смерти Куюка правительницею избрана была жена его Огулъ-Гаймишъ, а на избирательномъ сеймѣ, стараніями Сююркуктени-хатунъ, жены сына Чинкгисова Тулуя, престолъ достался сыну ея Мангу. По смерти мужа и во время малолѣтства Мангу и другихъ сыновей своихъ, эта Сююркуктени управляла многочисленными поколѣніями, доставшимися имъ въ удѣлъ, съ рѣдкимъ благоразуміемъ и пріобрѣла большое уваженіе Батыя у другихъ князей крови (Hist. des Mongols д'Охсона. II,

246 — 249). Когда Кара-Гулагу, долженствовавшій наслѣдовать удѣлъ дѣда своего Джагатая, умеръ, владѣніе имъ перешло къ женѣ его Органѣ, которая и управляла цѣлые десять лѣтъ (ibid. II, 271). По кончинѣ Хубилая регентшею оставалась жена его Гокчинъ, хитростями своими достигшая того, что наслѣдникомъ Хубилая провозглашенъ былъ сынъ ея Тимуръ (ibid. p. 506), послѣ котораго регентшею, до избранія ему преемника, была жена же его Булуганъ (ibid. p. 506). Такъ въ Китаѣ, подъ управленіемъ династіи Юань, было постояннымъ правиломъ, что по кончинѣ императора, во время междуцарствія, власть переходила къ женѣ усопшаго. Въ Персіи также видимъ, что ханши участвуютъ во всѣхъ курилтаяхъ (ibid. III, 414, 551; IV, 7, 83, 480, 603, 720), мѣшаются во всѣ интриги. Жена Абу-Саида, Багдадъ-хатунъ, и дочь Олджайту, Сати-бикъ, были новыми Еленами послѣднихъ смутныхъ временъ владычества монгольскаго въ Персіи. Сатибикъ царствовала даже нѣсколько времени отъ своего имени [33] (ibid. IV, 729; Исторія Монголовъ Хондемира, стр. 95).

Видя роль, какую играли въ правленіи жены императоровъ и хановъ въ Великой-Ордѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, можно ожидать, что и въ Золотой-Ордѣ онѣ пользовались хотя частію тѣхъ правъ и того вліянія, которыя имѣли въ родственныхъ ордахъ; и дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что золото-ордынскія ханши принимали значительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, пользовались вліяніемъ, уваженіемъ и правами такими же какъ императрицы и ханши монгольскія въ Монголіи, Китаѣ, Джагатаѣ и Персіи. Изъ разсказа Плано Карпини о Батыѣ видно, что Батый очень уважалъ главную жену свою, ибо сажалъ ее вмѣстѣ съ собою на возвышеніи въ родѣ трона

---

[33] Въ мемуарѣ Френа: De Ilchanorum seu Chulagidarum numis, p. 60, описаны двѣ монеты Сати-бикъ, принадлежащія Имп. Академіи Наукъ, на которыхъ изображено: «Правосудная Султанша Сати-бикъ. Да продлитъ Аллахъ ея царствованіе».

въ то время какъ даже братья и сыновья его должны были сидѣть ниже (Собр. пут. къ Татарамъ, стр. 20). Волынская Лѣтопись повѣствуетъ, что Даніилъ Галицкій, прибывши въ Орду къ Батыю, являлся на поклонъ и къ «великой княгинѣ» его, Баракчинъ (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 302). Эта же Баракчинъ, жена Батыева, по словамъ Рашидъ-эд-Дина, поставлена была отъ императора Мангу правительницею Орды на время малолѣтства Улагчи, сына Сартакова, назначеннаго ему въ преемники (Гаммера Gesch. der Goldenen Horde. s. 143). Когда Михаилъ Ярославичь Тверской кончалъ мученически жизнь свою въ Ордѣ, онъ поручилъ сына своего Константина покровительству ханши Баялынь, и она защищала отъ гнѣва ханскаго, не только его, но и всѣхъ бояръ Михаиловыхъ, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство (Ник. Лѣт. подъ 1319 годомъ). Ибнъ-Батута, посѣщавшій дворъ и странствовавшій во владѣніяхъ Узбека, разсказываетъ, что когда по пятницамъ ханъ этотъ держалъ торжественныя аудіенціи въ золотомъ шатрѣ, то самъ онъ и четыре главныя жены его сидѣли на тронѣ; передъ нимъ ниже сидѣли его дочери; сыновья же его, братья и ближайшіе родственники стояли. Когда которая изъ этихъ четырехъ женъ входила въ шатеръ, ханъ вставалъ, бралъ ее за руку и самъ сажалъ на тронъ. (Travels of Ibn-Batuta, translated by S. Lee. London. 1829. p. 77). Кому извѣстны восточные обычаи, тотъ изъ такого обращенія хана съ своими женами необходимо выведетъ заключеніе, что онѣ пользовались огромнымъ уваженіемъ: да и самъ Ибнъ-Батута замѣчаетъ, что «въ Кипчакѣ къ женщинамъ имѣютъ глубокое уваженіе, особенно къ женамъ хановъ и вельможъ» (Ibid. p. 76). Князья наши, митрополиты, бояре, пріѣзжая въ Орду, ходили на поклонъ съ дарами, не только къ самому хану и ханшѣ, но и къ князьямъ ордынскимъ и даже ихъ женамъ. Такъ Никоновская Лѣтопись (III, 116) разсказываетъ, что когда Б. К. Михаилъ Ярославичь Тверской явился въ 1319 году въ Орду, то «по

обычаю дари всѣхъ князей и княгинь, послѣди самаго царя и царицу». Наконецъ и то, что знаемъ мы о заботахъ Джанибека для излеченія Тайдулы, по поводу которой вошли мы въ изложенныя подробности, показываетъ какъ почитали ханы своихъ женъ, какимъ заботливымъ вниманіемъ окружали ихъ. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что Тайдула могла дать, даже отъ своего имени, тѣ ярлыки, которые дошли до насъ; ибо мы видѣли, что золото-ордынскія ханши имѣли въ правленіи такое же участіе, и такое же вліяніе на дѣла какъ велико-ордынскія, китайскія и персидскія. Мѣра вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія и степень вліянія вообще, разумѣется, зависѣли много отъ личныхъ достоинствъ ханшъ, ихъ ума, красоты, оставляя въ сторонѣ права на это. Одна ханша могла дѣлать то, для чего у другой недостало бы характера, силы воли, хитрости. Такія исключенія не идутъ за правило; на нихъ мы и не основываемся, но не считаемъ лишнимъ, въ заключеніе сказаннаго о мѣстѣ какое занимали женщины въ монголо-татарскомъ обществѣ, привести одинъ примѣръ того вліянія, какое могла имѣть въ немъ необыкновенная женщина. Говоримъ о Турканъ-хатунъ, матери знаменитаго султана Мохаммеда хорезмъ-шаха, современника и противника Чинкгисова. Вотъ какъ обрисовываетъ ее д'Охсонъ на основаніи извѣстій, оставленныхъ достовѣрными писателями: «Одаренная сильнымъ характеромъ, она пользовалась въ государствѣ такою же властію, какъ и сынъ. Когда въ какое-либо мѣсто получались два различныя повелѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, одно отъ Мохаммеда, другое отъ Турканъ-хатунъ, то обращалось вниманіе только на число, отъ котораго писаны были бумаги, и исполненіе производилось по позднѣйшему. Мохаммедъ не пріобрѣталъ ни одной области безъ того чтобы какою-нибудь значительною ея частію не увеличить удѣла матери. У нея было семь секретарей, все людей съ большими достоинствами. Тугра ея, которую она собственноручно над-

писывала надо всѣми указами своими, состояла изъ словъ: «Покровительница міра и религіи, Турканъ, царица надо всѣми женщинами вселенной». Девизомъ ея было: «Одинъ Богъ мое прибѣжище». Она носила титулъ Худавенди-Джеганъ, «Властительницы Міра» (Hist. des Mongols. I, 198).

Обращаемся къ лицамъ получившимъ ярлыки. Трое изъ нихъ, митрополиты Петръ, Ѳеогностъ и Алексѣй — люди не только замѣчательные въ исторіи нашей іерархіи, но мужи, память которыхъ чтимъ какъ святыхъ. Михаилъ, названный митрополитомъ въ ярлыкѣ, данномъ ему отъ Атюляка, есть Михаилъ Митяй, Спасскій архимандритъ, который не дожилъ до полученія этого сана, но извѣстно что искалъ его. Пятое-же лицо, которое въ ярлыкѣ данномъ ему Тайдулою именуется митрополитомъ Іоною, какъ читаемъ въ Новиковскомъ изданіи, или митрополитомъ Иваномъ, какъ находимъ въ Суздальской Лѣтописи — вовсе намъ незнакомо.

Изъ митрополитовъ кіевскихъ и всея Руси не было ни одного именемъ Ивана. Іонъ знаемъ нѣсколько; но самый древній изъ нихъ, Іона святой, избранъ въ этотъ санъ не ранѣе 1437 года, а Тайдула лишилась жизни въ 1359, за 78 лѣтъ до его избранія, стало-быть уже никакъ не могла дать ему ярлыка. При жизни ея митрополитами кіевскими и всея Руси были только двое, Ѳеогностъ и Алексѣй. Въ Кіевѣ и Литвѣ были еще въ это время митрополиты Ѳеодоритъ и Романъ; митрополита-же Іоны не было въ ея время. Какъ объяснить это обстоятельство? Не знаемъ, и всѣ предположенія, которыя могли придумать въ объясненіе его, объявляемъ заранѣе неудовлетворительными для насъ самихъ. Ближе всего было бы предположить, что Іона, которому данъ ярлыкъ, есть Іона святой, но что Тайдула, давшая ему оный, не одно и тоже лицо съ Тайдулою, женою Джанибековой, а жена котораго-нибудь позднѣйшаго хана золото-ордынскаго, современнаго этому Іонѣ; только для поддержанія этого предположенія мы не имѣемъ ни-

какихъ доказательствъ. Гаммеръ принимаетъ, не знаемъ на какомъ основаніи, существованіе двухъ Тайдулъ; но его вторая Тайдула не объясняетъ нисколько настоящаго затрудненія, ибо жалуя ее въ жены Узбека, онъ заставляетъ ее жить ранѣе нашей, жены Джанибековой (Gesch. d. Gold. Horde. s. 312). — Видя, что Михаилъ Митяй, получившій ярлыкъ отъ Атюляка, названъ въ немъ митрополитомъ, тогда какъ не былъ еще посвященъ въ этотъ санъ, можно подумать, не произошло ли и въ настоящемъ случаѣ чего-либо подобнаго, не былъ ли и этотъ, титулуемый въ ярлыкѣ митрополитомъ, Іона или Иванъ, простымъ епископомъ который собирался попасть въ митрополиты и, подобно Митяю, выхлопоталъ ярлыкъ заблаговременно. Молчаніе лѣтописей объ этомъ объяснить не трудно: онѣ умалчиваютъ слишкомъ обо многомъ. Наконецъ, можно предполагать, что всей запутанности вопроса виною ошибка писцовъ ордынскихъ, или переводчиковъ и переписчиковъ русскихъ, которые простаго епископа назвали митрополитомъ; и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что ярлыки получали не одни митрополиты, но и епископы, какъ видно, на-примѣръ, изъ словъ Никоновской Лѣтописи подъ 1313 годомъ: «ярлыки имаху коиждо на свое имя, и князи, и епископы» (III, 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1329 годомъ, именно говорится, что «пожалова царь Азбякъ сарайскаго владыку, даде ему вся по прошенію его, и никто же его ни чѣмъ да не обидитъ» (III, 154), т. е. далъ ему ярлыкъ, который не дошелъ до насъ, какъ и тьма другихъ. Описку въ словѣ «митрополитъ» можно подозрѣвать тѣмъ основательнѣе, что есть два различныя чтенія самаго имени того лица, которому данъ ярлыкъ. Какой-же епископъ былъ этотъ Іона или Иванъ? Изъ современныхъ Тайдулѣ епископовъ разныхъ епархій не знаемъ ни одного по имени Іона. Іоанновъ было трое: Іоаннъ, епископъ ростовскій, переяславскій и ярославскій, хиротонисанный въ 1346 и скончавшійся въ 1355 году; Іоаннъ, который около 1352 года былъ,

можетъ быть, епископомъ суздальскимъ, что навѣрное не извѣстно; и Іоаннъ, епископъ сарайскій, поставленный въ 1355 году митрополитомъ Алексѣемъ (Исторія Россійской іерархіи, соч. Іеромонаха Амвросія. Москва. 1807. Ч. I. ст. 117 и 176; Ник. Лѣт. III, 206). Которому-нибудь изъ нихъ и данъ, можетъ быть, затрудняющій насъ ярлыкъ.

Замѣчательно, что историки наши, упоминающіе хотя мелькомъ о прочихъ ярлыкахъ, не сказали ни слова объ этомъ; не напечатанъ онъ, какъ шесть другихъ, и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ».

V.

Мѣсто, время и обстоятельства, въ которыхъ даны ярлыки.

Видя, что всѣ ярлыки совершенно сходны по содержанію, что во всѣхъ митрополитамъ, духовенству и церковному причту даются однѣ и тѣже права, льготы и преимущества, мы невольно поражаемся мыслію: къ чему было столько разъ повторять одно и тоже; не довольно развѣ было дать одинъ такой ярлыкъ, чтобы потомъ не имѣть уже надобности давать подобные, чтобы права, льготы и преимущества, пожалованныя въ немъ однажды, оставались неприкосновенными навсегда? Не довольно: кромѣ законовъ Яса, основныхъ, конституціонныхъ, долженствовавшихъ пребывать ненарушимыми для потомковъ Чинкгиса, всякій новый ханъ могъ отмѣнить постановленія и распоряженія своего предшественника, отставить всѣхъ его чиновниковъ, отнять всѣ дарованныя имъ кому-либо льготы, права и имущества, и вслѣдствіе того отмѣнялъ ихъ или оставлялъ въ прежней силѣ, смотря по желанію. Въ послѣднемъ случаѣ, императоры и ханы, по восшествіи своемъ на престолъ, объявляли, какъ видимъ это въ Великой-Ордѣ и Персіи, что всѣ, или такіе-то и такіе-то ярлыки и постановленія своего предшественника они утверждаютъ и оставляютъ въ полной силѣ, либо давали эти яр-

лыки снова, либо скрѣпляли ихъ своею подписью. Тоже должно было быть и въ Золотой-Ордѣ; потому и вѣроятно, что каждый ханъ, по восшествіи на престолъ, давалъ духовенству нашему новый ярлыкъ. До насъ дошли таковые только отъ четырехъ: Менгу-Темира, Узбека, Бирдибека и Атюляка. Нѣтъ сомнѣнія, что были ярлыки и отъ другихъ хановъ, но потерялись. Это свидѣтельствуется словами самыхъ ярлыковъ, въ которыхъ говорится, что другіе ярлыки одинаковаго содержанія даны были прежде того предшествовавшими ханами. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: «Чингій Царь потомъ кто ни будетъ *дали семя жалованныя грамоты* Русскимъ Митрополитамъ и церковнымъ людемъ тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари по томужъ пути пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богадѣльныхъ людей.... И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся и *ихъ грамотъ не изыначивая*, по томужъ жалуемъ». Въ Узбековомъ: «Да вси покаряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ и *по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтерямъ*». И далѣе: «И мы бо также управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе Цари *ярлыки имъ давали* и жаловали ихъ. А мы, потомужъ пути, *тѣмижъ ярлыки* жалуемъ ихъ». Еще далѣе: «И мы, Богу моляся, *по первыхъ же Царей грамотамъ*, грамоты имъ давали жалованныя, а не изыначиваемъ ни въ чемъ». Тоже самое, и въ тѣхъ же самыхъ словахъ, повторяется и въ другихъ ярлыкахъ. Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту и Атюляковомъ Михаилу упоминается именно объ ярлыкахъ данныхъ нашему духовенству Джанибекомъ, Азизомъ и Бирдибекомъ. Изъ нихъ дошелъ до насъ одинъ послѣдній.

Что при вступленіи на престолъ каждаго новаго хана надлежало просить у него новаго ярлыка, новаго подтвержденія прежнимъ привилегіямъ духовенства, и что каждый ханъ давалъ, или по обычаю долженъ былъ давать таковой, видно также изъ разныхъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, въ

которыхъ, при сказаніи о вступленіи на престолъ хановъ, повѣствуется вмѣстѣ съ тѣмъ о хожденіи къ нимъ въ Орду митрополитовъ за причетъ церковный и для полученіи ярлыковъ. Такъ въ 1313 году умеръ Тохтогу-ханъ, вступилъ на престолъ Узбекъ, и вотъ въ томъ же году митрополитъ Петръ отправляется въ Орду «того ради понеже тогда въ Ордѣ Тахтя Царь умре, а новый Царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ и вся обновишася: и вси прихожаху въ Орду того ради понеже тогда во Ордѣ ярлыки имаху» (Ник. Лѣт. III, 108), и получаетъ таковой, который дошелъ и до насъ. Въ 1340 году умираетъ Узбекъ; на царствѣ, послѣ разныхъ смутъ, утверждается въ 1341 году сынъ его Джанибекъ, и вотъ, въ томъ же году, митрополитъ Ѳеогностъ идетъ въ Орду «за причетъ церковный къ Царю Чанибеку», и въ томъ же году возвращается изъ Орды, куда, говоритъ таже лѣтопись, «ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо Митрополитъ и епископы ярлыки на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ». (Ник. Лѣт. III, 179). Ярлыкъ, данный ему Джанибекомъ, до насъ не дошелъ, но мы имѣемъ полученный имъ, вѣроятно въ тоже время, ярлыкъ жены Джанибековой, Тайдулы, въ которомъ упоминается о дачѣ ему таковаго же отъ Джанибека. Умираетъ Джанибекъ, вступаетъ на престолъ въ 1357 году сынъ его Бирдибекъ, и мы видимъ, что митрополитъ Алексѣй, только что передъ тѣмъ бывшій въ Ордѣ, опять туда отправляется. Въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, о семъ хожденіи Алексѣя не упоминается; Степенная Книга разсказываетъ, что цѣлію онаго было умилостивить Бирдибека, наложившаго тяжкій «запросъ», т. е. временной сборъ, на всѣхъ князей русскихъ (I, 456). Если этотъ запросъ со стороны Бирдибека дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то нѣтъ сомнѣнія, что отечестволюбецъ Алексѣй, отправляясь въ Орду, имѣлъ въ виду и освобожденіе отъ него Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣроятно и то, что прямою цѣлію отправленія его къ Бирдибеку была необходимость поздра-

вить его по обычаю со вступленіемъ на царство, и ходатайствовать о новомъ ярлыкѣ въ подтвержденіе льготъ дарованныхъ духовенству его предшественниками. Свидѣтельство этого — ярлыкъ Бирдибека Алексѣю — имѣемъ въ рукахъ.

И мало того что каждый ханъ, при восшествіи своемъ на престолъ, давалъ духовенству нашему ярлыкъ по образцу прежнихъ: онъ могъ давать ихъ нѣсколько въ продолженіе своего царствованія, смотря потому, сколько митрополитовъ перемѣнялось при немъ. Полученіе ярлыка отъ хана, какъ инвеституры на санъ свой, было для митрополитовъ столь же необходимо, какъ князьямъ полученіе ярлыковъ на княженія и города. Какъ власть князей надъ свѣтскими, такъ и власть митрополитовъ надъ духовными, не имѣла законности, не утвержденная ярлыкомъ ханскимъ. Отправляясь въ Орду, по воцареніи новыхъ хановъ, для ходатайства о возобновленіи льготъ духовенству, митрополиты ѣздили вмѣстѣ съ тѣмъ и за собственнымъ утвержденіемъ. Сказанное основываемъ мы: 1) На самыхъ ярлыкахъ, которые разбираемъ: три изъ ханскихъ очевидно носятъ характеръ инвеституръ; однимъ и тѣмъ же ярлыкомъ ханъ утверждалъ какъ преимущества духовенства, такъ и митрополита въ его санѣ. 2) На томъ, что персидскіе Чинкигисиды давали такіе инвенститурные ярлыки митрополитамъ армянскимъ. Такъ въ «Исторіи Орпеліановъ» читаемъ, что гулагидъ Аргунъ далъ въ 1288 году Стефану, митрополиту сіунійскому, по обычаю народа своего, ярлыкъ на управленіе церковью, народомъ и епископами» (Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена. II. p. 169). 3) На отправленіи въ Орду митрополитовъ Максима и Ѳеогноста, перваго тотчасъ по поставленіи его на митрополитство въ 1283 году, втораго — послѣ того. Во время возведенія Ѳеогноста на митрополитство, ханомъ въ Ордѣ былъ Узбекъ, отъ котораго духовенство русское имѣло уже ярлыкъ, полученный на имя митрополита Петра, но это не по-

мѣшало Ѳеогносту ѣхать къ Узбеку. За чѣмъ ѣздилъ онъ — лѣтописи не говорятъ; за ярлыкомъ для себя — думаемъ мы.

Но мы не видимъ, чтобы митрополиты Петръ и Алексей отправлялись въ Орду тотчасъ или вскорѣ по хиротонисаніи своемъ. Петръ, поставленный въ 1308 году, отправился въ Орду только въ 1313, по случаю восшествія на престолъ Узбека. Алексѣй, поставленный въ 1353 году, поѣхалъ туда не ранѣе 1356 года, и то по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вслѣдствіе исцѣленія которой и получилъ отъ нея, вѣроятно, тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ Тайдулы на имя сего митрополита.

Возраженіемъ этимъ нисколько не опровергается наше положеніе: мы имѣемъ въ рукахъ ярлыкъ Менгу-Темира, данный въ митрополитствованіе Кирилла III, а не находимъ въ лѣтописяхъ, чтобы Кириллъ ѣздилъ за полученіемъ его въ Орду, стало-быть, или лѣтописи умолчали о хожденіи Кирилла къ Менгу-Темиру, слѣдственно могли умолчать и о хожденіяхъ въ Орду другихъ митрополитовъ, или ярлыки можно было получать митрополитамъ отъ хановъ, и не отправляясь за ними лично въ Орду. Съ 1357 года, когда Св. Алексѣй ходилъ къ Бирдибеку, лѣтописи не упоминаютъ болѣе ни о какомъ хожденіи въ Орду его или другихъ митрополитовъ, его преемниковъ. Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ не отправлялись туда болѣе, по разнымъ причинамъ, между прочимъ по причинѣ безпрерывныхъ переворотовъ волновавшихъ Орду. Ярлыкъ отъ Атюляка Михаилу не доказываетъ противнаго. Лѣтописи не разсказываютъ, чтобы Михаилъ Митяй ѣздилъ въ Орду за полученіемъ онаго, или просто ѣздилъ туда для чего-бы то ни было. Они не упоминаютъ даже о полученіи имъ ярлыка, а говорятъ только, что на пути въ Константинополь, куда Михаилъ отправлялся для испрошенія митрополитства у патріарха, остановленъ онъ былъ Татарами, приведенъ къ Мамаю въ Орду, отпущенъ потомъ Мамаемъ «съ миромъ и тихостію» (Ник. Лѣт. IV. 74),

и продолжалъ путь далѣе. Во время этого пребыванія въ Ордѣ и долженъ былъ онъ получить отъ Атюляка или Тулунъ-бека тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ сего хана на имя Михаила, какъ митрополита. Ярлыкъ Азиза, о которомъ упоминается въ ярлыкѣ Атюляковомъ, равно какъ и тѣ ярлыки, которые давали, или могли давать, митрополитамъ прочіе ханы отъ Бирдибека до Атюляка и послѣ него, митрополиты могли получать и не ѣздя сами въ Орду, а посылая туда за ними бояръ своихъ или епископовъ, или принимая ихъ отъ ханскихъ пословъ, которые могли привозить ярлыки митрополитамъ, какъ привозили инвеститурные и другіе ярлыки князьямъ нашимъ. Такимъ же образомъ могли получить ярлыки митрополиты Петръ и Алексѣй до хожденія ихъ въ Орду.

Когда-же завелось у хановъ это обыкновеніе утверждать митрополитовъ въ ихъ санѣ? Митрополитъ Максимъ есть первый, о хожденіи котораго въ Орду упоминаютъ лѣтописи. Самъ ли онъ, изъ какихъ либо видовъ, вздумалъ первый изъ митрополитовъ ѣхать въ Орду искать добровольно утвержденія отъ Туда-Мангу, и ханы стали послѣ того требовать этого какъ должнаго отъ его преемниковъ, или позвали его туда за этимъ перваго, и по какому поводу — не знаемъ. Г. Наумовъ, неизвѣстно мнѣ на какомъ основаніи, говоритъ утвердительно, что «при Тода-Мангу (въ 1283) постановлено было, чтобы и митрополитъ, яко глава россійскаго духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ утвердительной грамоты» (объ отношеніи Россійскихъ Князей къ Монгольскимъ и Татарскимъ Ханамъ. Спб. 1823. стр. 57). Оно могло быть и такъ, могло быть и иначе. Можно было бы даже думать, что право утверждать митрополитовъ присвоено было себѣ ханами вмѣстѣ съ правомъ полнаго владычества надъ Россіею, т. е. при Батыѣ, если бы не противорѣчилъ этому нѣкоторымъ образомъ, подтверждая при томъ слова г. Наумова, ярлыкъ Менгу Темира: онъ не имѣетъ, какъ

позднѣйшіе, характера инвеституры, что̀ заставляетъ думать, что первый инвеститурный ярлыкъ точно данъ былъ Максиму; ибо ни между Максимомъ и Кирилломъ не было другаго митрополита, ни между Менгу-Темиромъ и Туда-Мангу — другаго хана.

Этотъ Менгу-Темировъ ярлыкъ есть древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ. Данъ онъ Менгу-Темиромъ вѣроятно по случаю восшествія его на престолъ, въ 1266 или 1267 году. Почему издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ» полагаютъ, что онъ писанъ между 1270 и 1279 годами — не знаемъ. Неизвѣстно также по чьему ходатайству онъ данъ. Изъ лѣтописей, какъ сказано уже выше, не видно, чтобы Кириллъ ѣздилъ въ Орду, и если это дѣйствительно такъ, то можно думать, что выхлопотать его позаботился тогдашній епископъ сарайскій Ѳеогностъ, и что Ѳеогностъ же и доставилъ его Кириллу.

Но не Менгу-Темировымъ ярлыкомъ начинается рядъ этого рода актовъ, данныхъ ханами нашему духовенству: ханы давали ихъ и прежде, что̀ видно изъ словъ тогоже ярлыка: «Чингій Царь потомъ кто ни будетъ дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ митрополитомъ и церковнымъ людемъ... И какъ первые цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не взыничивая по томужъ жалуемъ». Предшественниками Менгу-Темира были въ восходящемъ порядкѣ: Берге, Улагчи, Сартакъ и Батый. Кто-же ходатайствовалъ у нихъ о полученіи ярлыковъ? Вѣроятно тотъ же Ѳеогностъ, епископъ сарайскій, а до него Митрофанъ, первый епископъ этой епархіи, учрежденной въ 1261 году. Замѣтимъ при этомъ въ-заключеніе, что фразу «Чингій царь потомъ кто ни будетъ» надо понимать такъ: «всѣ потомки Чинкгиса, властвовавшіе въ Золотой-Ордѣ», а не такъ, будто говорится, что и самъ Чинкгисъ давалъ ярлыки нашему духовенству: извѣстно, что Чинкгисъ умеръ въ 1227 году, когда никто въ Россіи не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

До сихъ поръ мы старались опредѣлить: когда и какъ даны ярлыки, изъ соображенія обстоятельствъ, вѣроятіями, предположеніями. Ближе, казалось бы, искать разрѣшенія этихъ вопросовъ въ самихъ ярлыкахъ: въ каждомъ находимъ означеніе года, мѣсяца и дня, когда онъ писанъ; но въ томъ-то и дѣло, что этимъ хронологическимъ числамъ нельзя много довѣрять; по изслѣдованіи оказываются онѣ не совсѣмъ вѣрными. Постараемся объяснить эти анахронизмы, сколько можемъ.

Атюляковъ ярлыкъ писанъ «овечья лѣта, дарыка въ семь сотъ осьмое лѣто, Солгата мѣсяца въ 10 день нова». Мы разсудили прежде, что онъ долженъ быть данъ въ 1379 году, и точно — осьмой или овечій годъ по монгольскому и тибетскому двѣнадцатилѣтнему циклу соотвѣтствуетъ 1379 году нашей эры отъ Р. Х,: но по мусульманскому лѣтосчисленію отъ бѣгства Магометова онъ совпадаетъ не съ 708, какъ выставлено въ изданіи Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ», и не съ 700, какъ въ Суздальской Лѣтописи, а съ 780-781. Эту неправильность считаемъ мы происшедшею просто отъ описки. Хронологическія числа въ ярлыкахъ писаны были прежде вѣроятно славянскими числами, которыя, при неразборчивости письма и не большой внимательности переписчиковъ, легко могли измѣняться подъ перомъ ихъ изъ однѣхъ въ другія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ число ψп҃ = 780 очень легко могло быть принято за ψи҃ = 708; другой переписчикъ проглядѣлъ цифру п҃, а оставилъ одно ψ = 700. — «Солгатъ» мѣсяцъ есть испорченное названіе одиннадцатаго мусульманскаго мѣсяца ذو القعدة *Дзулькаъде*. Чтобы понять что̀ значитъ «въ 10 день нова» надо знать что дни мѣсяца раздѣляются у Монголовъ на двѣ половины: начальные 15 называются *шинэ*, «новыми», остальные *халочинъ*, «ветхими» (См. о Китайскомъ Календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 17). Поэтому «въ 10 день нова» значитъ «въ десятый день первой половины мѣсяца».

Что-же бы такое было слово «дарыкъ», встрѣчаемое послѣ «овечья лѣта», не могу догадаться. Не могъ объяснить его себѣ и извѣстный монголологъ академикъ Шмидтъ (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. w. s. 26 - 27).

Означеніе года по мусульманскому лѣточисленію находимъ, кромѣ Атюлякова, еще въ Бирдибековомъ ярлыкѣ, т. е. въ двухъ позднѣйшихъ; въ остальныхъ пяти, старѣйшихъ, выставленъ онъ только по двѣнадцатилѣтнему монгольскому циклу — еще свидѣтельство медленности, съ какою проникались Исламизмомъ бытъ и обычаи золото-ордынскихъ Монголовъ. Этотъ Бирдибековъ ярлыкъ данъ «Тегигуя лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 нова; Алгата мѣсяца въ семь сотъ осьмое». «Тегигуя», какъ у Новикова и въ «Собр. Госуд. Грамотъ», или «Тетигуя», какъ въ Суздальской Лѣтописи, есть изуродованное монгольское *Такья* «курица», названіе десятаго года двѣнадцатилѣтняго цикла. Дѣйствительно, 1357 годъ, когда Алексѣй долженъ былъ получить этотъ ярлыкъ, былъ годомъ курицы; но годъ этотъ соотвѣтствуетъ 758 по мусульманскому лѣтосчисленію отъ гиджры, а въ ярлыкѣ встрѣчаемъ выставленнымъ вмѣсто того 709 годъ, тотъ же что и въ Атюляковомъ! Ошибка явная: здѣсь также ѱ̄ ѝ описка вмѣсто ѱ̄ ѝ ѝ. «Алгата мѣсяца», какъ въ «Собр. Госуд. Грамотъ», «А Льгота мѣсяца», какъ у Новикова, и менѣе неправильно «Салгата мѣсяца», какъ въ Суздальской Лѣтописи, — значитъ въ мѣсяцѣ ذوالقعدة *Дзулькаѣде*, въ томъ же, въ которомъ писанъ и Атюляковъ ярлыкъ. Что̀ значитъ слово «нова» посла означенія мѣсячнаго числа, объяснено выше; мѣсяцы года Монголы считаютъ по порядку, не давая имъ особенныхъ названій, и начиная счетъ съ весны, потому мѣсяцъ дачи Бирлибекова ярлыка и означенъ въ немъ просто числительнымъ прилагательнымъ «десятый».

Время дачи Тайдулина ярлыка Алексѣю опредѣлено такъ: «Ентя году, Арама мѣсяца, во 2 ветха». Въ Суздальской, вмѣсто «Ентя», стоитъ «Сига». Надлежало бы

думать, что «Ентя» или «Сита» есть названіе одного изъ двѣнадцати годовъ монгольскаго цикла, такъже какъ «Тегигуя» или «Тетигуя» въ ярлыкѣ Бирдибека; но не только такого, а даже сколько нибудь похожаго на это названія не находимъ между монгольскими именами двѣнадцати лѣтъ цикла. Чтожъ бы такое было это «Ентя» или «Сита»? Утвердительно разрѣшить не беремся, но вотъ предположеніе: буква є въ славянскомъ алфавитѣ имѣетъ числительное значеніе 5; буква н=50; буква т=300; а если принять что ıа есть описка вмѣсто очень похожаго ≠а которое=1000, то получилось бы число 1355, очень близкое къ 1356, году дачи ярлыка, какъ выходитъ изъ другихъ соображеній; значило бы, что въ этомъ ярлыкѣ употреблено лѣточисленіе христіанское — дѣло весьма возможное въ монгольскомъ государствѣ; что переводчикъ ярлыка выразилъ годовое число славянскими цифрами, а не полною прописью; что Новиковъ и издатели «Государственныхъ Грамотъ» не поняли этого, приняли число за названіе одного изъ 12-ти годовъ монгольскаго цикла, и такъ напечатали. «Сита» Суздальской Лѣтописи можно принимать въ такомъ случаѣ за изуродованіе «Ентя». Одно странно и не клеится съ этимъ предложеніемъ — что число написано на оборотъ. Мы не знаемъ примѣровъ такого извращенія, и если можемъ объяснить его чѣмъ-нибудь въ настоящемъ случаѣ, такъ опять предположеніемъ же, что число 1355 выражено было и въ подлинникѣ ярлыка не прописью, а арабскими буквами въ числительномъ значеніи, которыя пишутся справо на лѣво, и что переводчикъ послѣдовалъ примѣру подлинника. — Все это предположенія на предположеніяхъ и болѣе ничего. Оставляя разрѣшить настоящую загадку болѣе насъ проницательнымъ, мы видимъ себя принужденными довольствоваться покуда, чѣмъ довольствуются въ такихъ случаяхъ мусульманскіе писатели, сознаніемъ, что الله اعلم بغيبه «тайна этого извѣстна Аллаху лучше всѣхъ». — Не много болѣе «Ентя» года, знаемъ

мы и объ «Арамѣ» мѣсяцѣ. Такого мѣсяца мы не находимъ ни въ календарѣ мусульманскомъ, ни въ календарѣ Сирійцевъ, ни у Евреевъ, ни у Персовъ, и только благодаря Эрбло (Bibl. Orient. статья Aram) можемъ сказать вслѣдъ за нимъ, что мѣсяцъ такого имени есть у Хатайцевъ, познакомится ближе съ времячисленіемъ которыхъ не позволяетъ намъ отсутствіе нужныхъ для сего источниковъ. «Во 2 ветха» значитъ «во второй день послѣдней половины мѣсяца», или по нашему просто 17 числа.

Относительно ярлыка отъ Тайдулы Ѳеогносту, издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ» опредѣлили время дачи онаго около 1333 года, что̀ несправедливо уже потому, что онъ данъ въ правленіе Джанибека, а Джанибекъ вступилъ на престолъ не ранѣе 1341 года. Гаммеръ полагаетъ его даннымъ въ 1342 году; мы высказали выше то же мнѣніе, но «заячій годъ», когда онъ писанъ, не совпадаетъ ни съ 1333, ни съ 1342, а съ 1339 и потомъ съ 1351. Шмидтъ, а за нимъ и Гаммеръ, выпутываются изъ этого затрудненія очень просто: вмѣсто «заячьяго» ставятъ въ ярлыкѣ «лошадинаго» = 1342, говоря, что такъ должно быть по-настоящему (Gesch. der Gold. Horde. s. 306). Не будучи въ состояніи разрубить этаго узла искуснѣе, мы подписываемъ покуда согласіе подъ опредѣленіемъ двухъ столь достойныхъ уваженія оріенталистовъ; но никакъ ужъ не можемъ согласиться съ первымъ изъ нихъ, чтобы «Арамъ мѣсяцъ», когда писанъ этотъ ярлыкъ, также какъ и Тайдулинъ Алексѣю, былъ мусульманскій محرم Мухарремъ (Philologisch-Kritische Zugabe u s. w. s. 26).

Тайдулинъ ярлыкъ Іонѣ или Ивану данъ «Свинаго, лѣта, осьмаго мѣсяца, въ пятый ветха», какъ въ Суздальской Лѣтописи, или «Виннаго лѣта, осьмаго мѣсяца въ 6 ветха», какъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ». «Винного» есть явная описка вмѣсто «свинаго». Отъ вступленія на престолъ Джанибека до кончины Тайдулы свиной годъ приходился только разъ, имен-

но въ 1347 году. Если показаніе года въ этомъ ярлыкѣ справедливо, то можемъ думать, что получателемъ его скорѣе всѣхъ другихъ Іоанновъ, былъ Іоаннъ, поставленный Ѳеогностомъ въ 1346 году въ епископы ростовскіе (Лѣтописецъ Русской. Ч. II. стр. 111). Варіанты чиселъ 5 и 6 въ означеніи дня писанья ярлыка, свидѣтельствуя въ этомъ случаѣ о небрежности переписчиковъ, служатъ въ тоже время подкрѣпленіемъ нашему объясненію анахронизмовъ, встрѣчаемыхъ въ мусульманскихъ датахъ Атюлякова и Бирдибекова ярлыковъ.

Въ Узбековомъ ярлыкѣ Петру митрополиту читаемъ, что данъ онъ «заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха». Карамзинъ, Полевой, издатели «Собр. Госуд. Грамотъ», Гаммеръ, Штраль и всѣ другіе, кому случилось упоминать объ этомъ ярлыкѣ, согласны въ томъ, что онъ данъ въ 1313 году; между тѣмъ 1313 годъ былъ не заячій, а телячій *(укэръ)*; заячьимъ-же *(таолай)* во все время митрополитствованія Петра приходится одинъ 1315 годъ — опять анахронизмъ необъяснимый. Объясняя ярлыкъ Бирдибика, мы сказали, что Монголы считаютъ мѣсяцы по порядку, называя ихъ просто первымъ, вторымъ и такъ далѣе до двѣнадцатаго включительнаго. Здѣсь должно прибавить къ этому, что иногда раздѣляютъ они ихъ по временамъ года, и говорятъ: первый весенній, мѣсяцъ, второй весенній, третій весенній, первый лѣтній, второй лѣтній и т. д. (О Китайскомъ календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 13). Это раздѣленіе мѣсяцовъ видимъ мы принятымъ и въ Узбековымъ ярлыкѣ. «Первый осенній» мѣсяцъ соотвѣтствуетъ нашему сентябрю въ обыкновенныхъ, не высокосныхъ, годахъ.

Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ опять находимъ туже дату, что въ Узбековомъ – «заячьяго лѣта, осеняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха». Невозможнаго тутъ, разумѣется, ничего нѣтъ: 19 число перваго осенняго мѣсяца зячьяго года приходилось трижды въ правленіе Узбека, и

дважды въ правленіе Менгу-Темира. Странно только, что оба ярлыка даны въ одинъ и тотъ же день, одного и того же мѣсяца, одного и того же циклическаго года. Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ дата эта не представляетъ ничего анахронистическаго. Въ продолженіе властвованія сего хана, съ 1266 по 1281 годъ, заячье лѣто монгольское совпадало съ двумя христіанскими годами: 1267 и 1279. По какому бы поводу могъ ярлыкъ этотъ получить существованіе въ 1279 году — не видимъ; въ 1267 могъ онъ быть данъ по случаю Менгу-Темирова вступленія на престолъ, что̀ какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ эта же дата въ Узбековомъ ярлыкѣ вовсе не согласуется со временемъ дачи его, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Что̀ если она не принадлежала первоначально этому ярлыку, а попала въ него какимъ нибудь образомъ изъ Менгу-Темирова?!

Теперь о мѣстностяхъ, въ которыхъ даны ярлыки.

Въ каждомъ ярлыкѣ означено мѣсто его дачи. Всѣ они даны въ ордѣ, т. е. въ мѣстопребываніи хановъ, но это мѣстопребываніе мѣнялось: орда переходила изъ мѣста въ мѣсто, изъ урочища въ урочище. Эти-то мѣста и урочища и означены въ ярлыкахъ.

Мѣсто дачи Менгу-Темирова ярлыка означено въ немъ такъ: «на Телы», какъ читаемъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ», или «на Тали», какъ въ Суздальской Лѣтописи. Что̀ это такое «Телы» или «Тали»? Тала значитъ по-монгольски «равнина», «степь»; по этому «на тали» не значитъ ли: на степи, въ степи, въ такомъ мѣстѣ, которое не имѣло усвоеннаго ему названія? Это объясненіе подтверждается и Узбековымъ ярлыкомъ, въ которомъ читаемъ «на поліихъ писанъ и данъ», т. е. на полѣ, на степи. Въ семъ-послѣднемъ «тала» подлинника переведено соотвѣтственнымъ русскимъ словомъ, а въ Менгу-Темировомъ осталось безъ перевода, бывши принято, можетъ быть, за собственное имя.

Тайдулинъ ярлыкъ Ѳеогносту митрополиту писанъ когда «въ Саргѣ орда кочевала». Такъ читаемъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ». Въ Суздальской, вмѣсто «въ Саргѣ», находимъ «въ Сарае», и нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее чтеніе предпочтительнѣе. Сарай— извѣстная столица хановъ, о которой мы не имѣемъ нужды входить здѣсь въ подробности.

Ярлыкъ Тайдулы митрополиту Алексѣю писанъ, когда «орда кочевала на Гулистанѣ». Имя Гюлистана گلستان часто встрѣчается на золото-ордынскихъ монетахъ. Въ первый разъ находимъ его на монетѣ Тайдулина мужа Джанибека, битой въ 752 году гиджры (1352 по Р. Х.). Въ послѣдній — на монетѣ Азиза, битой въ 767 (13656) году (Монеты Хановъ улуса Джучіева. Стр. 43). Грамота Джанибека Венеціанамъ въ 1347 году писана также въ Гюлистанѣ. Мѣсто это, по мнѣнію Френа, находилось вблизи Сарая (С. Петербургскія Вѣдомости 1830 г. № 11. Стр. 72).

Гдѣ находится урочище «Желтая-Трость», въ которомъ кочевала орда, когда писался ярлыкъ Тайдулы Іонѣ или Ивану — не знаю; не знаю также и того, гдѣ должно искать «Каонга», мѣста кочевки орды во время полученія Бирдибекова ярлыка митрополитомъ Алексѣемъ. Трудъ опредѣлить положеніе этихъ урочищъ предоставляемъ другимъ, имѣвшимъ или имѣющимъ возможность познакомиться съ топографіею Кипчакской Степи болѣе нашего.

Въ Атюляковомъ читаемъ, что «Орда кочевала на великомъ лузѣ на рѣчномъ». Это столько же неопредѣленно, какъ и «на поліихъ» Узбекова. Кто можетъ сказать гдѣ этотъ «великій лугъ» и на какой рѣкѣ — на Волгѣ, на Дону? Развѣ не носило-ли какое урочище собственно ему усвоеннаго названія «великаго луга», какъ городъ «Великіе Луки» въ Псковской Губерніи.

VI.

Языкъ ярлыковъ

Какъ дошли до насъ ярлыки, въ подлинникѣ или въ переводѣ, т. е. на какомъ языкѣ писаны были они первоначально въ Ордѣ, на русскомъ, на которомъ имѣемъ ихъ теперь, или на какомъ другомъ? Утверждаемъ, что въ переводѣ, что первоначально писаны они не на русскомъ. Странно было бы предполагать, чтобы государственныя бумаги писались въ Ордѣ на русскомъ, хотя бы бумаги эти и назначались для Россіи. Мы знаемъ, что когда монгольскіе государи сносились съ иноземцами, то письма и грамоты свои къ нимъ писали обыкновенно на монгольскомъ. Письма Аргуна и Олджайту къ королю французскому Филиппу Прекрасному, дошедшія до насъ въ подлинникахъ, писаны на монгольскомъ. Грамота, которую Куюкъ послалъ къ папѣ черезъ Плано Карпини — на монгольскомъ же [34]. Другіе памятники сношеній императоровъ и хановъ монгольскихъ съ папами и государями Европы, дошедшіе до насъ на латинскомъ языкѣ, обнаруживаютъ, что подлинники ихъ писаны были на этомъ же языкѣ (Абель-Ремюза Mémoires sur les relations etc. passim). Если въ Персіи, подъ владычествомъ Гулагидовъ, многія бумаги писались на персидскомъ и арабскомъ, такъ это потому, что Гулагиды жили посреди Персовъ и Арабовъ, что министры и чиновники ихъ были бо̀льшею частію изъ туземцовъ, что персидскій, какъ общенародный, и арабскій, какъ ученый, господствовали даже и при дворѣ ихъ. По тѣмъ же причинамъ употреблялся при дворѣ и въ канцеляріяхъ Кипчакскаго Царства языкъ татарскій. Употреблять-же русскій въ сихъ-послѣднихъ не было никакой стати. Но не на этихъ

---

[34] Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 47. Tartarice значитъ у Плано Карпини «по-монгольски», а не «по-татарски». Монголовъ онъ нигдѣ не называетъ Монголами, а всегда Татарами.

соображеніяхъ основываемъ мы убѣжденіе наше въ переводности ярлыковъ; нѣтъ, доказательства этому находимъ мы преимущественно въ слогѣ и оборотахъ ярлыковъ, обнаруживающихъ въ нихъ не русское, а монгольское или тюркское происхожденіе. Еслибы ярлыки писаны были въ Ордѣ прямо на рускомъ, словорасположеніе въ нихъ никогда бы не могло проникнуться монголизмомъ или татаризмомъ до такой степени, въ какой видимъ это въ нашихъ ярлыкахъ. Это монголо-тюркское построеніе періодовъ и расположеніе словъ, столь противуположное духу семитическихъ и индо-германскихъ языковъ, было между прочимъ, причиною того, что ни Новиковъ, ни издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ», незнакомые, какъ видно, ни съ монгольскимъ, ни съ татарскими языками, не могли понять хорошенько, гдѣ начало, гдѣ конецъ періода, и вслѣдствіе этого, своею разстановкою знаковъ препинанія, перепутывали нерѣдко періоды, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затмили даже смыслъ. Синтаксисъ монгольскаго и тюркскихъ языковъ требуетъ, чтобы слова въ періодѣ и въ предложеніи располагались въ порядкѣ почти прямо противуположномъ употребительному въ нашемъ и родственныхъ нашему языкахъ. Вставочныя и объяснительныя части предложенія, которыя ставятся въ нашемъ послѣ главныхъ, въ тѣхъ напротивъ помѣщаются спереди. Кромѣ того, по неимѣнію, ни въ монгольскомъ, ни въ тюркскихъ, соединительнаго союза *что*, фразы, въ которыхъ мы употребляемъ этотъ союзъ, принимаютъ въ нихъ совершенно особенную, имъ только свойственную форму. *Что* замѣняется обыкновенно дѣепричастіемъ настоящимъ или прошедшимъ глагола «говорить», *кемекю* по-монгольски, *демекъ* по-турецки и по-татарски, и все что слѣдуетъ у насъ за этимъ «что», въ тѣхъ языкахъ ставится впереди дѣепричастія «говоря» или «сказавъ». Это самыя характеристическія черты монгольскаго и тюркскаго синтаксиса, и мы находимъ рѣзкій отпечатокъ ихъ въ языкѣ разби-

раемыхъ нами ярлыковъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ сказали бы мы: «Царь пожаловалъ митрополита Ѳеогноста, далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою, на томъ основаніи, что поповскій чинъ и тѣ которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, не должны платить никакихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздаютъ молитвы за племя наше въ родъ и родъ», — Монголы и Татаре дали бы этому періоду совершенно иную форму, именно такую, въ какой находимъ его въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: «Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молится за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ: такъ молвя (*эйенъ кеменъ*), Ѳеогноста митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ». Такъ, вмѣсто: «И мы повелѣли, чтобы было по прежнему», они сказали бы, какъ сказано въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило». Дѣепричастія, употребительнѣйшая форма глаголовъ въ монгольскихъ и тюркскихъ языкахъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ и въ ярлыкахъ, тогда какъ въ современныхъ актахъ, писанныхъ въ Россіи, попадаются они очень рѣдко. Выраженія: «ходить правымъ путемъ», «управлять» или «молить правымъ сердцемъ и правою мыслію», «а отъ насъ будетъ не кротко», наше око тихо не смотритъ», «ѣсть одинъ хлѣбъ» вмѣсто «жить вмѣстѣ», и другія, встрѣчающіяся въ ярлыкахъ — вовсе не русскія, а чистые татаризмы, и татаризмы не встрѣчающіеся притомъ въ современныхъ актахъ и лѣтописяхъ. Мы не приводимъ татарской формы ярлыковъ въ доказательство утверждаемаго нами; она, по мнѣнію нашему, не можетъ служить тутъ доказательствомъ: если бы ярлыки писались въ Ордѣ и прямо по-русски, это не мѣшало бы излагать содержаніе ихъ въ формахъ, принятыхъ для подобныхъ жалованныхъ грамотъ въ монгольскомъ или

татарскомъ языкѣ, слѣдовать въ расположеніи частей ярлыка порядку соблюдавшемуся и утвержденному временемъ и употребленіемъ въ монгольскихъ канцеляріяхъ; но языкъ, языкъ ярлыковъ свидѣтельствуетъ, что они переводы. Съ какого же — съ монгольскаго или съ татарскаго? Этого нельзя рѣшить филологически: духъ, конструкція, обороты обоихъ этихъ языковъ чрезвычайно сходны, даже теперь, черезъ 500 лѣтъ послѣ того, какъ писаны ярлыки. Въ ордынскихъ канцеляріяхъ, нѣтъ сомнѣнія, употреблялись оба-хотя покуда не извѣстно еще ни одного акта изъ Золотой-Орды, который былъ бы писанъ на монгольскомъ; потому ярлыки наши могли быть писаны и на томъ, и на другомъ. Но такъ какъ монгольскій языкъ постепенно выходилъ изъ употребленія въ Ордѣ, а наконецъ и совсѣмъ былъ забытъ отатарившимися Монголами, то изъ этого можно заключагъ съ большою вѣроятностію, что древнѣйшіе ярлыки писаны были на монгольскомъ, а позднѣйшіе—на татарскомъ языкѣ.

Рѣшивъ, что мы имѣемъ ярлыки въ переводахъ, надо узнать еще: какіе это переводы, современные подлинникамъ, или позднѣйшіе? Судя по словамъ автора приписки къ ярлыкамъ, находимой въ Новиковскомъ изданіи, автора, жившаго уже при Царяхъ: «Мнози же суть отъ первыхъ и давныхъ иные велицы ярлыци суть, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемую рѣчью писаны быша», надлежитъ думать, что позднѣйшіе. Поводомъ къ переводу, какъ замѣчаетъ Полевой, могло послужить какое-нибудь ограниченіе правъ духовенства, какъ, на-примѣръ, на соборахъ бывшихъ въ 1500 или въ 1580 году. Но должно сказать и то, что мнѣніе о несовременности перевода съ подлинниками основывается единственно на этой припискѣ, о которой не знаемъ, ни откуда она взята, ни кто такой ея авторъ. Не будь этой приписки, мы бы стали доказывать, что переводы, въ которыхъ имѣемъ ярлыки, современны подлинникамъ. Въ ханскомъ диванѣ не-

обходимо должны были находиться люди, знавшіе русскую грамоту, и служившіе какъ для изустныхъ переговоровъ съ русскими князьями, боярами и духовными, когда эти не знали по-татарски, и не могли объясняться съ ханами и ихъ чиновниками прямо, безъ посредства переводчиковъ, такъ и для переводовъ разныхъ бумагъ съ татарскаго на русскій или съ русскаго на татарскій. Князья наши также, нѣтъ сомнѣнія, держали при себѣ въ Россіи людей знавшихъ татарскую грамоту: частыя сношенія съ Татарами дѣлали это необходимымъ. Были такіе переводчики, вѣроятно, и при митрополитахъ. Въ то время не трудно было имѣть ихъ: въ Ордѣ всегда было много нашихъ соотечественниковъ, которые не наѣздомъ пріѣзжали туда, а жили тамъ постоянно, слѣдовательно необходимо должны были знать языкъ, которымъ говорили въ ней. Мы имѣемъ на это очень раннія свидѣтельства. Когда, въ 1246 году, Плано Карпини привезъ къ Батыю папскую грамоту, писанную на латинскомъ, ему дали толмачей для перевода ея на татарскій (т. е. монгольскій); но такъ какъ между ними не нашлось людей, которые понимали бы вмѣстѣ и по-латыни и по-татарски, то ее перевели сначала на русскій, а потомъ на арабскій и татарскій. [35] Стало-быть уже при Батыѣ были въ Ордѣ переводчики, знавшіе по-русски. Мало того, они были въ это время даже въ Великой-Ордѣ, въ глубинѣ Монголіи. Когда императору Куюку надо было писать отвѣтную грамоту на письмо папы, привезенное ему Плано Карпини, у сего-послѣдняго спрашивали: есть ли у папы люди, которые разумѣли бы русское, сарацинское или татарское письмо (Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 55) — вопросъ, показывающій, что въ Великой-Ордѣ была тогда возможность написать грамоту на русскомъ языкѣ.

---

[35] In litera Ruthenica, Saracenica et in Tartarica diligenter cum ipsis transtulimus. Собр. Пут. къ Татарамъ. стр. 20. Далѣе (стр. 214) Плано Карпини говоритъ, что русскимъ переводчикомъ его былъ суздалецъ (Russien de Susdal).

Далѣе Карпини именно говоритъ, что какъ при сношеніяхъ съ самилъ Куюкомъ, такъ и для перевода грамоты сего императора къ папѣ, толмачомъ имъ служилъ дворянинъ одного русскаго герцога, умершаго въ Ордѣ, по имени Темерь (ibid. p. 214). Современные переводы ярлыковъ необходимо должны были существовать; если не въ Ордѣ переводили ихъ на русскій, такъ переводили тотчасъ же по доставленіи въ Россію. Безъ перевода не могли они оставаться: ихъ, для всеобщаго свѣдѣнія, должно было сообщать на прочтеніе въ церкви и монастыри, какъ видно это изъ словъ Менгу-Темирова ярлыка: «И сію грамоту видяще и слышаще попове и черицы, ни дани, ни иного чего не даютъ». Въ Узбековомъ говорится тоже самое; а нельзя-же думать, чтобы все духовенство въ Россіи знало по-монгольски или по-татарски. Въ современныхъ же переводахъ дошли можетъ быть ярлыки и до нашего времени, ибо слова вышеупомянутой переписки, на которыхъ основывается противное мнѣніе, можно толковать различно. Предложенію: «Мнози же суть иные велицы ярлыци» и пр. предшествуетъ въ ней другое: «Елико же обрѣтохомъ во святѣйшей Митрополіи старыхъ Царей ярлыки, сихъ и написахомъ». *Написать* значитъ иногда въ старинномъ языкѣ нашемъ *сочинить*, чаще *переписать*; но я не знаю, чтобы оно значило когда нибудь — *переводить*; потому, предложеніе это, въ связи съ послѣдущимъ за нимъ, можно понимать и такъ: «Сколько нашелъ я во св. митрополіи ярлыковъ на русскомъ языкѣ, столько и переписалъ, столько и помѣстилъ (въ эту лѣтопись, въ этотъ сборникъ); есть тамъ еще много другихъ, на непонятномъ для меня языкѣ: тѣхъ я не могъ перевести». Да и самое «перевести» можно понимать въ смыслѣ *приводить*, citer, а не *переводить*, traduire. «Неудобь познаваемою рючью» также можетъ значить «стариннымъ языкомъ» или «неразборчивымъ почеркомъ». При такомъ толкованіи, помянутыя предложенія имѣли бы слѣдующій смыслъ: «Сколько я нашелъ яр-

лыковъ, писанныхъ понятно, столько и помѣстилъ ихъ здѣсь. Есть еще много другихъ, да тѣхъ я не помѣстилъ, потому что не могъ разобрать, не могъ прочесть». Впрочемъ, все это тонкости. Покуда какое-нибудь обстоятельство не объяснитъ дѣла болѣе, мы готовы принять, что древніе переводы ярлыковъ, переводы современные, утратились, ходя по монастырямъ и церквамъ, а въ архивахъ митрополіи сохранились только подлинники, съ которыхъ, въ XVI столѣтіи, и сдѣланы тѣ переводы, которые мы теперь имѣемъ. Историческое достоинство ярлыковъ зависитъ не отъ того когда они переведены съ подлинниковъ, въ XIII, XIV, XV или XVI столѣтіяхъ, и отъ того, вѣренъ переводъ или нѣтъ. Вотъ вопросъ, который важно рѣшить.

Подлинниковъ у насъ нѣтъ: какъ же рѣшить его? Такъ, изъ соображенія обстоятельствъ. Какая нужда была переводить невѣрно, измѣнять смыслъ? Никакой: въ ярлыкахъ все было въ пользу духовенства; ничего противъ его выгодъ, или противъ нашей религіи. Мы видѣли, какъ самый слогъ ярлыковъ доказываетъ, что они переведены буквально. Вся невѣрность, какая можетъ быть въ нихъ, состоитъ развѣ въ томъ, что переводчикъ или переводчики могли придать монгольскимъ или татарскимъ выраженіямъ нѣсколько христіанскій цвѣтъ, чтобы сдѣлать ихъ понятнѣе для единовѣрцевъ, ввести незначительныя вставки, позволить себѣ небольшія амплификаціи. Такъ, на-примѣръ, можно думать, что тогда какъ въ ярлыкѣ Узбекова, было просто:

«*Вѣчнаго Бога* (или *неба*) *силою*» —

переводчикъ амплифировалъ эту фразу такимъ образомъ:

«Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ».

Что тогда какъ Менгу-Темировъ ярлыкъ начинался просто:

«*Вышняго Бога силою*» —

Переводчикъ вставилъ вслѣдъ за тѣмъ:

«И вышняя Троицы волею».

Что когда въ Бирдибековомъ сказано было только:

«*Да будетъ тому худо*» —

переводчикъ замѣнилъ это выраженіе болѣе христіанскимъ:

«Во грѣсѣхъ да будетъ».

Такія амилификаціи, вставки и измѣненія, если и дѣйствительно имѣли мѣсто — чего еще нельзя доказать несомнѣнно — не важны въ отношеніи къ сущности дѣла; потому я рѣшительно держусь того мнѣнія, что имѣющіеся въ рукахъ нашихъ русскіе ярлыки — переведены съ подлинниковъ вѣрно.

VII.

Содержаніе ярлыковъ, очень выгодное для нашего духовенства, противорѣчіемъ своимъ съ существующимъ мнѣніемъ о ревностномъ Исламизмѣ золото-ордынскихъ хановъ, и нѣкоторыми показаніями нашихъ лѣтописей, могло подавать поводъ подозрѣвать эти акты въ подложности, и предполагать подлогъ дѣломъ духовенства. Мы доказали невозможность подлога съ этой стороны, обнаружили ложность помянутаго мнѣнія, представили въ настоящемъ свѣтѣ сказанія лѣтописей. Въ числѣ лицъ, давшихъ и получившихъ ярлыки, было два, существованіе которыхъ могло казаться сомнительнымъ. Мы объяснили кто такое было одно изъ нихъ, кѣмъ могло быть другое. Нѣкоторые ярлыки возбуждали подозрѣніе ложностію своихъ датъ. Мы старались объяснить какимъ образомъ могли произойти эти анохронизмы. Существовало мнѣніе, уменьшавшее цѣнность ярлыковъ какъ источниковъ, — что содержаніе ихъ передѣлано или измѣнено переводчиками. Мы показали, что нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать передѣлку или невѣрность перевода. Вообще мы старались разрѣшить всѣ вопросы, уничтожить всѣ недоразумѣнія, которыя могли возникнуть при чтеніи ярлыковъ, и навести на достовѣрность ихъ хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія. Надѣемся, что

послѣ всего сказаннаго и доказаннаго, сомнѣнія эти будутъ уже неумѣстны, и авторитетъ Карамзинскихъ подозрѣній не станетъ мѣшать никому употреблять ярлыки въ дѣло, какъ источники.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій предлагаемъ объясненіе еще одного вопроса: почему дошло до насъ нѣсколько ярлыковъ данныхъ ханами митрополитамъ, а не дошло ни одного изъ данныхъ ими князьямъ нашимъ, великимъ и удѣльнымъ, тогда какъ послѣднихъ дано было, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ первыхъ? Что касается до князей удѣльныхъ, то, судя по тому, что читаемъ въ договорныхъ грамотахъ князя суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ (см. выше, стр. 178), надо думать, что удѣльные князья передали всѣ ярлыки свои великимъ, какъ знакъ покорности имъ, и отрѣченія отъ самовластія; а великимъ князьямъ къ чему было беречь ихъ? Очень вѣроятно даже, что они старались уничтожить ихъ поскорѣе, какъ свидѣтельства могшія напоминать потомкамъ удѣльныхъ князей такія вещи, которыя имъ надлежало забыть совершенно. Великокняжескіе-же ярлыки могли утратиться сами собою, какъ акты отжившіе вѣкъ и потерявшіе цѣнность, какъ ни къ чему болѣе ненужные памятники тягостнаго рабства. Мало ли чего, гораздо болѣе драгоцѣннаго, погибло во время пожаровъ и другихъ бѣдствій. Духовенство, напротивъ того, видѣло свою пользу въ сбереженіи ярлыковъ: они сохраняли для него часть своей цѣны и по паденіи татарскаго владычества, ибо всегда могли служить упрекомъ тѣмъ царямъ, которые бы вздумали ограничивать его права, уменьшать привиллегіи; что это не только могло быть, но и дѣйствительно было такъ, свидѣтельствуютъ слова Симонова посланія къ Іоанну III, по случаю собора въ 1500 году (см. выше стр. 189). Да и для лѣтописцевъ, людей духовнаго званія, ярлыки митрополичьи были несравненно интереснѣе княжескихъ, потому и въ лѣтописи могли попасть скорѣе, чѣмъ сіи-послѣдніе.

Ярлыки, сирѣчь жалованныя грамоты, иже давали первые Цари Ординскіе, и сущіи по нихъ вси, святѣйшимъ преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руссіи, легость церковнымъ домомъ и людемъ православнымъ.

Въ лѣто 6721 (1313) поиде во Орду Петръ Митрополитъ Кіевскій и всея Руссіи, вкупѣ съ Великимъ Княземъ Михайломъ Ярославичемъ Тферскимъ, обиды ради церковныхъ отъ лукавыхъ человѣкъ судовъ и управленій, и пошлинъ, и уроковъ, и даней, имѣній и стяжаній людей всего причта церковнаго, и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Да и того ради, чтобъ напередъ быти у Царя Нѣмецкихъ пословъ, и Бискупа Матѳея Папы Римскаго; да и того ради понеже тогда во Ордѣ Царь Батый умеръ, а новый Царь Язбякъ сѣлъ на царство, и вся обновишася; отъ многихъ царствъ, и отъ многихъ великихъ княженій, и отъ многихъ странъ вси приходили въ Орду къ Царемъ, и ярлыки имали, кождо на свое имя. И вси великіе Князи Русскіе и Митрополиты, и Епископы Русскіе, ярлыки имали, кождой на свое имя. Но милостію Божію, Петръ Митрополитъ во Ордѣ у Царя былъ въ велицей чести, и отпущенъ былъ отъ Царя въ борзѣ со многою честію и управою, и съ ярлыки и съ дефтери; и пріиде въ свою Митрополію на Русь; и вси православные Христіане срѣтоша его со многою радостію.

Первый ярлыкъ

А се ярлыкъ Язбека Царя, Петру Митрополиту, всея Руссіи чудотворцу.

Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію его многою. Язбяково [1] слово. Всѣмъ нашимъ Княземъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, и силь-

---

ВАРІАНТЫ

(Буквы Г. Г. означаютъ «Собраніе Государственныхъ Грамотъ; буквы С. Л. — «Суздальскую лѣтопись»; буквы Р. Л. — «Ростовскую»)

[1] Азбяково. Г. Г. и Р. Л.

нымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и Польскимъ [2] Княземъ высокимъ и нижнимъ, и Книжникомъ, Уставодержальникомъ [3], и учительнымъ людскимъ [4] Повѣстникомъ, и Сбирателемъ и Баскакомъ, и Посломъ нашимъ и Гонцомъ, и Данщицикомъ, и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Ловцомъ нашимъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же не обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ [5] ни [6] стяжаній, ни имѣній [7], ни людей [8]. А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ [9] Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по [10] первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотъ [11] и дефтеремъ. Да не вступаются въ церковное и [12] Митрополиче никто же, занеже то Божіе все суть [13]; а кто вступится, а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ [14], тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ ходитъ, да [15] правымъ путемъ пребываетъ и спѣшится [16], да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся своя церковная управляетъ [17] и судитъ и вѣдаетъ, или кому

---

[2] полчнымъ. Р. Л. [3] Книжникомъ и Уставодержальникомъ. Г. Г. и Р. Л. [4] Учительнымъ и людскимъ. Р. Л. [5] Възимаютъ. Р. Л. [6] ни deest. Р. Л. [7] имѣніемъ. Р. Л. [8] людемъ. Р. Л. [9] самъ deest Р. Л. [10] но deest. ГГ. [11] Грамотамъ. ГГ. и Р. Л. [12] и deest. Р. Л. [13] есть все. Р. Л. [14] преступитъ. Р. Л. [15] правымъ путемъ ходитъ; да deest. Р. Л. [16] тѣшится. Г. Г. и Р. Л. [17] устроетъ. Р. Л.

повелитъ таковая дѣяти [18] и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что, ни [19] дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ княземъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто же, ни чемъ, въ церковныя и въ митрополичи, ни въ волости ихъ [20], и [21] въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы [22] ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во ограды [23], ни въ волостныя мѣста ихъ, ни винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада [24]; но [25] вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ [26], и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ [27]. Да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено; да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены [28], и за наши дѣти, и за наши племя. И [29] мы бо такоже управляемъ и жалуемъ якоже и прежніе Цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы, по томужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ [30]; а мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу [31] повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши Баскаки, и Таможники, Данщики, Поборщики, Писцы, — по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило [32], да всѣ будутъ цѣлы соборные [33] церкви митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія,

---

[18] вѣдати. Р. Л. [19] и. Р. Л. [20] ихъ deest. Р. Л. [21] ни. Г. Г. и Р. Л. [22] луга. Р. Л. [23] ограды ихъ. Г. Г. грады Р. Л. [24]. стада ихъ. Р. Л. [25] ни въ. Р. Л. [26] ихъ deest. Р. Л. [27] да прикажетъ. Р. Л. [28] и за наши жены deest. Р. Л. [29] и deest. Р. Л. [30] заступитъ deest. Р.Л. [31] Богу deest. Р. Л. [32] и уставило deest Р. Л. [33] всѣ соборные Р. Л.

какъ ярлыкъ имѣетъ [34]: Архимандриты, и Игумены, и Попы, и вся причты церковныя, ни чѣмъ ни кто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли [35], ловитва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати,—а отъ соборныя церкви и отъ [36] Петра Митрополита ни кто же да [37] не взимаетъ, и отъ ихъ [38] людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? То всѣ вѣдаютъ. И мы, Богу моляся, по первымъ [39] же [40] Царей грамотамъ, грамоты имъ давали жалованыя [41], а не изыначивали [42] ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило. По первому пути которая дань наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или Послы наши будутъ, или кормы наши и [43] коней нашихъ, или подводы, или кормъ Пословъ нашихъ, или нашихъ Царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни есть, и кто ни будь, да не взимаютъ, да не просятъ ничто же; а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ третицею, аще [44] будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковныя люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменные здатели, или древянные [45], или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши никто не [46] вступаются и на наше дѣло да [47] не емлютъ ихъ; и Пардусницы наши, и Ловцы наши, и Сокольницы наши, и Побережницы наши, да не вступаются въ нихъ. и да не взимаютъ у нихъ [48] ихъ [49]

---

[34] имѣетъ и. Г. Г. и Р. Л. [35] война ли deest. Р. Л. [36] и отъ deest. Р. Л. [37] да deest. Р. Л. [38] всѣхъ. Р. Л. [39] первыхъ. Г. Г. и Р. Л. [40] же deest. Р. Л. [41] жаловалные. Г. Г. [42] изыначиваемъ. Р. Л. [43] или Р. Л. [44] и аще. Р. Л. [45] древодѣлные. Р. Л. [46] да не. Р. Л. [47] да deest. Р. Л. [48] *вмѣсто*: у нихъ—ихъ. Р. Л. [49] ни у нихъ. Р. Л.

дѣльныхъ орудій [50], да не отнимаютъ ничего же. А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничемъ [51] да не вредятъ ихъ, ни хулятъ [52]; а кто учнетъ вѣру хулити или осужати [53], и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію. А что Попы и Дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ [54] и во единомъ дому живутъ [55] у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье [56]; ожъ [57] кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отымается [58], но даетъ дань. А Попы, и Дьяконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по перьвой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ неправымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то [59] грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ Попъ, или Діаконъ, или Причетникъ церковный [60], или Людинъ [61], кто ни буде, откуду ни есть, Митрополиту похотятъ служити и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. Такъ слово наше учинило, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту сію крѣпости ему для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступитъ въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію [62] не извинится ничимъ же, и умретъ злою казнью [63]. Такъ ярлыкъ данъ [64]. Такъ молвя, слово

---

[50] дѣльныхъ ихъ орудій. Р. Л. [51] ничемъ deest. Р. Л. [52] хулятъ ихъ. Р. Л. [53] вѣру осужати ихъ и хулити. Р. Л. [54] ядуще. Р. Л. [55] живуще. Р. Л. [56] пожалованіе. Р. Л. [57] еже. Р. Л. [58] отъимаетца. Г. Г. отнимается. Р. Л. [59] тотъ. Г. Г. [60] или церковные. Р. Л. [61] иные люди. Р. Л. [62] великому наказанію и. Р. Л. [63] злою смертною казнью. Р. Л. [64] нашъ. Р. Л. [65] таковою данною. Р. Л.

наше учинило. Таковою [65] крѣпостію утвердило. Заечьего лѣта, осѣньняго [66] перваго мѣсяца 4 ветха. На поліихъ писанъ [67] и данъ.

Вторый ярлыкъ

А се ярлыкъ Атюляка Царя Михаилу Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и [68] изъ прадѣдъ, отъ первыхъ Царей и отъ [69] отецъ нашихъ, Атюлякъ Царь слово рекъ [70], Момаевою [71] мыслію дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ Княземъ, и волостнымъ Дорогамъ и Княземъ, Писцемъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Сотникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейникомъ, или кто на каково дѣло ни пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ Царей при [72] Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы [73], или работы, или сторожа [74], или кормы: ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видити, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и удумавши, и думавъ [75], не изыначиваемъ первыхъ ярлыковъ, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, Попомъ, и Чернцомъ, и Бѣльцомъ, и ихъ

---

[66] асеняго. Г. Г. [67] на Поліихъ писана и дана. Г. Г. на поляхъ писана и дана. Р. Л. [68] и deest. Г. Г. [69] отъ deest. Г. Г. [70] *вмѣсто:* Атюлякъ Царь слово рекъ — Тютяково слово. С. Л. [71] Мамаевою. Г. Г. [72] преже. Г. Г. [73] или заказы или служба. Г. Г. [74] сторожи. Г. Г. [7] и думавъ deest. Г. Г.

людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ никакова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозѣ Послу, ни Басмаку [76], ни которому моему пошлиннику; или что церковные домы, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скотъ [77] и [78] овчіи, или что ни буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творятъ имъ никакова; а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ безпосудно [79]. А въ церковныхъ домѣхъ ни стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ; а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ [80] отъ насъ не животною казнью казненъ будетъ; а кого нашихъ Пословъ или Пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ [81]; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михайло Митрополитъ, возмолвишь, что такъ есмь пожаловалъ [82], да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и въ виноградѣхъ или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ [83]. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ [84] творити, ино то на тобѣ; и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты преже, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши, утвердихомъ со алою тамгою ярлыкъ. Да-

---

[76] Баскаку. Г. Г. [77] скотьи Г. Г. [78] и deest. Г. Г. [79] безпосулно. Г. Г. [80] и то. Г. Г. [81] телева нѣтъ. Г. Г. [82] пожалованъ. Г. Г. [83] на тебѣ взыщется. С. Л. [84] твоимъ deest. Г. Г

ли есмя овечья лѣта, дарыка въ семь сотъ осьмое [85] лѣто, Солгата [86] мѣсяца, 10 день нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ [87] Орда кочевала. Написано.

Третій ярлыкъ

А се ярлыкъ дала Тайдула Царица Іонѣ Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона [88] Митрополитъ молебникъ за насъ молится, отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, такожъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни которая пошлина, и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву за насъ творятъ къ Богу. И что есмя молвили, и то бы есте всѣ вѣдали. Или что въ городѣхъ какія пошлины, или какое дѣло, или насилье будетъ имъ отъ кого, а тобѣ пожалуются, и ты слово ихъ выслушай, и дѣло ихъ по правдѣ прави. Или паки кто на кого предъ самымъ тобою слово молвитъ, и ты бы силы не учинилъ ни которыя, но опытай иныхъ людей, дабы въ упокой были, и о насъ молились. И вы Русскіе все Митрополиты, какъ было прежъ сего при первыхъ Царяхъ, кои дѣлали дѣла, и нынѣ такожъ дѣлали [89]. Такъ молвя, грамоту [90] дали есмя. Виннаго [91] лѣта, осмого мѣсяца, въ 6 вѣтха [92]. На желтой трости Орды кочевала. Писано [93].

Четвертый ярлыкъ

А се ярлыкъ дала Зенебекова Царица тажъ Тайдула Ѳеогносту Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

По Зенебекову [94] ярлыку [95], Тайдулино слово. Ординскимъ [96] улуснымъ Княземъ, и волостнымъ и ого-

---

[85] вседмьсотое. С. Л. [86] Салгата. С. Л. [87] нареченномъ. С. Л. [88] Иванъ. С. Л. [89] *вмѣсто*: И вы Русскіе.... такожъ дѣлали, — а вы Русскіе князи Семеномъ поченъ всѣми Митрополиты, какъ напередъ сего, кои дѣла дѣлали, а нынѣча такъ же дѣлаютъ. С. Л. [90] сеишенемъ грамоту. С. Л. [91] Свиного. С. Л. [92] Въ пятый вѣтха. С. Л. [93] Написано. С. Л. [94] Чанибѣкову. С. Л. [95] слову. С. Л. [96] Татарскимъ. С. Л.

роднымъ [97] и сельскимъ Дорогамъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, или кто на каково дѣло поидетъ, ко всемъ Пошлинникомъ. Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молятся [98] за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ: такъ молвя, Ѳеогноста Митронолита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ [99] далъ. И мы, первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожъ молвя, Ѳеогносту Митрополиту съ нишенемъ [100] грамоту дали есмя. И какъ онъ сѣлъ въ Володимерѣ, молится за Зенебека Царя, и за наши дѣти молитву воздаетъ; и [101] пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ; ни запросъ, ни каковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его. А земли его, и воды, ни огородовъ [102], ни мельницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будетъ нашихъ, не замаютъ; ни силы не творятъ надъ ними, ни истомы никакой, и не отнимаютъ у нихъ ничего. Или гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего: такъ есмя молвили. А кто паки безпутно силу учинитъ какову, или пошлину замыслитъ, тотъ смертію умретъ. И ты, Ѳеогностъ Митрополитъ, возмолвишь, что такъ есми пожалованъ. А которые къ тебѣ не причастни огороды, винограды, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишь, и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ даси Богу, и тотъ грѣхъ на тебѣ. А за насъ молитву воздавай Богу. Тако молвя, на утвержденіе нынѣшнюю [103] грамоту дали есмя. Заячьяго лѣта, Арама мѣсяца, въ 8 день нова. Въ Саргѣ [104] Орда кочевала. Написано. А жалобу положилъ Тайбога [105]; Айхоча [106], Мухтаръ, Учагуи, Карапчіи [107], писали [108].

---

[97] городнымъ. С. Л. [98] молится. Г. Г. [99] ерлыки. С. Л. [100] мишенемъ. Г. Г. [101] а. Г. Г. [102] ни огородовъ, ни виноградовъ. Г. Г. [103] мишененую. Г. Г. [104] Сарае. С. Л. [105] тебѣ Бога. С. Л. [106] а Кхоча. Г. Г. Акхоча. С. Л. [107] Учагуйкаранчіи. С. Л. [108] писанъ. С. Л.

живуще, и у кого братъ или сынъ, и тѣ потомужъ пожалованы будутъ; аще ли отъ ихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать. А попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ, Бога молятъ стояще, и насъ благословляюще; аще ли кто имать [113] неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ, или иныя люди имать [114] къ себѣ пріимати, хотя Богови молитися. И въ томъ, и такъ что будетъ, молвя, сему Митрополиту грамоту сію дали есмя. И сію грамоту видяще и слышаще попове и черицы, ни дани, ни иного чего не даютъ; а кто возметъ, Баскаци наши и Княжіе Писцы, и Поплужницы, и Таможницы, и они по велицѣй язѣ не извинятся [115], и смертію да умретъ. Тако молвя, ярлыкъ далъ [116]. Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха. На Телы [117] писаны.

Шестый ярлыкъ

А се ярлыкъ далъ Бердебекъ Царь Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи Чудотворцу.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ, изъ дѣдъ и прадѣдъ, Бердебеково слово. Татарскимъ улуснымъ и ратнымъ Княземъ, Муалбегиною [118] мыслію, волостнымъ самымъ Дорогамъ и Княземъ, и Писцомъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейщикомъ, и Заказникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ, или кто на каково дѣло ни поѣдетъ, и всѣмъ многимъ людемъ. Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники и весь чинъ поповскій: такъ молвя, написали есмя. Какова дань ни будетъ, или пошлина, ино того тѣмъ ни видити, ни слы-

---

[112] тамга Г. Г. [113] иметъ. Г. Г. [114] иметъ. Г. Г. [115] не извинется. Г. Г. [116] данъ. Г. Г. [117] На Тали. С. Л. [118] Муалбугиною. Г. Г. Муяльбугиною. С. Л.

шати не надобѣ, чтобы во упокои Бога молили, и молитву воздавали: такъ молвя, ярлыки подавали. И то увѣдавши, всѣ, иже по нихъ, иные Цари ярлыки свои давали. И мы нынѣ, первыхъ ярлыковъ не изыначивая, и думавъ [119], потомужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали. Какъ сядетъ на своемъ столѣ [120], и молитву воздаетъ къ Богу за насъ и за наше племя: такъ есмя молвили. Какова дань ни буди, или пошлина, и того тѣмъ ни видатя, ни слышати не надобѣ. Да не емлютъ у нихъ ни подводъ, ни корму, ни питья; ни запросовъ, ни почести не даютъ. Или что церковныя земли и воды, домы, огороды, винограды, мельницы, того у нихъ никто ничего не замаютъ, ни насилуютъ надъ ними; а кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ безпосульно. А въ церковныхъ домѣхъ никтоже не ставится, ни рушити ихъ; а кто ся въ нихъ имѣетъ ставити, или рушити ихъ учнетъ, и тотъ во грѣсѣхъ да будетъ, и умретъ злою смертію. И ты, Алексѣй Митрополитъ, и весь нашъ поповскій чинъ возмолвите, что есте пожалованы и церковнымъ домомъ, и землямъ, и водамъ, огородамъ и виноградомъ. Или что надъ церковными людьми учините черезъ пошлину, ино то на васъ; или кто разбоемъ и татьбою и ложью лихое дѣло учинитъ каково, а не имѣшь того смотрити, и ты самъ вѣдаешь что будетъ тебѣ отъ Бога. А о насъ Богу молися, занеже ты преже, а мы о томъ не молвимъ ничего: такъ рекше и ярлыкъ [121] съ алою тамгою дали есмя на утвержденіе вамъ. Тегигуя [122] лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 нова; Альгота [123] мѣсяца въ семьсотъ осьмое [124]. Орда кочевала на Каонгѣ. Написано. У васъ Бога [125], Усяинъ [126], Сараи, Ягатляи [127], Кутлубуга — [128] и тѣ головные Князи жалобу клали. Сеунчъ, Темирѣ [129], Мюрбакшеи [130] писали [131].

---

[119] удумавъ. Г. Г. [120] *вмѣсто* сядетъ... столѣ — какъ въ Володимірѣ сѣдъ С. Л. [121] Вайдуса ерлыкъ. С. Л. [122] Тетигуя. С. Л. [123] Алгата. Г. Г. Салгата. С. Л. [124] въ семсотное лѣто. С. Л. [125] Увалъ Бога. ГГ. Валбога. С. Л. [126] Ураинъ. С. Л. [127] Елгота. С. Л. [128] Кутлубога. С. Л. [129] Темиръ. С. Л. [130] Мурбакшіи. С. Л. [131] писалъ С.

Седмый ярлыкъ

А се ярлыкъ дала томужъ Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руси чудотворцу Тайдула Царица Зенебекова, коли ему лучится итти къ Царюграду.

По Зенебекову [132] ярлыку, Тайдулино слово. Къ Темнимъ и къ Тысячнымъ Княземъ, и Сотникомъ, и Десятникомъ, и Волостелемъ [133], и Городнымъ Дорогамъ, и Княземъ, и мимохожимъ Посломъ, и ко многимъ людемъ, и всѣмъ Приказникомъ. Сей Алексѣй Митрополитъ, коли пойдетъ ко Царюграду, и здѣ [134] кто ни будетъ, чтобъ его не замали, ни силыбъ надъ нимъ не учинили ни какіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его ни кто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Зенебека [135] Царя, и за дѣтей его, и за насъ молитву творитъ, такъ есмя молвили. А кто паки силу учинитъ, и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ: [136] такъ молвя, нишенную [137] грамоту дали есмя. Ентя [138] году, Арама мѣсяца, во 2 Ветха. Орда кочевала на Гулистанѣ [139]. Написано. Семиръ [140] Ходча жалобу положилъ.

Суть же и иніи велицы Ярлыцы предани быша церкви Божій, Пречистой Богоматерѣ, отъ безбожныхъ онѣхъ Царей крѣпости для утвержденія святѣйшимъ Митрополитомъ Русскимъ и всему причту церковному. Не реку Осанна Батыя, иже бѣ поплѣнилъ всю Русскую землю: наипаче рещи всѣхъ Царей, иже по немъ царствовавшихъ. Но охъ, увы! слезы мя обдержатъ, понеже убо милость получи святая соборная апостольская церковь даже и донынѣ отъ невѣрныхъ и поганыхъ Агарянскихъ дѣтей!

Вы православніи и Христолюбивіи Царіе, и Князи, и Бояре, потщитеся ко святымъ Божіимъ церквамъ всяко

---

[132] Ченебекову. С. Л. [133] волостнымъ. С. Л. [134] гдѣ. С. Л. [135] Ченебека. С. Л. [136] не перемолвится. С. Л. [137] мишеную. Г. Г. [138] Сита. С. Л. [139] Гулистанѣ. Г. Г. Гулистани. С. Л. [140] Темиръ. С. Л.

благотвореніе показати, вѣру праву и любовь нелицемѣрну, и милость и милостыню и прочая вся добродѣтели исправляти, да не посрамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный, яко же рече Господь во Евангеліи: Царица Южная востанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ ихъ проповѣдію Іониною, занеже не покаяшеся. Елико же обрѣтохомъ во святѣйшій Митрополіи старыхъ Царей ярлыки, сихъ и написахомъ. Мнози же суть отъ первыхъ и давнихъ, иные велицы ярлыцы суть, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемою рѣчью писаны быша, ниже паки ихъ именовахомъ. Здѣ довольно бысть и се разумнымъ къ наказанію, еже отъ Сарацинъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитва, неже правда Христіанская неразумѣющихъ по истиннѣ Бога, но ослѣпленныхъ суетою міра сего еже преобидѣти святыя церкви, и домы ихъ, и сами отъ Бога преобидимы будутъ въ вѣки безконечныя. Аминь.